891.78
L953 do

A 662805 DUPL

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google
Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

ИВ. ЛУКАШЪ

ДВОРЦОВЫЕ ГРЕНАДЕРЫ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНІЕ“ — „LA RENAISSANCE“
2, rue de Sèze, Paris (9).

Digitized by Google
Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

84:24-20.

ДВОРЦОВЫЕ ГРЕНАДЕРЫ.

Дворцовой Роты лейбъ-гвардіи Гренадерскаго батальона ефрейторъ Антошинъ, того-же батальона унтеръ-офицеръ Синюшкинъ, да прапорщикъ Павелъ Андреевичъ, только и есть, кто отъ Золотой Роты въ Санктпетербургѣ остался.

Золотая Рота есть часть гарнизонная у монумента Государя Императора Николая I, у монумента внука его Императора Александра III, а равно у колонны Александрійской, ангеломъ парящимъ возглавленной, — почетные караулы въ столицѣ несущая. Мундиръ форменный, чернаго сукна въ золотой позументъ. На часахъ въ зимнее время положены кеньги-валенки. Александръ III указалъ Золотой Ротѣ сивыхъ бородъ болѣ не брить. А кивера положены Ротѣ огромные, въ медвѣжьемъ мѣху, золотомъ блещутъ орлы.

— Антошинъ, на красныхъ выходахъ кто караулъ?... Мы караулъ — Золотая Рота.

— Такъ что, Павелъ Андреевичъ, не утруждайтесь...

Антошинъ накрылъ прапорщика кофтой до головы. Кофта бабья, черная, на рукавахъ буфы, а вата клочьями изъ прорѣхъ лѣзетъ — кофта та самая, которую унтеръ Синюшинъ на толкучкѣ, въ Александровскомъ рынкѣ, на золотые позументы вымѣнялъ.

Прапорщика Павла Андреевича лихорадка

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

бьетъ. Долгіе пальцы по кофтѣ стучатъ. Вѣки зажаты, лысый лобъ желтъ и въ поту, шевелятся запеклыя губы.

— Равненье... Не выдавай... Государь Императоръ по фронту пошли... Синюшкинъ, иней съ бороды оботри! Синюшкинъ, тебѣ говорятъ.

— Такъ что не утруждайтесь, Павелъ Андреевичъ, а Синюшкинъ отъ насъ ушедши. Аминь.

Ефрейторъ Антошинъ дышетъ на прапорщика, чтобы согрѣть. Но вѣетъ холодный паръ отъ дыханія, а ладони, какъ ледъ. Невѣсть что бормочетъ прапорщикъ, голгочетъ невнятно про парады, императоровъ, караулы.

— Не обогрѣть васъ, батюшка, Павелъ Андреевичъ: помирать, стало-быть.

А Павелъ Андреевичъ повозился подъ кофтой и внятно сказалъ:

— Покурить-бы. Затяжку.

— Да нѣтъ табачку, батюшка. Синюшкинъ, сказредъ, послѣднюю понюшку унесъ.

— Отъ слабости прошу... Умираю, Павелъ.

— Аминь. Которые старики въ Чесменскихъ богадѣльняхъ забыты, — всѣмъ помретъ...

Павла Перваго, Императора Всероссійскаго, въ Михайловскомъ замкѣ удушили. Въ лейбъ-гвардіи Павловскомъ полку всѣ кантонисты, солдатскія дѣти, Павлами въ память Монарха удушеннаго названы.. Въ Павловскомъ полку дѣйствительную вамъ службу несъ... Павелъ Первый, ваше императорское величество, всемилостивѣйшій Павелъ Петровичъ, пожалуйте лейбъ-гвардіи дворцоваго гарнизона прапорщику за вѣрность и честь службы одну затяжку табачку... Помираемъ... Можно сказать трое насъ въ Санктпетербургѣ отъ всей гвардіи осталось, словно три мушкетера. Табачку нѣтъ...

Ефрейторъ Антошинъ постоялъ надъ прапорщикомъ, послушалъ бормотанье его и до вѣтру пошелъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Больше не до вѣтру, а поглядѣть не идетъ ли Синюшкинъ, который сушеный листъ унесъ.

Темень днемъ, темень ночью. Намедни въ ночникѣ фитиль теплился, а нынче погасъ. Подъ сводами холодный паръ табунами бродитъ. Свѣтелъ снѣгъ за окномъ.

Антошинъ двѣ пустыя палаты прошелъ. Въ инеѣ стѣны. Глотнулъ морознаго воздуху: въ головѣ, въ груди зазвенѣло....

Порошу на порогъ намело. Сугробами занесенъ дворъ Чесменской богадѣльни. Не чернѣетъ слѣдовъ. Такъ скаредъ Синюшкинъ табакъ и унесъ.

Третьяго дня Синюшкинъ былъ выпивши и мѣдныя пуговицы съ орлами, что отъ старыхъ мундировъ, по койкамъ и ветоши шарилъ. Набралъ полную горсть, говоритъ:

— Продавать пойду на толкучку. Можетъ вернусь, можетъ нѣтъ.... Нынче повсюду бунтъ. И я забунтую. Заводскіе, бунтуй, говорятъ: никакой амперіи нынче нѣтъ, бунтомъ сошла. И я пойду бунтовать. Мнѣ что: старый я. Продамъ вотъ на толкучкѣ военныя пуговицы и пойду....

— Опалѣлъ, Синюха, какъ про амперію отзывается.

Поморгалъ ефрейторъ. А рѣсницы отъ инея смерзлись. Которые старики въ Чесменскихъ богадѣльняхъ забыты — тѣмъ помирать.

Намедни его благородіе приходилъ, то благородіе, которое Синюшкинъ звалъ комиссаромъ.

Снѣгомъ наслѣдилъ, сапогами нагремѣлъ.

— У-ухъ старики, духъ какой тутъ ти-и-жолой.

Антошинъ съ наръ слѣзъ, руки по швамъ, самъ въ опоркахъ и подштанники сѣрыми мѣшками висятъ, какъ у больничнаго мертвеца.

— Такъ точно — тижолый. Такъ что порціоны дюже малы: съ третьяго дня мы не ѣвши.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— А мнѣ что, когда приказано изъ богадѣльни долой. Кормить нечѣмъ.

Не повѣрилъ Антошинъ: чтобы за вѣрную службу старымъ солдатамъ, да куска хлѣба не дали. Тому не бывать.

Шутить изволилъ его благородіе комиссаръ: тому не бывать, чтобы старымъ солдатамъ, да порціону со всей огромадной амперіи не достало.

Идетъ Антошинъ въ палаты обратно. Стѣны отъ инея шаршавы. Тронулъ подъ холщевой рубахой животъ, а живота-то и нѣтъ: одна яма и острыя ребра. Аминь. Помирать. Главное, Синюшкинъ куда подѣвался: табачекъ-то унесъ.

Ни сухого листа, ни огня. Только свѣтитъ въ окнѣ бѣлый снѣгъ.

Синюшкинъ на лѣвый глазъ кривъ. Его ребята какіе обидятъ, а то гдѣ замерзши.... И куды, дуромыга, пошелъ. Бунтовать, а...

И первое, что Антошинъ прапорщику сказалъ, было про снѣгъ, про Синюшкина.

— Снѣгъ свѣтится, а никого нѣтъ. Стало-быть, Синюшкинъ пропалъ. Я до вѣтру ходилъ, а мнѣ и не надо. Спать буду.

Полѣзъ на нары, подъ кофту. И голенью толкнулъ спину прапорщика. А Павелъ Андреевичъ на бокъ повалился, свѣсилась рука. Борода отросшая закуржавѣла. Глядятъ на ефрейтора два глаза въ иней, круглыя бѣльма.

— Павелъ Андреевичъ, померли вы? Тронулъ руку. Та покачнулась, холодная.

Голову ему поднялъ: волосы сивые, въ иней. Потеребилъ за жесткую бороду:

— Батюшка слышь.... Никакъ померъ ты, батюшка? Стало-быть, померъ. Аминь.

Крехтя потянулъ на себя ватную кофту и легъ на нары рядомъ съ покойникомъ.

Стужей вѣяло отъ спины мертвеца. Ефрейтора

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

проняла дрожь, и кофта не грѣла. Тогда сѣлъ онъ на нары.

Которые въ Чесменскихъ богадѣльняхъ, тѣмъ — помирать.

А когда сказано, чтобы въ солдатской богадѣльнѣ старымъ кавалерамъ былъ хлѣбъ и было тепло. Начальники крадутъ казенныя денежки, солдатскій хлѣбъ, солдатское тепло, а старикамъ, прости Господи, подыхать. Стараго солдата, вѣстимо, всякій можетъ обидѣть.

И чего начальство смотритъ? Въ гвардіи вѣрой и правдой тридцать лѣтъ службы, раненіе, за освобожденіе народовъ славянскихъ медали, егорьевскій крестъ, румынскій крестъ, болгарская зеленая лента... Въ Болгаріи табакъ больно хорошъ. Унесъ скаредъ Синюшкинъ сухой липовый листъ, по осени, по двору, на булыжникахъ собирали: все табачокъ.... Синюшкина пойти искать, жаловаться пойти до самаго перваго начальства, до самаго императора — какъ его старые солдаты новымъ начальствомъ несправедливо обижены. У солдата, вѣстимо, начальства много. А когда безъ порціона, вотъ и Синюшкинъ забунтовавши, а онъ на лѣвый глазъ кривъ, его ребята какіе обидятъ....

Шаритъ ефрейторъ опорки подъ нарами, въ темнотѣ. Ватную кофту съ прапорщика потянулъ.

— Павелъ Андреевичъ, ужъ вы дозвольте, батюшка, кацавею мою. Стало-быть жаловаться пойду.

А прапорщикъ молчитъ.

Была на дворѣ ночь, когда вышелъ ефрейторъ.

Опорки по снѣгу скребутъ. Подъ кацавею дуетъ острый вѣтеръ. А куда ни поглядѣть — сѣрая мгла снѣговъ.. Не видно больше людей въ Санктпетербургѣ.

Какъ Набережную пройти, будетъ мостъ, а тамъ

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

казенные склады, гдѣ штабели дровъ на зиму сложены. По штабелямъ шипитъ сѣрый снѣгъ.

На Невѣ, съ черныхъ барокъ, студеный вѣтеръ ударилъ.

Ефрейторъ Антошинъ, маленькій старичекъ, въ рваныхъ валенкахъ, въ бабьей кофтѣ, спѣшитъ-поспѣшаетъ.

Пуста, во тьмѣ, омертвѣвшая столица, городъ Святого Петра, Санктпетербургъ.

Въ пустынѣ снѣговъ спѣшитъ-катится ефрейторъ Антошинъ, маленькій старичекъ, какъ черный горошекъ.

На площади, у погасшаго вокзала погребены въ снѣгу широкія ступени, въ чугунныхъ, пышныхъ фонаряхъ разбиты стекла. Тамъ пробрался ефрейторъ къ гранитному тому монументу, у котораго несъ почетные караулы.

Иней горитъ на гранитѣ. Ефрейторъ ледяной камень погладилъ, поднялъ вверхъ тощія руки. Вѣтеръ гудитъ. Склонилъ съ глыбы тяжкую, въ круглой шапкѣ, голову брадатый императоръ Александръ III.

— Ваше величество, дозвольте доложить: первой роты гвардіи гарнизоннаго батальона ефрейторъ Антошинъ.... Порціоны намъ дюже малы... Прапорщикъ уже померши. Намедни унтеръ-офицеръ Синюшкинъ пропалъ. Обогрѣйте стариковъ, ваше величество... Вѣрой и правдой батюшкѣ вашему службу несъ, у вашего дѣда въ кантонистахъ состоялъ. Подъ Геокъ-Тепе пуля въ ногу, подъ Горнымъ Дубнякомъ турецкій штыкъ въ бокъ, горячкой подъ Санъ-Стефано горѣлъ. Дозвольте доложить: пропадаемъ. Аминь.

Обледенѣлая мѣдная борода Императора будтобы шевельнулась и еще ниже склонилъ тяжелую, заваленную снѣгомъ, голову Императоръ. Молчитъ.

«Младшій онъ. Ему отвѣта не дать: стало-быть,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

къ старшимъ, какіе ни есть, спосылаетъ» — подумалъ ефрейторъ. Стянулъ съ головы рваную чухонскую шапку и поклонился.

Покатилась черная горошина по снѣгамъ... Отъ вѣтра ефрейторъ оглохъ, не сгибаются обмерзлые пальцы...

А межъ шумящихъ черныхъ деревъ стоитъ надъ сугробами много начальства, у кого шпага въ рукѣ, у кого зрительная труба, у кого свертки бумагъ. И всѣ недвижны, обледенѣли. Свѣтитъ снѣгъ на темныхъ кафтанахъ. Тутъ и фельдмаршалъ Суворовъ, тутъ и князь свѣтлѣйшій Потемкинъ, а надъ ними, поднявъ во тьму побѣлѣвшія очи, стоитъ сама государыня Екатерина Великая.

— Матушка, ваши сіятельства, весь генералитетъ! Солдатскую слезу самъ Богъ видитъ. Упокой нашу старость, славная государыня. Отъ твоей ли амперіи огромадной, да чтобъ не было порціону старымъ егорьевскимъ кавалерамъ, матушка...

На колѣни въ снѣгъ сталъ. Шумитъ вѣтеръ вокругъ головы государыни. Повела она тяжкими буклями, посыпало снѣгъ.

Посыпало снѣгъ на фельдмаршаловъ. Дрогнули бѣлыя рѣсницы Суворова, Потемкинъ крутой бровью повелъ...

И сжала государыня мѣдныя замерзшія вѣки и выкатилась горячая слеза. Побѣжала горячая слеза по мѣднымъ складкамъ мантіи, по буклямъ, шпагамъ, зрительнымъ трубамъ фельдмаршаловъ. И пала, остывъ, на ефрейтора.

Ефрейторъ подумалъ: «Провинили мы чѣмъ ни есть государей: молчатъ».

И дальше побрелъ. А скачетъ на другой площади Николай Первый, въ колючей той каскѣ, куда вцѣпился двуглавый злой коршунъ. При Николаѣ Первомъ солдату хуже каторжнаго жизнь была: все шпицрутены, зеленая улица. Когда былъ кантони-

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

стомъ на всю роту по одной колодкѣ точали сапогъ. Мыломъ ногу намылишь, и нога какъ въ желѣзѣ, и кровь изъ пальцевъ сочится...

Прижался ефрейторъ къ стѣнѣ и видитъ, какъ двуглавый ледяной коршунъ надъ каской плещетъ, клюетъ.

— Государь, гвардея-то твоя, слышь, аминь.

Побѣжалъ.

У высокихъ сводовъ, у Адмиралтейскихъ воротъ, двѣ каменныя богини держатъ голыми руками надъ головой земной шаръ, обледенѣлый, въ снѣгу. У ногъ богинь отдышался ефрейторъ.

А на Сенатской площади въ погнутомъ фонарѣ, вьюга визжитъ... Съ Невы вѣтеръ нахлынулъ, хватилъ кофту въ бокъ, чухонскую шапку рванулъ, въ старую спину ударилъ. Лѣзетъ ефрейторъ по высокой гранитной скалѣ, гдѣ мѣдныя буквы. Вотъ ухватилъ за хвостъ Мѣднаго Змія.

— Дозволь, слышь, до копытъ-то добраться, слово государю замолвить, прошенье солдатское...

Но скользнулъ хвостъ и скатился ефрейторъ со скалы, въ глубокій снѣгъ палъ, и заплакалъ...

— Никто обиды солдатской не слышитъ. Высоки ампираторы, солдату развѣ добраться...

Задрожалъ мѣдный лавровый вѣнецъ на головѣ Петра Перваго, дрогнули обмерзлыя его кудри, повелъ Императоръ мѣдной ладонью, во тьму распростеръ....

И тяжко прыгнулъ въ сугробъ мѣдный конь Николая, загремѣли копыта Александрова битюга на Невскомъ проспектѣ... Мѣдные пажи, сбиваясь, не въ ногу, несутъ широкую мантію спѣшащей Екатерины. Торопятся въ метели фельдмаршалы, побѣлѣвшіе ,дымные...

Суворовъ и князь Потемкинъ за руки подняли со снѣга ефрейтора. Старый полководецъ Румянцевъ-Задунайскій закинулъ его походнымъ плащемъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Фельдмаршалы понесли ефрейтора Золотой Роты по набережной, вдоль погасшихъ дворцовъ, въ пустынѣ Невскаго проспекта, по площадямъ столицы.

Выше, выше надъ мглою колоннадъ и куполовъ, въ гулкое небо уносятъ ефрейтора.

Фельдмаршалы несутъ дворцоваго гренадера въ рай, тамъ навсегда положены старымъ егорьевскимъ кавалерамъ валенки на всю зиму, порціонъ и табакъ; тамъ встрѣтитъ его другъ - Синюша, забунтовавшій унтеръ-офицеръ, который замерзъ подъ заборомъ, на Обводномъ Каналѣ, съ военными пуговицами въ горсти, тамъ прапорщикъ Павелъ Андреевичъ доскажетъ ему исторіи свои о Золотой Ротѣ, о зимнихъ парадахъ, объ императорахъ и о трехъ мушкетерахъ...

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

A QUOI PENSE L'EMPEREUR?

Ночь марта, революція...

Съ Петербургской стороны я добрался до Таврическаго Дворца. За широкой Невой, тихимъ факеломъ горѣлъ полицейскій участокъ. Прозрачной пустыней раскинулось небо надъ Петербургомъ. Я шелъ въ щемящей тишинѣ.

У Окружного Суда дымилось въ багровыхъ лужахъ зарево. Пожаръ полыхалъ въ полукруглыхъ окнахъ тихо, лѣниво. Солдаты стояли нѣмой толпой. Тамъ были только солдаты въ долгихъ гвардейскихъ шинеляхъ. И мнѣ показалось, что всѣ они безъ шапокъ, какъ на молитвѣ. По скуластымъ лицамъ, по бобрикамъ ежей полыхало лѣнивое пламя.

А въ Таврическомъ Дворцѣ я забился подъ вѣшалки. Я сѣлъ на деревянную подставку, раздѣленную на ящики, куда ставили калоши господъ депутатовъ Государственной Думы.

По ногамъ, по носу, по лицу задѣвали меня полы шинелей.

Томительно грохотали голоса въ парадизѣ, прикклады гремѣли о паркетъ. Колыхался туманъ табачнаго дыма, дыханія, кислаго пара шинелей.

Во дворѣ, за низкой рѣшеткой, туманомъ колыхала толпа. Блестѣлъ срѣзанный уголъ броневика, полковая кухня дымила, какъ снѣготаялка, кавалеристъ на долгоногой лошади разсыпалъ зачѣмъ-то пачку бѣлыхъ листковъ въ туманъ...

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

По правдѣ сказать, съ той ночи, какъ сидѣлъ я на депутатскихъ калошахъ, навсегда застылъ томящій страхъ въ моемъ сердцѣ: я испугался революціи, тошно стало мнѣ...

Я былъ тогда на первомъ курсѣ университета, и мѣдныя пуговицы на моей тужуркѣ блистали орлами, какъ золотыя зеркальца. А въ Таврическій Дворецъ я пробрался изъ-за бабушки: говорили, что у Государственной Думы стрѣляютъ, что тамъ поставлены пушки и такія огромныя: какъ звезданутъ — вся Выборгская на воздухъ.

А у дворца, въ Таврической богадѣльнѣ, жила моя бабушка. И у меня не было никого въ Петербургѣ: только бабушка.

Ростомъ она была мнѣ, пожалуй, по поясъ: я долговязый.

Чепчикъ бабушкинъ бѣлый и волосы бѣлые, какъ пушистый снѣжокъ, а сама въ сѣромъ богадѣльничномъ платьѣ съ пелеринкой и въ прюнелевыхъ башмакахъ, — очень легонькая старушка, съ птичьимъ носикомъ, худенькимъ личикомъ и узкими ладонями, въ путаницѣ сѣточекъ и морщинъ.

Когда я приходилъ, — а бывалъ я разъ въ мѣсяцъ, по воскресеньямъ, — она говорила со мной по французски. Я понималъ ее дурно, она дурно слушала меня. Про мою студенческую тужурку бабушка освѣдомлялась:

— Какая теперь странная зеленая форма. Ты какого полка?

Говорилъ каждый разъ, что я не въ полку, а студентъ. Она собирала у носика презрительную гримаску. Вообще она считала меня немного parvenu: моя мать вышла замужъ за бѣдняка-гравера, и еще по любви.

— Твоя мать была очень хорошая дѣвочка, но какъ бы это сказать, — она была слишкомъ émancipée.

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Я любилъ бабушкины исторіи объ Екатерингофскихъ гуляніяхъ и майскихъ парадахъ, когда двигались величаво въ пыли кавалергарды и кирасиры, точно ряды ослѣпительныхъ монументовъ.

Были у бабушки прелестныя, состарившіяся слова: митенки, кринолины, фронтажи. Отъ нея я узналъ, что раньше въ Петербургѣ ходили не конки и не трамваи, а кукушки — длинныя кареты безъ верха, и что на Взморьѣ были тони, дома на водѣ, гдѣ рыбаки жарили чудесную яичницу и тянули сѣти на счастье пріѣзжающихъ. Сама бабушка написала мнѣ на почтовомъ листкѣ дрожащимъ дѣтскимъ почеркомъ своимъ слова старинной цыганской пѣсни «Шелъ мэ вэрста», — какую пѣла когда-то цыганка Груня въ Новой Деревнѣ.

И еще былъ у бабушки, на очень тоненькой золотой ниткѣ, плоскій медальонъ, усыпанный брилліантиками. А въ медальонѣ желтѣлъ, какъ въ табачной пыли, портретъ императора Александра Второго.

— Онъ былъ большой шалунъ, нашъ императоръ — ласково смѣялась бабушка, грозя кому-то пальчикомъ въ митенкѣ.

Она разсказывала мнѣ о придворныхъ балахъ. Тогда дамы носили пуфъ и розовый, въ блесткахъ, газъ. При дворѣ хорошо знали, что у императора романъ съ одной княжною.

А однажды на балу императоръ взялъ подъ руку мою бабушку и поцѣловалъ вотъ тутъ, — нѣтъ, чуточку выше, — тутъ, гдѣ запястье, гдѣ теперь маленькая, какъ шарикъ, косточка. Императоръ Александръ былъ джентельменомъ. На масленой, въ 1875 году императоръ встрѣтилъ ее на Милліонной, у въѣзда въ Эрмитажъ, стоятъ тамъ двѣнадцать гранитныхъ гигантовъ. Императоръ привѣтливо улыбнулся:

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Здравствуйте. Я помню, за мною остался одинъ котильонъ.

А она отвѣтила ему такимъ глубокимъ, такимъ молчаливымъ поклономъ.

***

Я, наконецъ, отдышался и выбрался изъ подъ вѣшалки Таврическаго Дворца.

Коридоръ богадѣльни погасъ въ сырой тьмѣ. Испуганныя старушки шмыгали, какъ тихія мыши. Я нашелъ бабушку у окна. Она сидѣла на подоконникѣ съ ногами, какъ дѣвочка, прижавъ лицо къ темному стеклу.

— Бабушка, надо домой: тутъ безпокойно.

Она опустила съ подоконника крошечную ножку, прюнелевый башмакъ мягко упалъ. Удивительно, какъ она была похожа тогда на дѣвочку. Она протянула мнѣ дрожащую руку и сказала взволнованно:

— Спасибо, пришелъ... Тамъ собрались мужики, солдаты, мастеровые. Они ужасно кричатъ. Это ни на что не похоже.

— Пойдемте, бабушка, домой.

Она покорно накинула пелеринку, не забыла взять свой ветхій бархатный саквояжъ, шитый бисеромъ, и, завязывая у сморщеннаго подбородка шелковыя ленты наколки, строго спросила:

— Mais, à quoi pense l'Empereur? Вѣдь это похоже на бунтъ.

Я рѣшилъ, что лучше молчать.

Уже погасало пожарище Окружного Суда. На романтическія развалины стали похожи обрушенныя стѣны съ полукруглыми окнами. Солдаты стояли также молча, безъ шапокъ, лица — въ заревѣ, глухонѣмые. Вотъ это и была революція, мартъ...

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— О, mon Dieu... Пожаръ, солдаты... Это бунтъ, да?

— Нѣтъ, просто такъ, немного горитъ. Идемъ, бабушка...

А черезъ три дня или черезъ недѣлю пришелъ я съ улицы домой и засталъ бабушку снова на подоконникѣ, съ поджатыми ногами.

На улицахъ, по Невскому, по мостамъ и проспектамъ плыли къ Государственной Думѣ черные потоки манифестацій, красныя знамена, мѣдные оркестры, красныя ленты. Бабушка посмотрѣла на меня влажными глазами, прижавъ къ лицу мокрый платокъ.

— A quoi, à quoi pense l'Empereur? Въ столицѣ бунтъ и чернь на улицахъ... Я всегда думала: если даже императоры стали отращивать бороды — добра Россіи не будетъ, императоръ не долженъ быть, какъ мужикъ... О чемъ, наконецъ, думаетъ нашъ брадатый императоръ?

***

На Милліонной улицѣ, въ дворницкой, пріютилъ бабушку старый дворецкій Петръ Акимовичъ. Тогда началась коммуна. Голодъ.

Дворецкій Петръ Акимовичъ, тоже богадѣльный сидѣлецъ, какъ моя бабушка, досиживалъ свои ветхіе вечера у внука своего, дворника съ Милліонной. Въ томъ подвалѣ бабушкѣ дали уголъ.

А когда Петръ Акимовичъ везъ мою бабушку къ Смоленскому кладбищу на салазкахъ — отдыхалъ старый дворецкій почти на каждой тумбѣ, онъ очень былъ слабъ отъ цынги, отъ одышки, и разношенныя валенки внука были ему тяжелы.

Я знаю: у бабушки на Смоленскомъ кладбищѣ давно было куплено мѣсто, — тамъ, гдѣ старыя могилы, гранитныя колонки, обросшія жесткимъ сѣ-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

вернымъ мхомъ, и разбитыя урны временъ Екатерины и Павла, и надмогильные барельефы: крылатые геніи съ вѣнками, — погасли факелы въ опущенныхъ рукахъ.

Петръ Акимовичъ, задыхаясь, покрякивая, везъ бабушку по Милліонной, мимо Эрмитажа, мимо двѣнадцати гранитныхъ гигантовъ, которые помнятъ, такъ много, которые вспомнили, можетъ-быть, какъ на масленой 1875 года, у ихъ каменныхъ, отливающихъ инеемъ ногъ, отвѣтила бабушка такимъ глубокимъ, такимъ молчаливымъ поклономъ императору Александру Второму.

Сквозь щели гробовой крышки смотрѣла она на снѣговой Санктпетербургъ, прижавъ лапки къ груди.

На ея открытые глаза, на кончикъ остраго носика, падали рѣдкіе крестики снѣжинокъ, метались въ тихомъ котильонѣ, — бабушкинъ послѣдній котильонъ, — а заиндивѣлыя бровки бабушки моей были подняты вверхъ недоумѣнными уголками и спрашивали:

— A quoi, à quoi pense l'Empereur?

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

КУРАНТЫ.

Замело снѣгомъ памятникъ Крузенштерна, что на 11 линіи Васильевскаго острова, противъ кадетскаго корпуса.

Увѣшана льдомъ мѣдь буквъ:

«Первому Россійскому Мореплавателю Вокругъ Свѣта, Адмиралу»...

Чугунные тупоносые башмаки, чугунныя штрипки узкихъ штановъ едва видны изъ подъ снѣга, на адмиральскомъ носу наросла бѣлая бородавка.

Предъ суровымъ порталомъ Горнаго Института погребены въ сугробахъ Геркулесъ, удушающій Антея, и похищеніе Прозепины. У Геркулеса на мускулистой черной икрѣ отбитый уголъ бѣлѣетъ, точно замерзшее мясо, и торчитъ изъ сугроба черная голова Антея: ротъ искривленъ, выкачены глаза — задохся въ снѣгу.

По утрамъ, какъ идти въ Муссожомъ, онъ бредетъ мимо желтыхъ зданій Академіи художествъ, мимо сфинксовъ, привезенныхъ изъ Θивъ.

Надъ громадою академическихъ воротъ къ почернѣвшему мрамору привинчены тяжелыя буквы — «Свободнымъ Художествамъ»... Сфинксы — опорошенныя снѣгомъ гранитныя кошки.

Онъ проводитъ по заиндивѣлому граниту цоколей ногтемъ. Въ пушистомъ сребрѣ ноготъ его, какъ рѣзецъ, чертитъ — Н. Н...

***

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Пройти пустынный дворъ, гдѣ проложена межъ сугробовъ доска, въ долгомъ усиліи толкнуть отъ себя дубовую, бурую дверь, которая также тяжко скрипитъ, какъ скрипѣла лѣтъ сто назадъ, и войдешь въ Муссожомъ.

Онъ служитъ въ Муссожомѣ.

Муссожомъ — складъ двуглавыхъ орловъ, статуй, мраморныхъ досокъ, монументовъ, мѣдныхъ порфиръ, разбитыхъ каретныхъ фонарей съ золочеными вензелями и прочихъ регалій Имперіи низпровергнутой.

Кинувъ вверхъ всѣ четыре копыта, завалился конь императора Николая I. Сквозь пыль желтовато блеститъ мѣдь на потертомъ вздутомъ конскомъ боку, на остромъ носкѣ мѣднаго сапога.

Отвинченная голова императора въ кавалергардскомъ киверѣ закатилась подъ столъ, смотрятъ изъ тьмы выпуклые глаза.

Муссожомъ снялъ Николая I съ Маріинской площади. Императоръ пойдетъ въ плавильную печь.

Орлы прислонены къ стѣнѣ. Отбиты крылиныя острія, разогнуты когти, сжимавшіе державы и скипетры.

Орлы Александра Благословеннаго несутъ прямо и сильно чугунныя крылья. Углами, сурово, какъ два горба, поджаты крылья черныхъ орловъ временъ Николаевскихъ, и кудрявы и легковѣсны, точно отпечатки на мѣдныхъ копѣйкахъ, орлы послѣдняго императора.

Орлы Елизаветы, Екатерины, старинный сплавъ мѣди и золота, мигаютъ сквозь пыль каленымъ блескомъ, жаромъ неугасимымъ.

Отверсты клювы, изогнуты, какъ змѣиныя жала, языки желѣзныхъ мальтійскихъ орловъ Павла I.

Изъ темнаго угла мраморная Екатерина милосердно простираетъ державныя руки. Пальцы отбиты, почернѣли, мраморныя, въ женственныхъ ям-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

кахъ, ладони обуглились. Желтоватая порфира изрѣзана, исчиркана частой паутиной пахабныхъ надписей.

Императрицу Екатерину свалили въ Муссожомъ съ той площадки Главнаго Штаба, гдѣ красноармейскіе караулы отвели себѣ отхожее мѣсто.

Губы изогнуты мягкой улыбкой — Екатерина улыбается правой щекой — сколота щека лѣвая, точно изъѣдена сребристой волчанкой.

Спиной вверхъ брошенъ поясной бюстъ чугуннаго полководца.

Его привезли съ Выборгской. Въ спинѣ пробоины отъ булыжинъ. Бюстъ — пустой изнутри, зіяютъ на спинѣ, какъ люкъ въ обширный подвалъ, рваные углы чугуна. Смятая голова лобаста и вздута, точно у карлика или урода. На груди чугунная лента, многія чугунныя звѣзды, и выбита по подножію чугунная надпись: Свѣтлѣшій Князь Кутузовъ-Смоленскій...

Высоко подымая ноги, обходитъ онъ пыльныхъ орловъ.

Тотъ черный орелъ, видавшій еще декабристовъ, сброшенъ со старой Исаакіевской аптеки, тѣ подобраны на Васильевскомъ острову, два, волоченыхъ и пышныхъ, сбиты съ мостовыхъ фонарей, тотъ мѣдный орленокъ, ярый птенцъ, отвинченъ на Литейномъ проспектѣ.

Орлы съ арсеналовъ, съ фронтоновъ, съ корпусовъ сталелитейныхъ и желѣзопрокатныхъ заводовъ, съ казармъ, госпиталей...

Муссожомъ — контора кладбища, а сдаютъ тамъ на сломъ Имперію Россійскую.

***

— Товарищъ Петровъ.

— Да-съ?

Дверь пріоткрылась. Цѣпкая смуглая кисть ухватила косякъ...

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Уже виденъ черный рукавъ пиджака, тощіе пальцы, ногти въ отблескахъ. Его зоветъ самъ товарищъ Муссожомъ. Какъ у китайца, остры, длинны ногти товарища Муссожома.

— Товарищъ Петровъ, потрудитесь послѣ завтра, нѣтъ завтра...

Товарищъ Муссожомъ ступилъ въ складъ.

Вѣки въ морщинистыхъ складкахъ, двѣ глубокихъ черты запеклись, проѣли горячія борозды къ сухимъ, опаленнымъ губамъ. Съ темнаго лба откинута черная грива. У товарища Муссожома острая, хвостатая голова.

— Потрудитесь завтра очистить мѣсто на складѣ. Коллегія Муссожома постановила снять куранты съ Петропавловской крѣпости.

— Куранты?

— Да, вы можете ихъ свалить туда, на каретные фонари съ вензелями. Вамъ придется повозиться съ цѣпями, колесами, блоками: у курантовъ механизмъ громоздкій... Еще запишите: сдать въ сплавъ четыре герба, голову Николая Перваго, конскую ногу, пять штукъ вензелей...

— Да-съ, записалъ.

Товарищъ Муссожомъ посмотрѣлъ на китайскіе ногти свои, разсѣянно пощелкалъ ноготь о ноготь, и повернулся къ Петрову спиной.

Сутулая черная спина Муссожома. Бугры лопатокъ шевелятся на ходу.

А, можетъ быть, подъ чернымъ пиджакомъ стиснуты, вдавлены костяки крылъ. И какъ ударитъ одно крыло —все обрушитъ, какъ свистнетъ другое — хлынутъ льды, тьма...

***

Въ морозномъ молчаніи набережной, ясно и длительно, плескомъ ледяной воды въ урнѣ, разлился бой курантовъ Петропавловской крѣпости.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Въ свѣтящемся сумракѣ, надъ пушистой бѣлизной снѣговъ, дрогнулъ легчайшій звонъ, медля осыпалось морозное серебро, длительно и ломко пролились-прозвенѣли куранты, съ запинками, печальный напѣвъ: Коль Славенъ...

Длительное дрожанье, перепаденье серебра, длительная печаль, — дней звенящая мѣра...

Санктпетербургъ, сѣверная коммуна, отъ Рождества Христова годъ 1921...

На Кронверскомъ завалились заборы. Пустынно стоятъ деревянные домы, съ обваленными крышами, въ окнахъ тряпье. Это гробами разбили стекла въ домахъ.

На опустѣлыхъ проспектахъ торчатъ изъ щебня печныя трубы. Точно огромный, тихій пожаръ лѣниво прошелъ надъ столицей.

Горечью пепла, сырой прѣлостью дышетъ Санктпетербургъ. Обнаженные пустыри. Груды кирпича въ бурьянѣ. Ржавѣющія рѣшетки.

Съ торцовъ не убираютъ конскую падаль. Конскіе бока вздуты, ощерены челюсти, напрягла смерть окостенѣлыя ноги. Нѣмые эскадроны проскакали надъ городомъ въ нѣмой атакѣ и сбросили на торцы лошадиные трупы...

Въ худомъ драповомъ пальтишкѣ, съ прозрачнымъ отъ голода лицомъ, бродилъ скульпторъ Петровъ по столицѣ.

У Тучкова моста, въ магазинѣ игрушекъ «Дѣтскій рай», прижатъ къ окну прѣющій, мерзлый картофель. Сѣрый студень слизнями ползетъ по стеклу... И — помѣтка ногтя на инеѣ гранита... Она прижималась дѣтскимъ лбомъ къ стеклу «Дѣтскаго Рая».

Въ булочной Филиппова проземенѣли помятые мѣдные поручни у дверей.

Поставили въ булочной досчатые столы. Тамъ вывѣска «Коммунальная столовая».

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Въ холодномъ сумракѣ, бокъ о бокъ съ такими же хмурыми и блѣдными людьми, какъ и онъ, грѣлъ Петровъ на больничномъ жестяномъ судкѣ тощія ладони свои и неувѣренно выгребалъ ложкой изъ сальной воды куски темной конины. Нѣмая атака проскакала надъ столицей: конина — паекъ Коммуны...

Заколочены глухія витрины, погасшіе фонари погнулись подъ тяжестью льда.

Въ пустотѣ улицъ одинокія холщевыя вывѣски истекаютъ бурой краской: «Кооперативъ Потребитель», «Районная лавка №5». За окнами, въ громадныхъ закромахъ, мерзлый картофель и клюква. Клюква, запеклая кровь, смѣшанная со снѣгомъ: замерзшая кровь — паекъ Коммуны...

Разстрѣлы и тишина. Свѣтлая тишина ступила въ Санктпетербургъ. Столица ржавѣетъ, обнажая линейные проспективы, стройныя амфилады дворцовъ, — прекрасная, свѣтлая, мертвая, какъ Н... Н — помѣтка ногтя на инеѣ гранита.

Надъ пустыней Проспекта Красныхъ Зорь бродятъ тусклые восходы-закаты. Однѣ вори отмѣчаютъ смѣну мертвыхъ дней, зори и звонъ курантовъ-дней звенящая мѣра...

***

Въ Гавань, по Васильевскому острову, ползетъ ржавая конка.

Облѣзлые кони въ плѣшинахъ, съ острыми крестцами — похоронныя одры, ржавый катафалкъ-конка. Качаются наверху мертвецы-пассажиры, постукивая другъ друга костяками плечей. Летаетъ вокругъ головъ Невскій вѣтеръ.

Проползла дребезжащая конка...

На Николаевскомъ мосту вѣтеръ кинулъ колкій снѣгъ. Снѣгъ, шипя, завертѣлся у ногъ, дунулъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

въ лицо. Петровъ придержалъ шапку, поддало полы пальто:

— Визжи, визжи...

Тронулъ на рѣшеткѣ мѣдную конскую голову, провелъ рукой по изогнутой шеѣ коня, мѣднаго тритона, забормоталъ:

— Кто строилъ рѣшетку?.. Вотъ, не помню... Тимонъ строилъ, нѣтъ не Тимонъ — Монферанъ... Все равно... Все сниметъ — рѣшетки, площади, Петра Перваго...

Вдохнулъ ледяного воздуха, шумящей тьмы.

— Тимонъ, Морферанъ, Гваренги, Воронихины, Растріели — гэй! Муссожомъ снялъ граниты, дворцы, Казанскій Соборъ, сто тридцать его колоннадъ, со всѣми знаменами, съ жезломъ маршала Даву, съ гробницей Кутузова... Все оголилъ! Всю Россію укралъ! Слышите, — гэй!..

И вдругъ хлынулъ ледяной вѣтеръ въ лицо, гулко завыли тысячи голосовъ:

— Слышимъ....

***

Прохожіе Коммуны, блѣдные нищіе, оглядывались испуганно. У всѣхъ выпирали скулы и чисто свѣтились исхудалыя лица, бѣлый снѣгъ...

Тусклый сонъ — прохожіе Коммуны...

Баба въ мужицкихъ сапогахъ, обвернутая платками, тащитъ санки съ мѣшками. Баба сипло передохнула, повела горячимъ зрачкомъ, оттого-ли, что веревочный гужъ вдавился ей въ грудь, или отъ жалости, что бѣжитъ безъ шапки человѣкъ въ лютую стужу...

Петровъ припалъ къ рѣшеткѣ Лѣтняго Сада.

Шумѣли темныя толпы деревъ за изморозью рѣшетки. Надъ вышкой радіотелеграфа у Инженер-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

наго Замка залегла зимняя туча, громада чернаго крыла.

Черное крыло застыло надъ столицей, надъ Россіей, надъ всей землей...

И внезапно звукъ сребристый разлился въ сумеречной мглѣ длительнымъ звономъ — Коль Славенъ...

Разлился отъ рѣшетокъ Лѣтняго Сада звонъ Коль Славенъ, отъ голыхъ деревъ, отъ колоннадъ за бѣлымъ пустыремъ Марсова поля, отъ стараго дома у въѣзда на Троицкій мостъ, отъ памятника Суворова, обмерзшаго римскаго воина, мраморнымъ щитомъ заслонившаго тіару папъ и корону королей италійскихъ, отъ набережныхъ отъ сребристой мертвой громады Санктпетербурга — звонъ сребристый отъ гранита панекей, отъ погасшихъ дворцовъ...

Проваливаясь въ сугробы, Петровъ бѣжитъ безъ шапки вдоль рѣшетки Румянцева сквера.

Муссожомъ... Темный дворъ казеннаго зданія... На дальнемъ подъѣздѣ маячитъ, какъ у мертвецкой, тусклый фонарь.

Звенитъ Санктпетербургъ, вся тьма его, гулкій вѣтеръ, косое кишѣнье снѣговъ — Коль Славенъ....

Тумаиомъ дунулъ снѣгъ подъ своды... Петровъ шагнулъ и припалъ къ обледенѣлому косяку — дохнула въ лицо звенящая буря.

Сверкаютъ, звенятъ, очи императоровъ, императрицъ, звенятъ, трясутся чугунныя щеки полководцевъ, кованыя губы звенятъ... На мраморномъ плечѣ Екатерины плещетъ крыломъ звенящій орелъ. Прыщетъ, брящаетъ орлиное оперенье.

Императрица, исчирканная пахабными надписями, милосердно протягиваетъ ему отбитые пальцы, сколотая щека, изъѣденная сребристой волчанкой, дрожитъ отъ звенящей улыбки...

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Конь императора Николая загремѣлъ мѣдью. Лобастая чугунная голова, — фельдмаршалъ Кутузовъ съ пробитой спиной, — покатилась, подпрыгнула. Звенящимъ воплемъ разъятъ чугунный ротъ.

Орлы въ острыхъ клочьяхъ изодранныхъ порфиръ, подгибая обломки крылъ, скребя о плиты, гремя желѣзными перьями, кинулись къ нему стаей, захватили въ звенящіе когти...

Высоко взлетѣли орлы, разсѣкая крылами застылую тьму...

И видитъ онъ: летятъ съ орлами прозрачныя толпы, прозрачные генералы въ ледяныхъ эполетахъ, дѣти прозрачнѣе луннаго дыма и съ ними Н, Н, Н, и обгоняютъ дѣтей прозрачные люди, нагіе, разстрѣлянные, съ темными пятнами на лбахъ, въ груди, съ черными дырками пуль, хороводомъ летятъ замершія отъ голода старухи, прозрачнѣе льдинокъ, — прозрачныя кавалькады, прозрачный Санктпетербургъ...

**
*

Крѣпостные куранты, разливая зябкое дрожанье, отбили въ пустотѣ темнаго неба ночную четверть, когда Петровъ, завскладомъ Муссожома, выбивъ оконную раму, съ шестого этажа рухнулъ во дворъ...

Его убрали на другой день: на дворовый пустырь случайно забрелъ, обходя раіонъ, товарищъ секретарь комжилкомиссіи.

Товарищъ комжилкомиссіи долго разсматривалъ, что торчитъ изъ сугроба, нагнулся и увидалъ, что изъ сугроба торчатъ ноги въ калошахъ «Треугольникъ», повязанныхъ бичевками, и что у галошъ стерты задники...

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

ПОРТРЕТЪ.

Не прокукуетъ сѣрая кукушка, выглянувъ изъ круглаго оконца часовъ...

У моего отца, отъ временъ турецкой войны, были часы съ кукушкой и маленькій орѣховый шкафъ. На оборотѣ створокъ писалъ отецъ карандашемъ, когда еще не было меня на свѣтѣ:

«17 октября 1890 года выпалъ первый снѣгъ».

«15 ноября 1891 года началось наводненіе. Въ Академіи залило подвалы и нижніе коридоры».

Мы жили въ Академіи Художествъ. Отцовскій шкафъ, часы, — увижу-ли я васъ?

Художникъ Новоскольцевъ писалъ ея голову. Она покоится на подушкѣ. Теплый румянецъ на впалыхъ щекахъ, нѣжная тѣнь надъ пріоткрытой губой, уснувшія стрѣлы бровей...

Когда она не смѣялась, ея тонкое дѣвичье лицо замолкало, какъ на эскизѣ Новоскольцева — стремительно и печально, а стрѣлы бровей тревожно сходились.

Черноглазая петербургская дѣвушка....

Сонъ громадный, туманный, ходъ видѣній, темныя вереницы — дѣтство мое, орѣховый шкафъ, Таня, художникъ Чартковъ.

Ученикъ Академіи — художникъ Чартковъ былъ ея женихомъ. Его этюды натурнаго класса и теперь, вѣроятно, пылятся въ темныхъ папкахъ академическаго архива — и печать на краю шершава-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

го листа: квадратный коричневый штемпель «И. А. Х.» — Императорская Академія Художествъ...

Жилъ Чартковъ противъ Академіи, въ Соловьевскомъ переулкѣ, что выходитъ на глухую площадь къ мебельнымъ рядамъ Андреевскаго рынка. Тамъ пусто подъ навѣсомъ старинной галлереи. По площади мететъ клочки сѣна и ходятъ голуби, зябко воркуя.

Въ темномъ переулкѣ заняты нижніе этажи чайными, извозщичьимъ дворомъ. Визжатъ двери на кирпичномъ блокѣ, обдаетъ улицу паромъ.

Чартковъ жилъ надъ чайной, у старой чухонки, солдатской вдовы.

Солдатская вдова была прачкой и ходила по господамъ. Еще была она гадалкой и на комодѣ ея, рядомъ со стеклянной сахарницей и граненымъ пузатымъ стаканчикомъ, обведеннымъ золотой каймой, всегда лежала набухшая и темная колода картъ...

Былъ художникъ Чартковъ такимъ же петербургскимъ бѣднякомъ, какъ Таня, какъ мы.

Зимою онъ ходилъ въ драповомъ коричневомъ пальто съ обтертыми карманами. Таня обшила ихъ широкой черной тесьмой. Рыжеватые пряди косо падали Чарткову на лицо, свѣтились на его блѣдномъ тощемъ лицѣ синія слезинки веселыхъ глазъ.

Я помню его сухощавыя, изящныя руки. Старый профессоръ Чистяковъ говорилъ, что изъ Чарткова будетъ толкъ.

Онъ рисовалъ мнѣ зиму, столкновеніе конокъ на Невскомъ, нашъ полетъ на луну, китайскихъ императоровъ и солдатъ съ барабанами...

Раскидала карты старуха-чухонка, мелькнули полуистертые короли, блѣдные валеты въ оперенныхъ шляпахъ, темныя дамы посмотрѣли изъ тусклаго дыма — и вышла свадьба Чарткову.

У насъ говорили, какъ прикалывать фату под-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

вѣнечную, гдѣ покупать вѣнчальныя свѣчи, и я зналъ, что поѣду на извозчикѣ къ Андрею Первозванному безъ шапочки, — я носилъ тогда тирольскую шапочку съ бѣлымъ перомъ, — въ голубой шелковой рубашкѣ, съ серебрянымъ образкомъ.

А у нашего окна пробѣгали по набережной прохожіе.

Вѣтеръ рвалъ ихъ пальто. Прохожіе держались за шляпы... Одна покатилась... Гремѣло отъ вѣтра наше окно.

Въ моросящемъ туманѣ Живорыбный Садокъ поднялся надъ гранитомъ. Пѣнясь, бѣжала темная вода черезъ чугунныя рѣшетки у пристани Финляндскаго пароходства. Набережную у Академіи залило. Гнало порывами студеную воду. Отецъ пришелъ, посмотрѣлъ въ окно и сказалъ:

— Подходитъ вода. Въ Кадетскомъ Корпусѣ выносятъ изъ подваловъ вещи. Надо и намъ приготовиться.

Я слышалъ сквозь сонъ, какъ вѣтеръ гремитъ на академической крышѣ, точно бѣгутъ желѣзныя лошади.

И все, какъ темное сновидѣніе: тѣни огромныя столпились вокругъ.

За ширмой темно сквозитъ свѣча. На потолкѣ шмыгаютъ тѣни. Отъ порывовъ вѣтра влажно звякаетъ стекло.

У ширмы мать въ кружевной черной косынкѣ, чужіе люди, академическій докторъ въ военномъ сюртукѣ. Тѣни головъ сошлись на потолкѣ. Отецъ высоко держитъ свѣчу, я слышу его шопотъ:

— Кровь горломъ, господинъ докторъ... Внезапно.

На бѣлой подушкѣ покоится голова Тани. Такъ писалъ ее Новоскольцевъ. Сверху, изъ тьмы, дрожа, бродитъ по темнымъ впадинамъ ея глазъ, по впалымъ щекамъ, огонь свѣчи.

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

И вижу я часы съ кукушкой надъ ширмой. Темная птаха высунула изъ темнаго оконца острый клювъ, зловѣще блеснули глаза, глухимъ боемъ пропѣли старые часы нашу судьбу, нашу судьбу...

Утромъ сдвинуты были наши диваны и комоды. У ширмы на табуретѣ еще тлѣлъ оплывшій огарокъ въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, тамъ стоялъ тазъ. Въ тазу были накрошены куски льда. Ледъ и вода порозовѣли отъ крови. Дымились. Очень тихо было у насъ. Метало у окна тихій снѣгъ.

Записалъ отецъ въ тотъ день карандашомъ на створкахъ орѣховаго шкафа:

«29 октября 1904 года внезапно скончалась Татьяна Сергѣевна Пастухова, нашъ милый другъ».

Отъ покойниковъ пахнетъ горькимъ воскомъ.

Таня изсохшая, желтая, лежала въ сосновомъ гробу, обитомъ розовымъ газомъ, дѣвичимъ цвѣтомъ. Въ покойницкой Маріи Магдалины, гдѣ стояли на высокихъ катафалкахъ сосновые гробы петербургскихъ бѣдняковъ, тошно вѣяло горькимъ воскомъ.

Танины легкія кисти были сложены на груди. На концахъ ея пальцевъ чисто и кротко отблескивалъ свѣтъ, какъ на образахъ святыхъ въ нашей академической церкви.

Темныя мои сновидѣнія... Блѣдное лицо художника Чарткова... Безъ шляпы, въ снѣгу рыжіе волосы... Сталъ на порогѣ покойницкой. Шарахнулся въ метель.

Косую мокрую метель несло за порогомъ часовни Маріи Магдалины, когда отпѣвали Таню.

Ночное наводненіе, смерть, — художникъ, пропавшій въ метели, — темные мои сны, наша судьба...

Художникъ Чартковъ часами могъ рыться въ томъ старомъ хламѣ, какимъ заваленъ Александровскій рынокъ.

Туда отправился онъ покупать вѣнчальный об-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

разъ для Тани и задержался у лавки старьевщика, разглядывая тонкія крышки старинныхъ часовъ, бирюзовые перстни, медальоны, старые пятаки въ жестяной банкѣ, камушки и цѣпочки на блюдцѣ.

Онъ не нашелъ образка въ серебряной ризѣ, но замѣтилъ за узкимъ окномъ любопытную чернильницу со спящимъ львенкомъ и бронзоваго арлекина, танцующаго на одной ногѣ.

А въ темной лавкѣ, куда онъ вошелъ, бросился ему въ глаза старый портретъ, прислоненный къ стойкѣ. Потрескался темный лакъ, холстъ измятъ, но изъ табачной тьмы, изъ паутины трещинъ, живо и странно смотрѣли глаза.

Чартковъ сдунулъ пыль, поднесъ портретъ къ свѣту. Старикъ въ восточныхъ одеждахъ, чахлый и смуглый, глянулъ въ упоръ на художника.

Странная живопись глазъ привлекла Чарткова. Онъ отсчиталъ четыре рубля, все, что запросилъ старьевщикъ, и свернулъ въ трубку оборванный по краямъ холстъ.

Вздутый горбомъ Дворцовый мостъ тяжко скрипѣлъ. Бѣжали прохожіе. Темная Нева подымалась къ гранитамъ. Гудѣло громадное небо. Съ верковъ Петропавловской крѣпости ударила пушка.

Старая работа, особливо глаза, почему-то взволновали Чарткова. Онъ зажегъ лампу, прислонилъ портретъ къ стѣнѣ, надъ столомъ. И показалось ему, что старикъ, съ чахлымъ и опаленнымъ лицомъ, сѣлъ противъ него. Портретъ былъ поясной. Костлявыя и поджатыя, какъ у мертвеца, руки едва намѣтилъ италіанскій карандашъ невѣдомаго художника. Эти сѣрыя руки прокаженнаго, точно коснулись ногтями стола.

Небывалымъ огнемъ горѣли глаза портрета. Въ ихъ тусклой глубинѣ маячили двѣ красноватыя точки, дышали и ширились. Чартковъ прикрылъ портретъ папкой. Затрясъ стекло пушечный выстрѣлъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Гипсовая рука на стѣнѣ, подрамники, папки въ углу свѣтились мутно и странно отсвѣтомъ уличныхъ фонарей. По гипсовой головѣ Зевса бѣжали тѣни снѣга, дождя.

И видитъ Чартковъ, какъ двѣ костлявыхъ ладони обхватили края темной папки и медленно отодвигаютъ ее. Папка, щелкнувъ, упала...

Тощій старикъ медленно вытянулъ голову изъ квадратнаго куска тьмы, уперся острымъ колѣномъ о столъ. Ступни звякнули объ полъ.

Тощая тѣнь ступила къ постели Чарткова. Художникъ прижался къ стѣнѣ.

Старикъ сѣлъ въ ногахъ, шурша прохладной темной хламидой. Костлявая ладонь коснулась колѣней Чарткова. Тускло, черно и огромно вперились глаза.

— Докончи мнѣ руки, художникъ... Руки мои не закончены.

Глухо застоналъ Чартковъ — и проснулся.

Бѣжали тѣни, въ мутной темнотѣ свѣтилось окно...

Чартковъ, босой, шагнулъ къ столу, повернулъ портретъ къ стѣнѣ, едва мелькнуло каленое старинное лицо.

Художникъ легъ, поискалъ подъ подушкой тяжелую папиросницу, спички....

И видитъ, оборотная сторона портрета — квадратный кусокъ тьмы — качается на столѣ и, корчась, выползаютъ изъ тьмы сѣрые пальцы. Тощія руки распростерлись на стѣнѣ, шарятъ...

Къ его постели, по стѣнѣ, крадется старикъ. Вперилъ въ художника тусклыя очи:

— Руки, художникъ... Мнѣ надобны руки...

Быстро перекрестился Чартковъ — и проснулся.

Зажигая на табуретѣ свѣчу, подумалъ, что

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

такъ уже было.... Сны.... Портретъ... Чахлый старикъ... Пачка червонцевъ въ подрамникѣ.

Что онъ зналъ о себѣ, сынъ гвардейскаго солдата и петербургской портнихи, бѣдный художникъ? Чуланцы на Выборгской сторонѣ, синяя вывѣска съ черными ножницами, мать...

Студеное дыханіе обдало затылокъ Чарткова, онъ поднялъ голову — и проснулся.

Онъ проснулся... Тощій старикъ, въ широкихъ азіатскихъ одеждахъ, съ опаленымъ лицомъ, стоялъ за спиною. Сѣрая рука толкнулась въ плечи художника, въ темной горсти горѣли червонцы. Навыносимо тяжко смотрѣли глаза изъ-подъ тяжелыхъ морщинистыхъ вѣкъ.

Съ дикимъ крикомъ Чартковъ оттолкнулъ старика.

Загремѣли объ полъ желѣзныя кости—и вдругъ поднялся старикъ надъ Чартковымъ, — огромная, тяжкая ночь.

И когда поднялась надъ художникомъ огромная ночь, ярая тьма, тогда за нашей ширмой. содрогаясь въ послѣднемъ хрипѣніи, задохлась Таня, и, опуская свѣчу, глухо сказалъ мой отецъ:

— Умерла.

Раскатъ пушки потрясъ стекло.

Окно распахнулось. Темная буря, снѣгъ, вѣтеръ — съ тягостнымъ воплемъ хлынули въ каморку Чарткова...

На погасшей Сенатской площади, залитой тумящей водой, билъ вѣтеръ въ чугунные литавры, шарахалъ у колоннадъ.... Безумный художникъ, скользя, обрываясь, ползъ по мѣдной, покатой спинѣ Петрова коня. Дождь разсѣкалъ лицо, отбрасывала гремящая стѣна бури...

Въ высокой тьмѣ обхватилъ художникъ мокрую, въ обледенѣлыхъ лаврахъ, голову Петра, безумно звалъ императора.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Антихристъ... Въ твоей столицѣ, Антихристъ... Господи, помилуй наши грѣшныя души.

Да, то былъ самъ Антихристъ... Онъ потомъ замучилъ насъ всѣхъ, петербургскихъ бѣдняковъ, онъ хлынулъ къ намъ тьмою, сумасшествіемъ, кровью, онъ погасилъ наши дома, въ проломы оконъ бросилъ снѣгъ, вѣтеръ, онъ гналъ насъ къ стѣнѣ, подъ разстрѣлъ, онъ насъ топталъ въ ямахъ мертвецкихъ, онъ разбросалъ по всѣмъ трупарнямъ, по всѣмъ подваламъ, по всѣмъ дорогамъ наши тѣла. Онъ задушилъ нашихъ невѣстъ, огнемъ неугасимыхъ слезъ онъ выжегъ глаза матерей...

Онъ погасилъ Петербургъ, онъ погасилъ Россію...

Вотъ послѣднія слова повѣсти Гоголя: «Здѣсь, художникъ не договоривъ еще своей рѣчи, обратилъ глаза на стѣну съ тѣмъ, чтобы взглянуть еще разъ на портретъ, то же самое сдѣлала въ одинъ мигъ вся толпа... Но портрета уже не было на стѣнѣ... Невнятный говоръ и шумъ пробѣжалъ по всей толпѣ и вслѣдъ затѣмъ явственно послышалось: украденъ»...

Портретъ былъ украденъ....

И черезъ много лѣтъ бѣдный петербургскій художникъ Чартковъ нашелъ его у старьевщика.

Господи, спаси наши грѣшныя души.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ПОЛИКСЕНА.

У Николая Васильевича Гоголя штиблетъ на лѣвой ногѣ далъ трещину и каблукъ сбился именно въ тотъ день, когда Гоголь шелъ къ проходцамъ, что у Публичной биліотеки, на Чернышевъ Мостъ.

А тамъ — камни, гранитныя ступени, и мостъ съ цѣпями.

На первой же ступенькѣ каблукъ слегка кряк-нулъ и отскочилъ. Николай Васильевичъ лѣвой ногой ступалъ нѣкоторое время на однихъ гвоздяхъ.

Надобно сказать, что всѣ портреты великаго человѣка схожи невполнѣ. Былъ онъ замѣтно рыжеватъ, волосъ прямой, прилизанными прядями, зачесывалъ черезъ всю голову къ виску, и концы, уже совсѣмъ рыжіе, съ красниной, висѣли надъ ухомъ. Глаза имѣлъ небольшіе, каріе, съ искорками, часто прищуренные, а острый носъ, дѣйствительно, былъ, какъ говорится, горобцомъ и съ желтоватымъ отливомъ слоновой кости.

Былъ Николай Васильевичъ тощъ, носилъ черную нанковую шинельку, ноги затягивалъ въ узкія, на штрипкахъ штаны, а самъ горбился и руки прятадъ въ карманы. Обычно надѣвалъ коричневый фракъ, а шею тоже тощую, на которой голова была, пожалуй, излишне большой — повязывалъ въ три обхвата синимъ шарфомъ, изъ подъ котораго торчали крѣпкіе углы воротника-горголя.

Должно сказать, что лицо Гоголя было скула-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

стымъ, хохлацкимъ, и сощуренные его глаза и прилизанные черезъ всю голову рыжеватые волосы давали ему нѣкое сходство съ молодымъ конторщикомъ изъ помѣщичьей экономіи или съ поджарымъ поповичемъ, смѣнившимъ духовную рясу на свѣтское поприще.

Только на Чернышевомъ Мосту примѣтилъ Гоголь потерю каблука, подумалъ: «Какъ-же я такъ охромѣлъ?» И тутъ-же, ухватясь рукой за перила, приподнялъ лѣвую ногу, посмотрѣлъ на сѣрую подошву, съ протертымъ пятакомъ-дыркой, и сказалъ вслухъ:

— Какая жалость... Каблукъ-то потерянъ.

Въ бархатномъ синемъ жилетѣ, въ желтый крапъ, — онъ тогда носилъ такой жилетъ, шитый лѣтъ пять назадъ въ Полтавѣ рябымъ Чупуренкой, — было въ карманѣ четыре двугривенныхъ и затертая ассигнація. Лавочникъ намедни посмотрѣлъ ассигнацію на свѣтъ и сказалъ: «фальшивая». Да и сапожниковъ за Чернышевомъ Мостомъ не водится.

А Гоголь торопился на историческую лекцію. Писатель-то россійскій еще былъ о ту пору и такъ и сякъ — неизвѣстностью — все больше проба пера, чертежи, вымыслы и мечтанія. А жилъ въ столицѣ чтеніемъ историческихъ лекцій для студентовъ.

Но съ прошлаго вторника заладилъ зубъ ныть и недѣлю со щекой, подвязанной байковымъ платкомъ, откуда торчалъ одинъ острый носъ, шагалъ Гоголь въ туфляхъ по каморкѣ своей на Мѣщанской. Даже глазъ заплылъ, хотя и прополаскивалъ несносное дупло теплымъ молокомъ съ винной ягодой.

А теперь вотъ — каблукъ.

Въ аудиторіи примѣтятъ студенты, на улицѣ — блондинки. Отъ робости молодой Гоголь рѣдко смотрѣлъ дамамъ въ глаза и всегда краснѣлъ, какъ пойманный, а про себя всѣхъ дамъ называлъ блондин-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ками. И потому, что не смотрѣлъ, казалось, что манящія и грѣшныя женскія очи глядятъ ему въ самую душу.

И чудились ему всѣ петербургскія дамы прекрасными блондинками, какъ англичанки съ чуть тронутыхъ краской гравюръ. Тогда очень молодымъ былъ Гоголь и очень одинокимъ въ Санктпетербургѣ...

Но еслибы сталъ я описывать, что казалось Гоголю и что думалъ онъ, никогда не добраться-бы мнѣ до конца.

— И куда каблукъ подѣвался? — оглянулся Гоголь, подумалъ: — «А не отбить ли мнѣ и второй? Непримѣтнѣе будетъ, или не разглядятъ: какая, скажутъ, любопытная обувь у молодого человѣка: на однихъ гвоздяхъ, поди, новая заграничная мода».

Но тутъ потянулись къ нему чьи-то смуглые, заросшіе черными волосками, пальцы, и осипшій голосъ надъ самымъ ухомъ сказалъ:

— Каблучекъ, сударь, изволили потерять.

— Ахъ, благодарю васъ — покраснѣлъ Гоголь и взялъ довольно грязный, съ торчащими гвоздями, каблукъ.

А кого благодарилъ, тотъ уже шагалъ въ толпѣ черезъ мостъ. Довольно странная была спина у него, точно-бы въ католической черной сутанѣ, со многими воротниками, и на каждомъ, какъ пѣна, нашитъ бѣлый воланъ.

«Да это-же факельщихъ въ черной ливереѣ» — подумалъ Гоголь.

Но куда дѣвать отбитый каблукъ? Бросить въ Фонтанку, — обязательно квартальный подойдетъ и, конечно, освѣдомится:

— Вы что тутъ въ Фонтанку бросаете, а не благоугодно-ли будетъ вашему благородію. —

Въ карманъ жилета Чупуренкова спрятать — за-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

грязнитъ, оборветъ, да и не влѣзетъ, а въ платокъ завернуть неприлично.

И Николай Васильевичъ отвернулся къ перилamъ, опустилъ каблукъ на гранитъ и ногой, сверху, его пристукнулъ — какъ разъ. Вошелъ на надлежащее мѣсто. Еще постучалъ, преотлично.

Зашагалъ черезъ мостъ, кутаясь въ шинельку. Но все-же прихрамывалъ: а вдругъ соскочитъ негодный.

Оттепельный былъ день. Снѣгъ коричневый, разъѣзженный, смолотый копытами, смѣшался въ мокрый песокъ. Николаю Васильевичу захолодило лѣвую пятку.

Поднялъ онъ ногу, а каблука-то и нѣтъ. Пропалъ, какъ не бывало...

Нарочно наступая на полу шинели, въ страхѣ заторопился Гоголь у самыхъ стѣнъ.

И теперь было у него такое тревожное лицо, и шляпа такъ глубоко и преступно сидѣла надъ острымъ носомъ, и такъ онъ кутался въ шинельку свою, что прохожіе стали поглядывать — что за разстроенный человѣкъ...

Безъ каблука онъ чувствовалъ себя, какъ безъ ноги.

Добро-бы потерять ногу въ сраженіи, на поляхъ брани въ Отечественную войну, или даже быть отъ природы инвалидомъ. А въ этакомъ безножіи — нѣчто стыдное, и всѣ смотрятъ, — все равно какъ во снѣ — очутишься вдругъ на балу или въ большомъ собраніи парадныхъ особъ безо всего, въ одномъ лишь синемъ фракѣ, и начнешь кланяться направо-налѣво, показывая вельможамъ съ алмазными звѣздами — нагое, извините, сидѣніе...

А на той улицѣ, куда свернулъ Гоголь, была накидана солома, и у желѣзныхъ крылецъ стояли похоронныя дроги.

Передъ цугомъ коней въ черныхъ попонахъ, съ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

черными капюшонами на головахъ, съ инквизиторскими прорѣзами для глазъ и съ пышными султанами, — строились пѣвчіе въ синихъ кафтанахъ, съ серебрянымъ позументомъ и откидными за шею рукавами.

Николай Васильевичъ затискался въ толпу, — и въ ту-же минуту, наклонясь впередъ, выплылъ изъ дверей дубовый, грузный гробъ, заколыхался надъ лысыми головами несущихъ.

Все генералы: височки зачесаны впередъ, сивыя брови прихмурены.

— Кого хоронятъ? — искорки любопытства прыснули у Гоголя въ карихъ глазахъ.

— Хоронятъ-то генерала Трощинина, а вотъ ты, баринокъ, каблукъ все теряешь.

И черный факельщикъ въ треугольной шляпѣ съ плерезомъ, тотъ самый, что обогналъ его на мосту, подалъ каблукъ.

«Наваждение» — Гоголь поблѣднѣлъ, даже попятился. — «Откуда каблукъ у него?». А факельщикъ, въ оспинахъ, смуглый, подбородокъ щетинистый — еще подмигнулъ.

— На ногу скорый... Сызнова меня обогналъ, а каблучишко того...

Николай Васильевичъ сжалъ мокрый каблукъ. Казался онъ живымъ, дьявольскимъ.

Похоронная процессія тронулась. За генералами повалила стадомъ всякая петербургская публика, чиновники, ротозѣи, купеческіе мальцы, бабы. У всѣхъ на лицахъ чинная печаль, какъ у генераловъ, но въ полголоса другъ у друга освѣдомляются:

— А кого тутъ хоронятъ?

— А кто его знаетъ...

Глухими стонами наплывало пѣніе духовенства. Гоголь шелъ въ толпѣ, поглядывая на черную спину факельщика.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

«Ну вотъ, право, какая у меня фантастическая голова», думалъ Гоголь. «Бѣднаго человѣка тотчасъ записалъ въ черти».

И тутъ сосѣдъ Гоголя, маленькій, сухонькій генералъ, потонувшій въ бобрахъ, раздраженно пропищалъ:

— Каблуками, сударь, швыряетесь... Вы каблукъ обронили?

Гоголь дрогнулъ, попятился спиной изъ толпы.

Это было на Невскомъ проспектѣ.

Процессія повернула съ музыкой направо, къ Александро-Невской Лаврѣ, а Гоголь — налѣво.

Въ сыромъ воздухѣ глухо бухалъ мѣдный маршъ. Прохожіе снимали картузы, треухи, мохнатые мокрые цилиндры....

Рыжеватый, тощій юноша — Гоголь въ черной шинелькѣ,прихрамывая, торопится вдоль французскихъ вывѣсокъ, чугунныхъ фонарей, полосатыхъ столбовъ — къ золотому шпилю Адмиралтейства, къ далекимъ бѣлымъ колоннамъ...

Дымитъ столица, гремятъ тяжелыя колеса, все снуетъ, дышетъ паромъ.

— Безъ каблука, глядь! — крикнулъ кто-то за спиной, нырнулъ мимо ногъ.

И почудилось Гоголю, что все движенье стало. И на него повертываютъ головы, какъ на похоронную процессію, и на него снимаютъ шапки и показываютъ пальцами и крестятся на него, и грозятъ...

— Безъ каблука, безъ каблука...

Блѣдный, взволнованный, вбѣжалъ онъ въ кофейню Шуазье, что у Адмиралтейской площади...

Острый профиль пролетѣлъ въ зеркалахъ... Въ углу за столомъ, гдѣ груды газетъ, палъ Гоголь на красный диванъ.

Подошелъ слуга въ бѣлой курткѣ и зеленомъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

фартукѣ, разбитной, чернявый французъ. Гоголь пробормоталъ невнятно:

— Чашку кофе, прошу васъ...

И поджалъ подъ диванъ тощія, длинныя ноги.

Онъ глоталъ горячій кофе, обжигаясь. Дѣлалъ видъ, что читаетъ газеты, но внезапно замѣтилъ, что синеватый, шершавый листъ парижскихъ новостей держитъ вверхъ ногами. Чернявый слуга, что стоялъ у простѣнка, тотчасъ отвернулся. «Видѣлъ — погибъ!» — пронеслось въ головѣ Гоголя.

Онъ глотнулъ кофе, да такъ, что обмокнулъ въ чашку самый кончикъ остраго носа. Зналъ, что тамъ, на носу, коричневатая капелька, но утереть не могъ — видитъ чернявый. А слуга какъ разъ подошелъ, наклонилъ промасленную помадой, кудрявую голову...

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ не надобно ничего — прошепталъ Гоголь и успѣлъ смахнуть съ носа кофейную каплю.

Мимо него проходили офицеры, шпоры — дзынь-дзынь, — одинъ, въ желтомъ высокомъ воротникѣ, баки лохматые, повелъ на него глазомъ, полошадиному, въ бокъ. Гоголь пуще сунулъ ноги подъ диванъ, зацѣпилъ бахромку, мгновенье повозилъ ногами, поджался въ страхѣ — «Оборвалъ... бахрому... бѣда».

Кофейня дымила, въ тусклыхъ зеркалахъ отражались головы съ коками, кисти эполетъ, а въ дыму и гулѣ сидѣлъ, поджавъ ноги, въ углу, носатый, тощій юноша въ черной шинели, полуопущенной съ плеча, — большая птица съ подшибленнымъ крыломъ. И въ его глазахъ кричало нѣмое страданье, боль, стыдъ, страхъ... «Всѣ видятъ, всѣ понимаютъ»... А что понимаютъ, онъ самъ не могъ-бы сказать.

Похороны генерала, смуглый факельщикъ, золотыя буквы вывѣсокъ, зеркала, гдѣ мутно роятся

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

головы покойниковъ, а то восковыхъ куколъ въ военныхъ мундирахъ, оборванная бахрома, потерянный каблукъ — все стало значительнымъ, страшнымъ.

Его затрясла та лихорадка, что кидалась на него и во время безсонницы, въ глухую полночь, когда вдругъ всѣ люди, и Богъ, и земля, — все становилось понятнымъ, отгаданнымъ и ужаснымъ до содроганія, до глухого, придушеннаго вопля...

Гоголь выбросилъ на столъ двугривенный, еще, и тутъ пальцы его нащупали въ карманѣ что-то мокрое, вязкое, какъ дохлую жабу.

Двугривенный зазвенѣлъ, покатился. Гоголь вспрянулъ. Онъ держалъ на ладони каблукъ.

— Каблукъ, откуда каблукъ?

Вотъ она тайна, вѣчная насмѣшка тьмы, моргающая рожа — чортъ подсунулъ ему каблукъ въ карманъ, чортъ смотритъ изъ всѣхъ угловъ, изъ всѣхъ глазъ, изъ дымныхъ зеркалъ, скалится помываетъ головой: — «Смѣйтесь, всѣ смѣйтесь надъ дуракомъ»... Чортъ, чортъ...

И точно, смотрѣли всѣ, какъ молодой человѣкъ въ черной шинели, сползшей съ плеча, стремится черезъ зало. И какъ горятъ его глаза — пустынно, безумно.

А на порогѣ кофейни, у стеклянныхъ дверей...

Только тутъ, на порогѣ кофейни, и появляется Поликсена, запоздавшая героиня повѣсти.

Не будемъ называть ея полнаго имени.

Поликсена, бѣдная дворянка, находилась при дѣтяхъ въ одномъ изъ высокихъ петербургскихъ домовъ, куда не однажды былъ званъ молодой Гоголь читать «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки».

Вы хотите знать имя того почтеннаго семейства? Извольте: домъ бабушки графа Соллогуба.

Поликсена, бѣдная дворянка, рослая синеглазая дѣвушка, — волосы въ шесть акрошкеровъ,

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

какъ красноватое золото. Красотой, дѣйствительно, была подобна Поликсена прекрасной англичанкѣ съ гравюры.

Когда, заставивъ зеленой ширмочкой свѣчу, этотъ востроносый малороссіянинъ, неловкій и молчаливый, оживился, читая разсказы свои, и загорѣлись его впалыя щеки, а каріе глаза брызнули добрымъ смѣхомъ и засіяли — сердце бѣдной дворянки Поликсены стукнуло робко и чутко.

Такъ стучитъ, впервые, младенецъ подъ сердцемъ матери. И дѣвушки знаютъ, что первый стукъ въ сердцѣ — первый шорохъ любви...

— Николай Васильевичъ, здравствуйте — тихо сказала Поликсена на порогѣ кофейни, и дрогнули ея рѣсницы, открывъ синій свѣтъ глазъ.

Гоголь метнулся, лицо побѣлѣло. Въ скорченныхъ пальцахъ держитъ мокрый каблукъ.

— У меня каблукъ, — забормоталъ онъ растерянно. — Вотъ, каблукъ...

— Я вижу — каблукъ...

Поликсена, бѣдная дворянка, взглянула, и не сдержала полнаго, свѣжаго смѣха.

— Пустите, пустите... Чортъ!

Гоголь затрясся, крикнулъ, и бокомъ, взмахнувъ чернымъ крыломъ шинели, прыгнулъ въ стеклянную дверь.

И отъ этой встрѣчи, отъ потерянnаго каблука въ день генеральскихъ похоронъ — вся жизнь великаго человѣка двинулась на путь иной. Черезъ два дня Гоголь подалъ прошеніе объ отставкѣ, черезъ недѣлю выбылъ въ Москву. Онъ осунулся, помрачнѣлъ, сталъ нелюдимымъ...

Если вы спросите, откуда я все это знаю, и такъ-ли все это было, какъ я написалъ, я вамъ отвѣчу.

Такъ-ли то было — не знаю, но встрѣча Гоголя съ Поликсеной въ дверяхъ кофейни Шаузье, что у Адмиралтейской площади, случилась дѣйствительно.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

И слова: «У меня — каблукъ... Чортъ!» — подлинныя слова великаго человѣка.

Поликсена, бѣдная дворянка, приходилась моему дѣду свояченицей. А дѣдъ мой зналъ все. Богъ не далъ бѣдной Поликсенѣ счастья въ мірской сей юдоли, и смолоду она ушла въ монастырь.

Первая любовь къ робкому малороссіянину съ карими глазами была послѣдней любовью дѣдовой свояченицы, игуменьи Антонины. Великій человѣкъ, одинокій геній Россіи, никогда и не зналъ, что вся его мученическая жизнь была согрѣта сокровенной любовью инокини Антонины до послѣдняго ея воздыханія...

Я помню высокочтимую матушку игуменью.

Мальчикомъ, болтая ногами на высокомъ стулѣ, я пилъ съ дѣдомъ чай въ ея свѣтлой кельѣ. А къ чаю подавалось на блюдцахъ яблочное варенье.

Полуслѣпая, помню, она всегда просила меня «почитать что-нибудь изъ Николая Васильевича». И плакала тихо.

— Бабушка, — говорилъ я съ досадой. — Тутъ смѣшно, а вы плачете.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я — смѣюсь... Такъ, со́ринка попала... Ты, Ванюша, не гляди на меня, ты читай...

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ТИХАЯ ЗОРЯ.

Карабинеръ Кузьма Глушковъ, рябоватый, съ жесткими, какъ черная грива, баками, старый солдатъ батальона карабинернаго, квартировавшаго тогда въ Вытегрѣ, разсказывалъ въ питейномъ заведеніи «Подъ Орлами» о походахъ своихъ.

Барабанъ давно пробилъ вечернюю зорю, а солдаты того же Карабинернаго батальона и драгунскихъ эскадроновъ и лазаретной команды, раскрывъ рты и посапывая, слушали объ италійскомъ походѣ, о туркѣ, и какъ гнали француза въ зиму двѣнадцатаго года, и о столицѣ французской Парижѣ, гдѣ бородачи-казаки пускали русскихъ коней щипать траву на бульварахъ...

Старый карабинеръ — ястребиные глаза отъ вина потускнѣли, жесткій волосъ даже дымится, разстегнутъ мундиръ, звякаютъ медали на выцвѣтшихъ лентахъ, — напрягая жилистую, смуглую шею, водитъ по столу пальцемъ, чертитъ баталію:

— Тутъ, значитъ, пушки, въ кустахъ, а тутъ — мы... Батюшка отъ пушекъ къ намъ прискакалъ... Въ одной рубахѣ холщевой, ноги — въ чемъ мать родила, прискакалъ самъ сухонькій нашъ, маленькой старичекъ, да какъ свистнетъ: «Орлы! Огни! Сокола!» И, братецъ ты мой, какъ шаганемъ мы за батюшкой, штыки звыкнули вразъ, ровно молоньи блескъ...

Въ питейное заведеніе, въ дымъ и чадъ, про-

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

пахшій верблюжиной солдатскихъ шинелей и запахомъ подбитыхъ кожей киверовъ, и ввалился тутъ комендантскій караулъ:

— Оглохли, не слышали, барабанъ билъ! Маршъ по мѣстамъ, пѣшехонскія роты! — раскричался комендантскій унтеръ Позднѣевъ, мордастый, лѣвый глазъ отъ природы припухъ.

— А я не пойду — карабинеръ Глушковъ поднялся, самъ жилистый и растегнутый, ястребиные глаза кровью налиты. — И тронуть не смѣешь.

— Да ты, старый, въ умѣ?

— Я въ умѣ... Когда о фельдмаршалѣ Суворовѣ евонный старый орелъ говоритъ, ты на караулъ долженъ взять. Али устава не знаешь: при Суворова имени бить войскамъ по фрунту тихую зорю и кивера всѣмъ долой, какъ на молитву...

— Дурень ты, хотя и старый солдатъ, — Позднѣевъ обидѣлся. — Тутъ не фрунтъ, а питейное заведеніе... А что подъ царскимъ портретомъ команды ослушался, — унтеръ указалъ на портретъ, висѣвшій въ углу, гдѣ и образъ, — ты, братъ, начальству отвѣтишь...

Обидѣлся и Глушковъ, повелъ сѣдыми бровями на портретъ императора.

— А ежели есть царская команда на то, чтобы о Суворовѣ послѣ барабана сказывать запрещать, — плевать мнѣ тогда на такого царя... Мальчишка, молокососишко... Я его батюшкѣ, братцу его, бабкѣ евонной службу несъ, за взятіе Измаила — егорій, за италійскій походъ крестъ командерскій, пять раненій... Плевать я хотѣлъ на такого царя: мамкино молоко у него не обсохло.

Въ ту ночь военное начальство было въ тревогѣ. И не спали многіе именитые граждане, а также многіе изъ простыхъ. Не спали, притихнувъ на койкахъ, драгуны и карабинеры... Пропалъ теперь старый Кузьма.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Суровъ къ солдату молодой императоръ: въ желѣза-кандалы Кузьму закуютъ, подъ палки-шпицрутены сквозь строй, а ежели будетъ нежданная милость — въ сибирскіе рудники на вѣчныя времена, а не будетъ ежели милости — тутъ же на площади, подъ бой барабанный, заскрипитъ-закачается на эшафотѣ старый суворовскій орелъ...

Посмѣлъ оскорбить величество россійское пьянымъ солдатскимъ плевкомъ.

На разсвѣтѣ Глушкова въ кандалахъ, съ проросшей за ночь щетиной, въ арестантскомъ халатѣ, отвозили въ Санктпетербургъ.

— Вы простите, солдатушки-братцы... Проплелся пьянымъ языкомъ на самого ампиратора... Смертной казни достоинъ... Простите, родимые.

— Богъ проститъ — хмуро отвѣтили конвоиры.

И хотя то было строжайше запрещено, но всѣ жалѣли суворовскаго орла, даже унтеръ Позднѣевъ, съ глазомъ заплывшимъ. А командиръ драгунскаго эскадрона фонъ-Шлекъ, отводя рукой подусники, сѣдые и пышные, говорилъ всему собранію офицеровъ:

— Старика натурально казнятъ, какъ должно по воинскій артикулъ. Но полагаю — у старій солдатъ злого умысла быть не могло. Я самъ старій солдатъ. Но когда пьянъ, господа офицеры знаютъ, что языкъ мо́й — конь безъ мундштукъ...

А черезъ двѣ недѣли, въ самую ночь, подкатила телѣга къ гауптвахтѣ.

Унтеръ Позднѣевъ освѣтилъ ее фонаремъ:

— Кузьма Осипычъ, ты! — вскрикнулъ Позднѣевъ. — Батюшки, вовсе живой...

— Живой! — поднялся съ соломы карабинеръ, гремя цѣпью.

— Да какое рѣшенье тебѣ?

— А развѣ я знаю... Самъ ампираторъ мнѣ при-

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

казалъ: «поди, старый дурень, баки-то выбрей»... А что далѣ, развѣ я знаю...

И всю ночь, ухватясь за рѣшетку цѣпкими кулаками, шепталъ старикъ Глушковъ въ окно арестантской часовому-карабинеру:

— Въ самые казéматы меня привезли. Каменный полъ, стѣны-камень. Петропавловска крѣпость, братецъ ты мой. День лежу, и недѣлю на камени я лежу, не ѣмъ, а самъ думаю: «злѣе смерти казни-то нѣтъ, пущай бы милость его величества казнить скорѣе велѣла». А тутъ, братецъ ты мой, вѣришь-ли, ко мнѣ генералъ-то и входитъ, въ камеры-то, въ самые казематы, въ полныхъ регаліяхъ, по всей кавалеріи. И въ черную карету сажаютъ меня, и везутъ. Вижу ночь, и Нева, и дворецъ. Во дворецъ, братецъ ты мой, привезли. Покои всѣ огромадные. И стѣны въ портретахъ государей-ампираторовъ несчетныхъ. Меня ведутъ, а я думаю: «вотъ покажутъ солдата охульнаго всѣмъ ампиратерамъ и повѣсятъ потомъ по закону». А тутъ, братецъ ты мой, меня голосъ и кликни:

— Смирно! Солдатъ!

Звонкій голосъ, я дрогнулъ. Молоденькой вовсе офицеренокъ стоитъ, собою высокой, въ бѣлыхъ лосинахъ, ботфортахъ, рукой о столъ опирается, по лицу рыжеватые баки припущены, махоньки, а лобъ лысоватъ. Я — во фрунтъ.

— Ты знаешь, кто я?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Я твой государь, на котораго ты, старый, плюнулъ.

И тутъ ударила меня слеза... Слеза братецъ ты мой.... Не вижу, и на ногахъ не стою — колѣни-то старыя, пулей прошиблены, — куда мнѣ фрунтъ предъ ампираторомъ удержать...

— Разсказывай, старикъ, все, какъ было.

Я качался-качался, хочу я сказать, «Ваше Ам-

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

пираторское Величество», а словъ нѣтъ, только — «вашъ, вашъ»... А онъ тогда тихимъ голосомъ самъ говоритъ: «Ободрись».

И я ему все, какъ есть, все на чистую....

Глаза сѣрые, огромадные, смотрятъ строго, сжалъ крутой подбородокъ въ кулакъ:

— Говоришь, старикъ, когда поминаютъ имя Суворова — бьютъ по фрунту тихую зорю.

— Такъ точно, ваше величество.

— Что-то не помню, какъ-будто вывелся подобный славный обычай... А ты подъ начальствомъ фельдмаршала со штурмана Измаила?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество. Съ тринадцатаго года жисти моей, когда на Кинбурнской косѣ, въ суворовскихъ лагеряхъ, батьку моего каленымъ ядромъ погребло...

— Ты о баталіи на Требіи разсказывалъ, когда комендантской караулъ подошелъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество. О баталіи на Аддѣ.

—Разскажи.

Я разсказалъ, и еще о Нови, когда въ жару, въ пекло самое, глотки ссохлись, во французской огонь съ князь-Багратіономъ во штыки семь разовъ ходили. У французовъ былъ тогда бунтъ и прозывались они якубитъ, а носили шерстяные красные колпаки. А тотъ якубитъ былъ вовсе мальчишка, и ревѣлъ, пардону просилъ... И о Муттенталѣ я сказывалъ, когда на альпійскихъ горахъ войска наши шли, босыя, голодныя, въ облакахъ, и агромадныя наши тѣни скользили по скаламъ... До свѣту — въ окнѣ свѣтъ забрежжилъ — разсказывалъ я братецъ ты мой, а онъ слушалъ. Тогда говоритъ:

— Да, старикъ, — говоритъ, — нѣтъ болѣ у Рассеи такого фельдмаршала...

— Такъ точно, ваше величество, нѣтъ.

А онъ пуще задумался:

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— И что мнѣ подѣлать съ тобой? Не меня, ампиратора всероссейскаго, ты понесъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше величество... Какъ вы сами молодой ампираторъ, можетъ, вы и не знали, того, что тихую зорю фельдмаршалу бьютъ. Павла Перьвій, батюшка вашъ, повелѣлъ. Какъ есть я старый солдатъ, суворовской карабинеръ, за то я обидѣлся, что вы, могло статься, батюшкины законы забыли... Ампираторъ Павла Перьвій самъ приказалъ...

— Павла Перьвій, — онъ усмѣхнулся. — Ступай, старикъ, я подумаю... Да баки, старый дурень, пробрей: ты мой солдатъ, не брадатый мужикъ...

А дня черезъ три вывели стараго карабинера Глушкова на плацъ передъ фронтомъ, и полковой командиръ ясно прочелъ Высочайшій Императора Николая I по карабинерному полку приказъ:

«Карабинеру Кузьмѣ Глушкову, дерзнувшему плюнуть на Мой портретъ, объявить передъ фронтомъ, что Я Самъ на него плюю, а, впрочемъ, сей вздорный поступокъ оставить безъ послѣдствій, и ни выслуги, ниже отличій и шевроновъ заслуженнаго карабинера Глушкова отнюдь не лишать»...

Можетъ быть, и теперь хранится въ архивной пыли тотъ приказъ суроваго Императора, на синей шершавой бумагѣ, за черными орлами россійскими...

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

НЕ ВЕЧЕРНЯЯ.

Обмерзшій охабенъ дымитъ, самъ громадный, сивая бородища въ клочьяхъ жесткаго инея, въ стружкахъ желѣзныхъ, — дышитъ, ровно медвѣдь, и, тяжко передвигаетъ битыя въ красную вязь и синнюю клѣтку валенки...

Никита Шугаевъ — ямщикъ, держитъ ямщицкіе гоны по Московской дорогѣ на Таганрогъ и Кавказъ и къ Варшавѣ, въ пограничныя земли.

Крестьянинъ государственный, подмосковнаго села Бѣлый Холмъ, и, даромъ, что мужикъ, а гордъ и силенъ по всѣмъ широкимъ трактамъ московскимъ, что твой генералъ-губернаторъ, либо петербургскіе тѣ вельможи, у которыхъ мигаютъ подъ шубами заиндивѣвшія алмазныя звѣзды.

И кони Шугаева гордые, сильные. Гнѣдые съ бурыми подпалами въ паху, маха широкаго, яро храпятъ, кусаются, черти, и косятъ черный глазъ, налитой кровью. Въ троечныхъ запряжкахъ шугаевскихъ — весь подборъ масти въ гнѣдую. Отъ татаръ покупаетъ, косяками, изъ-подъ Казани, и у цыганъ.

Поставщикомъ у него Артемій Гога, старый цыганъ, содержатель хора московскаго.

На головѣ Гоги — курчавая, бѣлая шапка волосъ, коричневое лицо изрѣзано морщинами, носъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

клювомъ, во рту, справа, шести зубовъ не хватаетъ: кобыла ударила.

Щуритъ желтоватый ястребиный свой глазъ Гога-цыганъ, кидаетъ къ лицу смуглыя кисти, торгуется до пѣны, до визга съ Никитой. Присядетъ, всхлипываетъ, лазаетъ подъ мягкія брюха коней, мажетъ бархатные штаны о блестящія ихъ копыта и такъ загибаетъ, торгуясь, мокрую конскую губу, сѣроватую съ исподу, что кони лязгаютъ долгими зубами и фыркаютъ, злобно стряхивая головой.

Цыганъ Гога не барышникъ, а конскій любитель. Онъ Никитѣ Шугаеву по любительству высматриваетъ коней и въ Лебедяни и на ремонтныхъ браковкахъ въ Москвѣ, что на Чистыхъ Прудахъ, а то и въ самой Ахтыркѣ.

У Гоги съ Никитой многія дѣла, по лошадямъ и по хору. На шугаевскихъ коняхъ, по всей Москвѣ, чрезъЗамоскворѣчье, съ боемъ бубенцовъ летаютъ въ ковровыхъ тройкахъ помѣщики, дворяне, гвардейскіе офицеры къ трактиру Мутье, гдѣ по всю ночь гулъ, кутежъ, сладкій вопль цыганскій....

Отъ того у нихъ старинная дружба, что и Шугаевъ самъ вродѣ цыгана: волосъ черный, блестящій, хваченъ бѣлымъ морозцомъ, самъ смуглъ, высокъ, а въ ухѣ — серебряная серьга турецкой луной.

Вдовый Шугаевъ. Нынче въ горницахъ ходитъ хозяйкой — свояченица и матушка монастырская Иринархія, суровая мати, въ иноческомъ черномъ сарафанѣ, и черный платъ до бровей.

Выведутъ коней по двору на проходку, стоитъ на крыльцахъ Иринархія, заслоняясь отъ солнца. Молчитъ, строгія губы поджаты. Вдругъ глазъ какъ заблещетъ, какъ притопнетъ нога —

— Эвва, врагъ, вожжу подъ рѣпицу загналъ... Вѣтровой на ногу хромлетъ... Сбилъ, опоилъ.. Еретикъ ты, не ямщикъ вовсе.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

И еще живетъ въ хоромахъ шугаевскихъ Гаврюша, хозяйскій сынъ, молодой ямщикъ.

Батюшка ему косяки коней препоручаетъ, большое довѣріе отъ отца.

Черноволосый, кудрявый, ходитъ молодой ямщикъ въ бархатной безрукавкѣ, зеленая кашемировая косоворотка по вороту въ алыя цвѣтики Ириархіей вышита, ямщицкая шляпа съ павлиньимъ перомъ.

И какъ у отца, въ лѣвомъ ухѣ серебряная сережка турецкой луной: по четырнадцатому году конь Коготь Гаврюшку копытомъ ударилъ...

— Въ немъ струна есть, — говоритъ про сына Никита Гогѣ--цыгану. — Даромъ, что ледященькій паренекъ, а съ конями — огонь. У самого ампиратора править можетъ. Наша костка, шугаевска, — испоконъ вѣку, чай, ямщики....

И чуть дрогнетъ губа отъ гордой улыбки.

*
**

Прогнавъ почтовыя тройки по санктпетербургскому тракту, да двѣ курьерскихъ кибитки съ Кавказа, надо думать, съ депешами — Шугаевъ, сумрачный, въ морозномъ дыму, въ пожухломъ отъ инея охабнѣ, ввалился въ ямщицкую избу.

Ямщики-бородачи, кто лысъ, кто сѣдъ, повариха Агафья, прохожій солдатъ на деревянной ногѣ, — пустили солдата на ночлегъ, похлебать щей съ мороза, — поднялись съ лавокъ.

Шугаевъ стянулъ мерзлую рукавицу, утеръ ребромъ ладони ледяныя сосульки съ бороды, окинулъ всѣхъ злыми глазами:

— Гаврюшка тутъ былъ?

И въ томъ, какъ отеръ Никита губы жилистой ладонью, дохнула такая глухая гроза, что никто не отвѣтилъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Вамъ говорятъ, — гдѣ Гаврюшка?

Повариха Агафья, поджавъ полныя, замазанныя мукой руки, къ полнымъ грудямъ, живо передохнула:

— А вотъ ни чуточки и не знаемъ гдѣ Гаврила Аникитичъ. Съ вечеру, какъ они коней взявши, и не видали, куда Гаврила Аникитичъ-то порскнули...

— Покрываешь, стерьва, Гаврюшку?

— Надобно мнѣ... Мы въ хозяйское дѣло не вхожи.

— И точно, сударикъ, — вкрадчиво и ласково, сказалъ лысый, съ блѣднымъ и круглымъ лицомъ, ямщикъ Ѳаддей, мягкій весь, въ широкихъ портахъ, въ топонцахъ на босу ногу, — бабникъ-Ѳаддей, про котораго ямщики говорили, что смолоду жену въ гробъ загналъ:

— Гдѣ Гаврюша, — не знаемъ, а коней онъ бралъ, точно.

— Сказывалъ не давать.

— Да, сударикъ, мы рази давали, самъ запрягъ, гакнулъ, свистнулъ, — и не видать....

— Вотъ какъ я гакну тебя.....

Потоптался Шугаевъ, утеръ отмокшую въ теплѣ бороду, и медвѣдемъ шагнулъ изъ избы. Подслѣповатый солдатъ, ежовая голова, посунулъ съ полатей деревянную ногу:

— Ну, и хозяинъ у васъ, мужики, — енаралъ превлющій, превосходительство....

— Ладно ужо, ни ворошись,—сплюнулъ Ѳаддей, — Не нашихъ дѣло умовъ... Таперча ищи-свищи Гаврюшеньку, какъ же....

... А близко отъ посвѣтанья прискакалъ на Шугаевскій дворъ ѣздовой съ фонаремъ, за ѣздовымъ двѣ тройки.

Правилъ тройкой самъ хозяинъ, Никита Васильевичъ, другая на привязи шла. Загнанные кони дымились.

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Въ порожней тройкѣ, подъ лисьей полстью, привезъ Шугаевъ сына Гаврюшку — блѣднаго, черные волосы въ снѣгу, воротъ кашемировой рубахи сорванъ, и грудь въ темныхъ пятнахъ.

Когда подняли надъ Гаврюшкой фонарь, мать Иринархія завыла по волчьи:

— Иродъ ты окаянный, пошто Гаврю изломалъ, звѣрь некрещенный?....

— Молчи, мати честная... Безъ меня щенка изломали. Цыганы ножами ударили... Подымать помоги.

— Я, батюшка, самъ... Мнѣ ништо. Самъ могу.

Гаврюша поднялся, отряхнулся. На блѣдномъ лицѣ улыбка тревожная, ноздри расширены.

— То-то, ништо. Будешь помнить, какъ гоняться за цыганскими дѣвками, проученъ за Зойку... Прохвостъ.

А Зойка, — дочь Гоги-цыгана, въ его хорѣ пѣвица.

Изъ-за нея все и вышло.

*
**

У трактира Мутье, гдѣ тогда цыганскій хоръ пѣлъ, съ вечера, по порошѣ-ли, въ ростепель, подъ дождемъ, толпились дворянскія брички, линейки, кареты, да тройки, — эхъ, вы тройки ковровыя. Полукруглыя окна особняка во всю ночь пышутъ огнемъ точно звенитъ-шумитъ губернскій балъ. Звенитъ пѣнье цыганское.

Гаврюша у Мутье троечную стоянку имѣлъ.

И повадился Гаврюша-ямщикъ проѣзживать тройку свою за Дорогомиловской заставой, гдѣ по дворамъ тогда цыгане стояли.

Какъ къ вечернѣ заблаговѣстятъ, плавной трусцой, стряхивая съ росписныхъ дугъ легкіе звоны, павой плыветъ Гаврюшкина ковровая тройка по улицѣ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

И къ вечеру всегда у окна Зоя-цыганка. На зарю смотритъ, какъ гаснетъ небо московское въ багряницѣ, червонными яблоками горятъ московскія главы.

— Зоѣ Артемьевнѣ, наше почтеніе, — черезъ заборъ весело окликнетъ Гаврюша цыганку, павлинью шляпу долой и кудрями тряхнетъ.

— Желаете, сударушка, подвезу... Прогулять-ся-ли не изволите?

Зоя изволила. И повадился Гаврюша-ямщикъ на заставу, въ поле, Зою возить. Зоя, извѣстно, цыганская кровь, — ахъ, какъ любила дикую ѣзду.

Гаврюша шапку, вожжи держитъ въ рукахъ, въ тройкѣ стоитъ, Зоя обѣ руки въ плечи ямщика вцѣпитъ, вскрикиваетъ гортанно:

— Гэ, гэ — погоняй...

А назадъ, съ полей, уже въ темнотѣ, когда благовѣстъ надъ Москвою замретъ, и фонарщики съ лѣстницами бѣгаютъ — шла шагомъ Гаврюшкина тройка къ трактиру Мутье. Кони сбивались съ ноги, пофыркивали, трясли челками. Вдавленные бока лоснились отъ поту, въ дыму шли шугаевскіе кони гнѣдые.

Въ тройкѣ сидятъ на коврахъ, говорятъ тихо, Гавря да Зоя.

— Зачэмъ, ямщикъ, цыганкой любуешься? Ой, ямщикъ, обожгу.

— А и жги, огонь томный... Поешь, ровно сердце мнѣ сожигаешь... Какъ запоешь, все я думаю, да гдѣ жисть-то такая, Господи, есть, про которую ты поешь...

Посмѣется цыганка, зубы сверкнутъ. Была она легкая, продоговатое лицо въ смуглотѣ, собой — точно дворянка, и вскидывала брови, какъ крылья, а глаза блестящіе, свѣжіе, и запутались на пушистыхъ рѣсницахъ, смѣхъ-ли, слезы, — дождь сквозь солнце...

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Помолчатъ. А то возьметъ Гаврюшка Зоину руку, узкую, смуглую кисть:

— Рука у васъ, Зоя Артемьевна.

— Рука у минэ, какъ рука.

— Золото, не рука.

Цыганка руку отыметъ.

— Ты, ямщикъ, лучше пэсни мнѣ пой... Пожалайста, зачэмъ нэ поешь?

Ямщицкія пѣсни — извѣстно — пѣсни дорожныя, долгія, вѣтровыя... Бывало, когда и потянетъ Гаврюшка въ полголоса:

— Ахъ, да не вечерняя заря,
Зорюшка спотухала
Ахъ, не дала съ поля,
Съ полюшка убратися —

Зоя слушаетъ, брови, ласточкины крылья, взлетятъ:

— Карошу пэсню поешь. Люблю какъ поешь...

Такъ и дойдутъ до трактира Мутье шугаевскіе кони.

А поджидая господъ, не разъ хаживалъ Гаврюшка и въ барскія горницы, гдѣ пѣли цыгане.

Станетъ въ дверяхъ молодой ямщикъ, въ табачный дымъ смотритъ.

Все бренчитъ, все рябитъ: офицеры въ разстегнутыхъ сюртукахъ, блескъ эполетъ, чубуки, огни многихъ свѣчей. Хоръ цыганъ въ углу, словно загнанъ туда, въ черномъ — цыганки, словно птицы слетѣлись, плещутъ синими крыльями рукава кафтановъ у гитаристовъ, птичьимъ ногтемъ щиплютъ гитаристы звенящія струны...

Стоитъ Гаврюшка въ дверяхъ, за слугами, скинувъ павлинью шапку свою. Смотритъ на лицо Зоино. Вотъ поблѣднѣетъ — будетъ пѣть «Часъ прозвенѣлъ», усмѣхнется — Канавэллу», плечомъ пове-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

детъ — «Шелъ мэ вэрста»... Эхъ, вы пѣсни цыганскія.

А о Гаврюшкиныхъ проѣздахъ за Дорогомиловской заставой Гога Шугаеву жаловался. И тутъ у нихъ вышелъ раздоръ:

— Негоже цыганкѣ съ ямщикомъ путаться, — Гога кричалъ, багровѣя, выкативъ ястребовы глаза. — Гавару, цыгане ножами изрѣжутъ, когда нэ отстанэтъ... Гавару, Никита, — смотри.

— Здря вовсе смотрѣть. Тварь твоя Зойка, паръ египетскій, не душа... Цыганской дѣвкѣ въ нашихъ бабахъ не быть... Не мути, ступай, Иродово сѣмя, отстань... Гаврюшку я самъ отучу.

И точно, Шугаевъ Гаврюшку на дворѣ, при мальцахъ, два раза училъ, — съ ногъ долой.

Гаврюшка молча вставалъ, ноздри трепещутъ. Плаваетъ по лицу упорная улыбка. За эту улыбку отецъ его и билъ.

Троечную стоянку у Мутье Шугаевъ отъ Гаврюшки отобралъ, пустилъ ѣздить туда лысаго Ѳаддея, да въ убытокъ: сѣдоки лысака не любили.

А Гаврюшка батюшкиныхъ коней сталъ воровать, чтобы ту цыганку возить.

И не даромъ старый Гога грозился.

Въ ночь холодную, какъ погнался Шугаевъ за сыномъ, раньше Шугая настигли Гаврюшку цыгане въ поляхъ — Алешка-гитаристъ, Левка, да Самуилъ, Зойкинъ братъ.

И повстрѣчалъ отецъ Гаврюшку съ конями, уже у заставы, — шатается Гавря, какъ пьяный, изрѣзанными руками грудь зажимаетъ. Ножомъ, каины цыганскіе, полоснули...

Всю зиму Гаврюшка хворалъ: исхудалъ, скапливалъ. А въ Чистый Понедѣльникъ прощенія просилъ у отца за зимнее свое дѣло съ цыганкой, за воровство:

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Прости, батюшка, когда чѣмъ милость твою огорчилъ.

— Богъ проститъ.... А Зойку, Гаврила, забудь, ежели тебѣ благословеніе отцовское дорого.

— И то забылъ, батюшка, гнѣваться не изволь, — тихо отвѣтилъ Гаврюшка и отвелъ блеснувшіе грустно глаза.

Въ маѣ, едва обсохли дороги и влажный дождь, какъ свѣтлый звонъ, заморосилъ-зазвенѣлъ надъ Москвою, — дозволилъ отецъ Гаврѣ снова принять троечную стоянку у трактира Мутье.

Одинъ баринъ военный, добрый, самъ-то съ картавцемъ, нѣжный съ лица, въ свѣтлой гвардейской шинели, по вороту бобры пущены — сталъ заказывать Гаврюшкину тройку на всѣ недѣли къ Мутье.

...Спитъ еще Москва на зарѣ, — прохладный румянецъ на стеклахъ фонарей стынетъ, на бѣлыхъ фронтонахъ, на куполахъ, и румяная заревая рѣка течетъ въ холодномъ дыму, надъ садами, — выходитъ на крыльцо Мутье картавый конногвардеецъ, опустивъ съ барскаго плеча бобровую шинель, палашъ и киверъ въ рукахъ.

Отъ безсонной ночи лицо побѣлѣло, русые волосы мечетъ утренній вѣтеръ, пахнетъ виномъ и дымомъ сигарнымъ блѣдный конногвардеецъ. Вотъ падетъ на ковры, качнувъ тройку, вотъ скажетъ:

— Вези, ямщикъ, по всей Москвѣ, на Воробьевы Горы, въ Петровки... Спать невмочь.

Стряхивалъ кудрями Гаврюшка, зябко подергивалъ плечомъ подъ бархатной безрукавкой, подбиралъ вожжи. Застоялыхъ коней прохватывало отъ паха до загривка радостной дрожью. Чихалъ коренникъ...

На Москвѣ, на зарѣ, умятая пыль мостовыхъ темна отъ сырости, курится. Въ румянцѣ, въ пару, дымитъ Москва на зарѣ.

И гдѣ тихой улицей, вдоль спящихъ ставенъ,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

пройдутъ троечныя колеса, — за ними подымитъ едва пыль и лягутъ двѣ сѣроватыя колеи....

Картавый конногвардеецъ стоитъ въ тройкѣ, обнявъ Гаврюшкины плечи.

— Пропалъ, вовсе пропалъ, — обдаетъ Гаврюшу дыханіемъ. — Въ цыганку врѣзался, въ Зою Московскую, все сердце взяла... Алешка-гитаристъ выкупъ изъ табора запросилъ... Сто тысячъ. Разорюсь, выкуплю... Барыней станетъ. Цыганокъ безъ вѣнчанья нельзя... Ты, ямщикъ, увезти мнѣ поможешь...

Гвардеецъ смѣется, Гаврюшка озирается дико.

— Увезть, отчего... Увезть, ваше благородіе, можно...

И вдругъ, воспрянувъ, ошарашиваетъ по всѣмъ тремъ вожжей:

— Эй, голубки, — слуша-а-а-й!

Отъ толчка картавый поручикъ падаетъ на ковры, сѣрая шинель волочится по каменьямъ, гремятъ колеса, несутся мимо съ гуломъ фонари, будки, заборы, распуганныя галки кричатъ - ныряютъ черными хлопьями въ заревую рѣку — зазвенѣла-полетѣла крылатая Москва.

Такъ и отвезъ Гаврюшка картаваго барина къ трактиру Мутье. За нимъ въ сѣни вошелъ и у притолки сталъ.

Зоины влажные глаза, точно бы отъ слезъ потемнѣли. На него сквозь дымъ Зоины глаза смотрятъ.

Вотъ закуталась она въ темную шаль, затрепетало смуглое плечо, вотъ вздохнула, и умолкло все въ дымныхъ хоромахъ:

— Ахъ, да не вечерняя, да заря,
Ахъ, да заря, ахъ, какъ заря,
Заря, вѣдь, какъ спотухала,
Заря, вѣдь, какъ спотухала...

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Не вечерняя — стая черныхъ птицъ встрепенулась, поблѣднѣли отъ восторга лица цыганскія, дрогнули, стиснулись зубы отъ стона, хоръ притопнулъ гортанно, огненно подхватилъ, со свистомъ, съ глубокимъ рыданіемъ:

— Ахъ, нэ, нэ спотухала —
Спютухать она стала...

Стоитъ Гаврюшка, блѣдный, какъ листъ, въ дверяхъ горницы. И признаетъ свою ямщицкую пѣсню въ рыданьи гортанномъ, и видитъ Зоины глаза, черныя звѣзды въ дыму. А по лицу ямщика бѣгутъ слезы:

Ахъ, да вы подайте мнѣ —
Да, братцы, ахъ, да, братцы,
Ахъ, да вы подайте мнѣ, ахъ, тройку,
Тройку, ахъ, да сѣропѣгихъ лошадей...

— Ахъ, нэ, нэ, нэ, — заметался горячимъ метаніемъ хоръ — .

— Ахъ, тройку сѣропѣгихъ лошадей.

Дрожитъ пламя многихъ свѣчей. Отзванивають темныя стекла. Въ нихъ бьетъ ночной дождь....

За полночь Алешка-гитаристъ, да еще два цыгана, вынесли Зою, закутанную въ бѣличій салопчикъ... Стучалъ по кожухамъ тройки дружный дождь, обмокшіе кони глухо встряхивали сырыми колокольцами.

Шлепая по лужамъ, — кафтанъ на одномъ плечѣ, — прошелъ Гаврюшка къ конямъ.

— Трогать, што-ли? — сказалъ онъ угрюмо.

— Обожди, погребецъ-то... Погребецъ съ шампанскимъ подъ ноги ей поставить, — задыхался картавый поручикъ. — Сюда, въ сѣно... Гони!

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Погнать можно...

И вынесла тройка.

Москва темная, въ дождѣ, въ обрывахъ нахлобученныхъ тучъ, въ отблескахъ фонарей по лужамъ, гдѣ свистятъ отъ колесъ косымъ вѣеромъ брызги, — наклоненно, косо, полетѣла мимо тройки крылатая Москва...

Гаврюшка, мокрый, безъ шапки, глотая дождь, вѣтеръ, сталъ на козыряхъ. По зажоринамъ, кренясь въ шумныя колдобины, чиркая искры изъ дорожныхъ каменьевъ, захлебывая воду, гнала тройка. —

И вдругъ, затрещавъ, стала.

Закорячились кони, осѣли на заднія ноги. Пристяжная, пятясь, скользя, захрапѣла, въ ярости залягала гремящимъ копытомъ по желѣзному, облѣпленному грязью, щиту.

— Что случилось? — встрепенулся поручикъ.

— А то, — обернулъ Гаврюшка блѣдное, мокрое лицо. — Выходи на дорогу изъ тройки... Одинъ я Зою Артемьевну въ подмосковную доставлю.

— Какъ, дуракъ, — одинъ! Съ ума ты сошелъ...

— Сказано, ваше благородіе, выходи.

Гаврюшка съ козырей перегнулся, двумя руками поднялъ картаваго барина съ тройки и поставилъ его у колесъ, въ самую грязь, на дорогѣ;

— Становись, когда сказано...

Картавый баринъ понялъ не сразу, потомъ съ силой хватилъ о земь гвардейской фуражкой, въ грязь сбросилъ бобры....

— Да ты... Стой, бунтовщикъ... Стой, убью.

Грянулъ пистолетный выстрѣлъ, огонь промигнулъ.

Въ три вожжи ударилъ Гаврюшка. И тутъ Зоя сбросила мокрыя свои шали, вцѣпила въ плечи ямщику руки.

— Гэ, гэ — гони!

— Пусти руку, — держись!

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

И пошла Гаврюшкина гонка, о которой московскіе ямщики еще лѣтъ съ полсотни послѣ разсказывали.

Къ станціямъ налетала тройка, какъ буря. Кони пѣной исходятъ, дымятъ бока, воздымаются, опадаютъ. —

Гаврюшка — блѣдный, безъ кафтана, дикіе глаза, — вбѣгаетъ въ станціонное зальце, заспанныхъ смотрителей тормошитъ.

— Смѣну мнѣ жжива, смѣну давай...

Гаврюшку Шугаева по трактамъ всѣ знаютъ, — не до подорожныхъ казенныхъ — по станціямъ слухъ полетѣлъ, — мчитъ сломя голову Гаврюшка-ямщикъ самого Императора Всероссійскаго, только инкогнито.

Гремитъ, звенитъ крылатая тройка...

День — ночь, день — ночь, скачутъ перемѣнныя лошади.

Подъ Варшавой лѣвая пристяжная, востропе-
тавъ, пала... На двухъ гнѣдыхъ истерты въ кровь бока, сбруи оборваны, подскакалъ Гаврюшка къ пограничному на Австрію мосту.

Отъ полосатаго столба, гдѣ шлагбаумъ, изъ полосатыхъ будокъ высыпали солдаты въ орленыхъ киверахъ. Гаврюшка на козыряхъ, рука въ кровь вожжею измучена — ударилъ со стономъ, — кони со стономъ, рванули, загремѣли по мосту:

— Стой, стой!

Выстрѣлъ, пыжъ просвисталъ, заговорилъ солдатскій огонь.

Но вынесла, прорвалась Гаврина тройка...

И на чужой зарѣ, чужими полями, по сырой дорогѣ, пошли шагомъ Гаврюшкины кони. Далеко, надъ темной рыхлой землей низко текла заря.

На зарю Гаврюшка перекрестился, посмотрѣлъ на Зою. Цыганка мирно спала, свернувшись въ клубокъ подъ шалями, подъ салопчикомъ бѣличьимъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

...И прошло много лѣтъ, уже вступилъ на царствіе императоръ Александръ Второй, и объявилась воля крестьянству, когда пріѣзжалъ изъ Тульчи въ Москву богачъ-лошадникъ Гаврила Шугаевъ, съ супругой своей Зоей Артемьевной, батюшкино наслѣдство принять.

Оба рослые, оба темные, съ лица смуглые, обгорѣлые, вродѣ цыганъ.

Долго отыскивали они по Москвѣ какого-то барина изъ бывшихъ помѣщиковъ, графа-ли, князя.

И въ приходѣ Спиридонія тотъ барскій домъ отыскался.

Былой конногвардейскій поручикъ, картавецъ, нынче уже облысѣлый, голова точно-бы въ рыжеватомъ пуху, самъ въ ватномъ шлафрокѣ, встрѣтилъ ихъ въ креслахъ. На табуретѣ падагрическая нога, и ватой обложена.

Въ свѣтломъ залѣ молча пали они передъ баринома на колѣни. Лысый баринъ смотрѣлъ-смотрѣлъ, вдругъ взялся за костыль, морщинистыя руки заплескались. —

— Зоя, Господи Боже мой, Зоя... Цыганка, ямщикъ...

— Мы, батюшка-баринъ — поклонился въ ноги Шугаевъ. — Прости на безчинствѣ, да на охальничествѣ, чѣмъ тебѣ тогда досадили...

Покраснѣлъ лысый баринъ, замигалъ, напыжился, какъ дитя, и заплакалъ:

— Зоя, да ты-ли... Вѣришь, во всю жизнь мою тебя не забылъ, всегда въ сердцѣ щемила... Вѣришь, всегда.

— Прости мэнэ, милый баринъ — гортанно отвѣтила старая, сухая цыганка, улыбнулася грустно, слѣва во рту зубовъ нѣтъ.

— Я Гавру полюбила, нэ тэбэ, баринъ. Вотъ...

Тутъ вощла въ свѣтлое зало старая полная барыня въ капотѣ и въ накладныхъ бурыхъ шиньо-

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

нахъ, что-то сказала по непонятному. Гаврила и Зоя встали и ей поклонились, а лысый баринъ досадливо передернулъ ногу на табуретѣ и рукою махнулъ. Барыня въ капотѣ ушли.

— Садитесь, садитесь... Моя жена... Видѣли?... Дурища, сколько лѣтъ въ Россіи живетъ, по-русски не понимаетъ... Садитесь, друзья... Милые вы мои... Вотъ мы и старики стали, жизнь-то пролетѣла, на головѣ у тебя снѣгъ, у меня — пустыня... Эхъ, ямщикъ... Да садись-же.

— Покорно благодаримъ...

— Пролетѣла наша жизнь, какъ тройка — прости-прощай... Ахъ, ямщикъ, что ты содѣлалъ тогда... Въ сердце меня... Полно, полно — забыто... Зоя, а «Не вечерняя»... Зоя Московская, помнишь-ли: «Не вечерняя»?..

— Какъ мэнэ, баринъ, не помнить.

— Спой ты мнѣ, Зоя, старому, спой, ты мнѣ, хорошая, «Не вечернюю», спой, душа, дай о всей жизни поплакать...

— Безъ гитары нэ можно, — сурово сказала цыганка.

— Есть, есть гитара... Эй, кто тамъ, подай гитару изъ кабинета.

И когда принесли гитару, Зоя Артемьевна, старая цыганка, зардѣлась словно-бы дѣвушка и робко на Шугаева посмотрѣла.

— Гавруша, можно барину пэть?

— Пой, конешно... А то-нѣтъ: можно.

— Тогда ты, Гаврюша, на нижней октавѣ возьми: у мэнэ нынче голосъ не тотъ... Ту струну, подъ пятую, бери.

Улыбнулась, откашлялась.

И запѣла цыганка, старая Зоя, цыганскую «Не вечернюю».

А сѣдой Гаврюша Шугаевъ и бывшій гвардей-

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

скій поручикъ слушали молча, не глядя другъ на друга. Глоталъ слезы старый гвардеецъ.

Вотъ, говорятъ, откуда цыгане пѣсни берутъ.

Отъ огня, отъ боя сердца, отъ трепета, вѣтра, топота коней пѣсни цыганскія...

А «Не вечернюю» переняли цыгане отъ знаменитой Зои Московской, а Зоя Артемьевна переняла ее въ часъ вечерній, въ поляхъ, отъ желаннаго своего, отъ молодого московскаго ямщика Гаврюши Шугаева.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ДУРНОЙ АРАПЧЕНОКЪ.

Туча стояла надъ Москвою.

Точно всѣми четырьмя лапами раскинулась по небу громадная шкура медвѣдя надъ самымъ Кремлемъ.

Съ вечера яблони побилъ крупный дождь. Перешелъ къ ночи. Москва темная, пустынная, спящая, свинцово поблескивая шарами куполовъ, дышала влажной свѣжестью, чистотой дождя, сырымъ березнякомъ...

Проблиставъ зеленымъ заревомъ въ стеклахъ, пронеслась безшумная молнія — озарило чугунные фонари, заборы, колоннады — сухой пальбой раскатился громъ.

Будошникъ, запахнувъ полы овчиннаго тулупа, залѣзъ въ будку свою, и когда снова зеленоватымъ зіяніемъ выблеснули стекла, только алебарда его, сверкая, торчала изъ будки.

Молніи выхватывали тѣни трубъ, сквозные пролеты колоколенъ.

По заставамъ, у Камеръ-Коллежскаго вала, вокругъ Москвы, толкались, разбѣгались чугунными кеглями громовые откаты.

Гремѣла сухая гроза безъ дождя. Отъ сухихъ молній высохъ воздухъ, ночь стала душнѣе.

Громада спруженныхъ куполовъ, чудовищныя тѣни дворцовъ и строеній, — словно вымерла тем-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ная Москва, отданная на потоки молній, на бѣгъ сухого грохота...

Въ приходѣ Богоявленія, въ приземистомъ домѣ о шести колоннахъ, что на Нѣмецкой улицѣ у Покровки, противу самаго Нѣмецкаго рынка, порхаетъ въ темныхъ окнахъ огонь.

Въ зальцѣ шарахаютъ отблески молній въ круглое зеркало.

Босая, простоволосая дѣвка, съ ошалѣлыми глазами, коса закорюкой, въ холщевой исподницѣ, мягко топочетъ на антресоли съ тазомъ и полотенцами. У образовъ, въ столовой, сухонькая старушка, стоя на креслахъ, теплитъ тонкую свѣчу, невѣрно тычется старушечья горсть.

Окна дымно голубѣютъ, дымно гаснутъ.

— Гаша, Гаша...

Простоволосая дѣвка присѣла:

— Нянюшка?

— Образа ?

— Въ спальню барынѣ понесла, дохтуръ не приказалъ... Тамо, нянюшка, въ уголку, на припечкѣ, уставила, по-надъ стѣнью....

— Комоды помоги отпирать, чтобы двери отворены...

— Да отворены всѣ...

Ударилъ громъ, точно близко въ саду лопнуло пушечное ядро, дрогнули стекла.

Гаша съ нянюшкой пали на корточки у комода. Прыгаетъ жидкая косица, мышиный Гашинъ хвостикъ.

— Никола Чудотворецъ, Спасы-угодники, спаси-помилуй — няня трясущейся рукой тянетъ неподатливый ящикъ.

Ящики скрипятъ, обдаютъ домашнимъ духомъ пересыпанныхъ мѣховъ, скатанныхъ скатертей, мятными приправами, настоями, вишневками, яблоками, сушеными запрошлый годъ...

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Ахти, барыня завуяла.

Дѣвка стрѣлой метнулась на антресоли. Нянюшка крестится.

— Куды баринъ сокрылся? Туточки въ креслахъ сидѣлъ, а и нѣтъ... Куды побѣгъ?.. Сереженька... Батюшка... Сергій Львовичъ.

Въ круглой зальцѣ, у зеркала, няню выхватила молнія изъ тьмы: морщинистая, блѣдная, въ бѣлой пелеринкѣ, сухонькіе пальцы согнуты на груди для креста...

Гаша пронеслась внизъ стремглавъ.

— Нянюшка, дохтуръ — передохнула — дохтуръ младенчика вынесъ... Мокрехонькій.

— Слава Те, Слава Те... Баринъ нашъ — куды.. Батюшка, Сергій Львовичъ...

А баринъ Сергій Львовичъ стоитъ на дворѣ, на ступенькахъ крылецъ, безъ шляпы.

Пошумѣлъ внезапный вѣтеръ въ сиреняхъ, закачало тѣни деревъ на бульварахъ — рѣдкія капли застучали по заборамъ, по крышамъ, — шумнѣе, шумнѣе... Точно отсырѣвъ замигала молнія, громъ приглохъ, откатился, задребезжалъ далеко въ дружномъ шумѣ водъ.

Сбито кружевное жабо Сергія Львовича, разстегнутъ сѣрый фракъ.

По лысому лбу, по носу, постукиваютъ холодныя капли. Не понимая, онъ слизываетъ ихъ съ губъ.

— Батюшка, да куда убѣгли, ножки промочите, дождь полетѣлъ....

— Дождь? Точно... — озирается — Надежда Осиповна, Надя... Кричитъ?

— А и нѣтъ вотъ ни столички. Вовсе справная... Родила.

— Родила? — слизнулъ каплю съ носа, ступилъ къ дверямъ и вдругъ, закрывъ руками лицо, всхлипнулъ шумно.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Няня, легонько подталкивая въ спину, ведетъ барина съ крылецъ въ горницы.

— Безъ шапки убѣгъ... Почивать ступай. Безъ шапки, пострѣлъ...

Стеклянная дверь зазвенѣла. Дождь смутнымъ прохладнымъ шумомъ ворвался въ сѣнцы.

Будошникъ, тотъ самый, что спрятался въ будку отъ сухихъ молній, теперь высунулъ голову и, сдвинувъ на затылокъ треухъ, подставилъ водѣ и вѣтру морщинистое лицо.

Ночь посѣрѣла, стала водянистой, мутной. Шумѣли дружныя воды о мостовую, какъ мокрые шажки безчисленныхъ прохожихъ...

А на утро Москва, умытая, свѣтлая, играла на солнцѣ, въ туманѣ теплыхъ росъ, громадой влажныхъ самоцвѣтовъ, дымно вспыхивала вишневыми, зелеными огнями.

Полыми шарами плаваетъ къ ранней звонъ. Надъ самымъ Кремлемъ, въ зеленоватомъ, нѣжномъ небѣ, дремлютъ бѣлыя стайки утреннихъ облаковъ.

У гауптвахты, мимо полосатыхъ столовъ, гремя барабанами, прошагали солдаты. Высоко подымаютъ всѣ ногу, у всѣхъ бѣлые гамаши до колѣнъ. Сіяютъ бѣлые ремни на синихъ кафтанахъ, лица красныя, какъ изъ бани, букли бѣлыя. Широко плещутъ солнцемъ мѣдныя гранадерки. Пронесли солдаты мѣдный блескъ орловъ, гулъ барабановъ...

Чиркая мокрыми колесами, кренясь во грязи, проплыла коричневая карета у Иверской. Гайдукъ верхомъ на пристяжной, треуголка поперекъ лба, машетъ бичемъ, а долгія ноги, какъ жерди, волочатся съ коня и жижей обрызганы чулки.

Въ зеркальныхъ стеклахъ кареты дрожь солнца, березняка, отраженія голубыхъ лужъ, бородатыхъ мужиковъ, красныхъ платковъ, гречевиковъ.

Надъ сіяющими лужами дымитъ розовый паръ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Отъ Иверской доплыла карета на Нѣмецкую улицу. Баринъ въ коричневомъ фракѣ, полный и круглый, проворно выпрыгнулъ на мокрые мостки.

Зальца залита солнцемъ. Дрожитъ свѣтъ на хрусталикахъ люстры, сѣчетъ косыми дорогами свѣтлый вовдухъ до красныхъ спинокъ диванов.

Дѣвка Гаша взвигнула, шарахнулась дико.

— Василій Львовичъ пріѣхали...

Коричневый баринъ замахнулся на нее треуголкой.

— Что съ дѣвкой сталося?

Няня въ бѣлой пелеринкѣ, свѣтлая, чинная, приняла треуголку изъ барскихъ рукъ:

— Батюшка, Василій Львовичъ, да когда радость въ домѣ: Богъ мальчика далъ.

— Махонькій вовсе младенчикъ — Гашина косица трясется, показываетъ дѣвка на пальцахъ младенца, не больше вершка. — И мокрехонькой...

Вошелъ въ зало Сергій Львовичъ, блѣдный, помятое лицо, рыжеватый кокъ на лбу спутанъ.

— Поздравляю, поздравляю — улыбнулся коричневый баринъ. — Сказывалъ, будетъ благополучна.

Звучно поцѣловались, жмурятся оба отъ солнца.

— Ахъ намучился... Ночь безъ сна.

— Я тоже не спалъ: сочиничествовалъ... Надя благополучна, дозволено къ ней?

— Прошу...

Братья идутъ мимо оконъ, подъ руку.

— Славный день, веселый день — говоритъ круглый коричневый баринъ. Подмигиваетъ у него глазъ. — По ночи сочинялъ, а утромъ вѣдомости пришли... Старикъ-то нашъ, Суворовъ... Ровно вѣтромъ сдунулъ съ Италіи мерзостный якубицкій колпакъ... Смотри, милый другъ, вчерашнія вѣдо-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

мости пишутъ: россійскими войсками Миланъ взятъ... Да гдѣ онѣ у меня?

Порылся въ заднемъ карманѣ, на спинѣ наморщился коричневый фракъ:

— Фельдмаршалъ пишетъ въ реляціи своей: при вступленіи моемъ въ столицу Пьемонта я съ радостью зрѣлъ общій восторгъ жителей, освободившихся отъ бремени тяготѣвшаго надъ ними притѣсненія. Нынѣ спокойствіе, согласіе и порядокъ въ цѣломъ Пьемонтѣ...

— Да, слава Богу, побѣда — Сергій Львовичъ быстро, косенько покрестился. — А какое имя мальчишкѣ-то дать?

— Я тебѣ про Италію, ты мнѣ про святцы... Александромъ его назови, во славу побѣдъ россійскихъ...

Въ спальнѣ, въ полусвѣтѣ опущенныхъ шторъ, сквозитъ солнце, зеленый туманъ березъ. Въ шелковомъ, бѣломъ чепцѣ лежитъ на высокихъ перинахъ барыня Надежда Осиповна. Смуглыя щеки горятъ румянцемъ. Безъ силъ пали по одѣялу желтоватыя руки.

— Устала, мой ангелъ?.. Братъ поздравить пришелъ.

Надежда Осиповна повела бровью, пожевала горячими губами, улыбнулась едва.

— Благодарствую... Мнѣ бы его посмотрѣть... Мальчика принесите, не видала еще.

На желтой подушкѣ, въ кружевахъ, несла его въ барскую спальню нянюшка.

А за нянюшкой шла Гаша, за Гашей Дарья и кучеръ Антонъ въ плисовомъ камзолѣ и дворецкій Киръ, старецъ бѣлоголовый и ветхій, въ гродетуровомъ кафтанѣ покроя стариннаго, и казачекъ Петька, и поваръ Андронъ, тучный и грустный, во французскомъ жилетѣ, да еще дѣвка Фенька, да кволая Нюша, да двѣ старушки, Богъ ихъ имена

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

вѣси, что съ позадворья, — барскіе дворовые московскаго дома.

Шли они по залу по самой солнечной дорожкѣ, чинные, благолѣпные, и жмурились всѣ отъ солнца. Петька подсмаргивалъ носомъ, покуда ветхій Киръ не далъ казачку щелчка. Петька отъ внезапности открылъ ротъ, да такъ съ открытымъ ртомъ и остался...

Нянюшка, вошла въ спальню, а всѣ другіе, точно ихъ качнуло волной, кинули руки до полу въ низкомъ поклонѣ, загудѣли недружно:

— На сыночкѣ твоемъ поздравствованіе прими.

— Подите, подите, — едва подняла желтоватую кисть Надежда Осиповна.

— Мальчикъ мой гдѣ?

Нянюшка, поджавъ запалыя губы, поднесла къ постели желтую подушку. Тамъ шевелилось, выказывало ручки и ножки нѣчто темное, сморщенное.

Надежду Осиповну приподняли подъ локотки.

Корчится на желтомъ шелкѣ маленькое смуглотемное тѣльце, темная крошечная головка, старческая гримаска, — носъ приплюснутъ, волосъ тусклый, курчавый, съ рыжиной, какъ войлокъ, щелинки глазъ...

— Арапченокъ! — вскрикнула Надежда Осиповна. — Фу, какой дурной арапченокъ. И отвернулась къ стѣнѣ, закусила губу, заплакала.

— Арапченка родила... На всю Москву стыдъ... Арапченокъ... Д-у-у-рной.

Сергѣй Львовичъ, накручивая на палецъ рыжеватый кокъ, растерянно улыбался. Василій Львовичъ утѣшалъ.

— У тебя первая материнская блажь.... Изнемогла... Имажинируешь... Обожди, красавцемъ покажется... А хотя-бы и прямой арапченокъ. Сталобыть въ дѣда пошелъ, въ Аннибала.

Въ дѣтскомъ покоѣ, гдѣ лепечетъ у оконъ берез-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

някъ, за тафтянымъ сквозящимъ пологомъ, шевелится нѣчто. И ворчитъ старая барская нянюшка:

— Арапченокъ... Кровинку свою, да оскаредить этакимъ словомъ... Не арапченокъ онъ, а дворянской сынъ Пушкинъ... Видано-ли, чтобы у баръ арапчата рожались.

И чуть пошевелится за пологомъ, толкнетъ нянюшка зыбку тощей рукой и тоненько запоетъ:

Жилъ-былъ котъ воркунъ.
Жилъ безъ лиха котокъ...

Въ Москвѣ, 29 маія 1799 года родился Пушкинъ — въ ночь на весеннюю грозу. А отъ купели нарекли его Александромъ — во славу лавровъ россійскихъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ТРЕУГОЛКА.

Въ пятницу, въ три безъ четверти пополудни, Пушкинъ отошелъ...

На другой день въ Санктпетербургѣ дымила пасмурная оттепель. У дома княгини Волконской, что по набережной Мойки, за Пѣвческимъ мостомъ, поеживаясь подъ моросивомъ, дежурили въ подворотнѣ два квартальныхъ надзирателя.

Съ утра разные люди приходили поклониться гробу усопшаго. Въ покояхъ нижняго этажа, гдѣ квартировалъ Пушкинъ, подъ сводами, ходилъ хмурый дымъ, нанесенный дыханіемъ и влажными шинелями приходящихъ.

Въ голубой и желтой гостиной многими слѣдами были заслѣжены шашки паркета.

Въ тягостной суматохѣ похоронъ забыли на письменномъ столѣ рукописи покойнаго, стопку синеватыхъ листковъ. Сквозняки тихо мели ихъ подъ ноги, на полъ. Одинъ изъ пришедшихъ, морской кадетъ, блѣдный мальчикъ съ голубыми жилками на вискахъ, подобралъ синіе листики, уже придавленные мокрыми каблуками, точно коричневыми отпечатками подковъ, и подложилъ подъ бронзовую чернильницу съ негромъ.

Гробъ Пушкина стоялъ въ кабинетѣ, на козлахъ. Пушкинъ лежалъ головою къ окну. Онъ былъ въ черномъ фракѣ, руки, въ замшевыхъ желтыхъ перчаткахъ, скрещены на груди. На его крутомъ лбу

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

тусклымъ пятномъ, какъ тонкій серебряный рубль, свѣтились зыбкія сумерки.

Камердинеръ Пушкина, слуга Алексѣй, свѣтлоглазый, румяный парень во фризовой шинели, пробирался въ тотъ часъ на задворкахъ, по талому снѣгу къ воротамъ.

Въ тотъ часъ слуга вынесъ за пазухой съ заднихъ крылецъ барскую шкатулку и треуголку. Въ погребцахъ баре хоронятъ столовое серебро, а то свои прихоти, — граненые стаканчики и хрустальныя фляжки, оплетенныя въ зеленый сафьянъ. А черная, съ заерошеннымъ ворсомъ, треуголка покойнаго барина попалась за одно подъ руку.

До вечера со шкатулкой и треуголкой подъ шинелью ходилъ слуга по всѣмъ Подъяческимъ и Мѣщанскимъ, изъ трактира въ трактиръ.

Треуголку не брали: грошъ ей цѣна, молью проточена, а за барскій погребецъ, хотя и потерта кожа, цѣловальникъ въ «Трехъ Ягодахъ», что у Кукушкина моста, отсыпалъ камердинеру пригоршню мѣдныхъ пятаковъ.

Была набита шкатулка писанной бумагой.

— Виду въ ней нѣтути, — равнодушно почесалъ цѣловальникъ бритый затылокъ. — Не за что деньги платить... А бумагу, землякъ, себѣ прибери: намъ не надобно.

— А ну!.. — мигнулъ бѣлыми глазами слуга и смахнулъ подъ стойку листки...

Отошла вечерняя панихида въ домѣ княгини Волконской.

Горькій духъ ладана плавалъ въ нижнихъ покояхъ.

Въ углу кабинета, на канапе, тиская въ пальцахъ намокшій платокъ, сидѣлъ старый Жуковскій. Его обритое лицо, съ мѣшками у глазъ, было заплакано. Въ темнотѣ едва свѣтился серебряный рубль на высокомъ челѣ усопшаго.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Монашка, черная, худенькая со спины, какъ дѣвочка, часто крестилась и кланялась у аналоя. Потомъ придвинула къ себѣ аналой, — точно пробуя, крѣпко ли онъ стоитъ, — звонко щелкнула застежками Библіи и откашлялась въ кулачекъ...

Слуга Алексѣй на погребецъ поминалъ барина съ чужими форейторами. Чей-то выѣздной кучеръ, борода въ окладъ, потянулъ отъ него треуголку, напялилъ поперекъ головы и осклабился. Потный носъ кучера былъ въ веснушкахъ:

— Не скаредничай, душа, помянемъ, какъ слѣдъ, барина... Онъ у тебя въ какихъ ходилъ: енаралъ какой, аль не служащій помѣщикъ?

— А кто его знаетъ... Баринъ добрый, не почасту гнѣвался... Сочинитель... А чего сочинялъ, намъ невѣдомо. Грамота намъ не положена.

Гремятъ двери, кирпичъ визжитъ на блокѣ, крутитъ у притолоки мочальную веревку — морозная мгла кидается съ улицы.

Мутно галдитъ, машетъ руками, оретъ, бормочетъ постоялый дворъ.

— Который подходи, — зоветъ кучеръ, — Митрофанычъ барина поминаетъ.

И мокаетъ тутъ-же въ солонку луковицу, хруститъ челюстями, чмокаетъ, ласково щурится въ дымъ. Слуга Алексѣй все хочетъ сказать, что Митрофанычемъ звать его понапрасну — Матвѣичъ по батюшкѣ — но народъ подходитъ, ему наливаютъ, онъ наливаетъ.

— Это который Пушкинъ, на Конюшенной который, въ номерѣ пятомъ? — сурово освѣдомляется кряжистый возчикъ, отчесывая пятернею иней съ черной бороды.

— А и-и-и нѣтъ — пьяно улыбается Алексѣй. — И не бывало того, чтобы мы на Конюшенной да стояли...

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— То другой, въ домѣ, вишь, пятомъ... А эфтотъ важнѣющій, братецъ мой, енаралъ.

Кучеръ подмигиваетъ, двигаетъ веснущатымъ носомъ, смахивая капли пота.

— Этта баринъ евонный весь, братецъ мой, какъ есть въ регаліяхъ, кавалеріяхъ. И добрѣющій, братецъ мой, енаралъ.

— Пушкинъ, на Конюшенной который, о прошломъ годѣ мнѣ спину накостылялъ — сухо и равнодушно, себѣ самому, говоритъ чернобородый возчикъ и опрокидываетъ въ глотку вино.

— Царство ему небесное, когда такъ...

Барская треуголка качается на головѣ кучера чернымъ челномъ. И тѣнь огромнаго челна, мѣшаясь въ тѣни рукъ, носовъ, бородъ, качается на балкахъ, прометывая по лицу цѣловальника.

Цѣловальникъ, съ одутловатымъ, маслянистымъ лицомъ, похожимъ на сальное колѣно, все подергиваетъ выпущенную изъ плисоваго жилета полушаловую рубаху, все поплевываетъ въ бокъ, чуть высовывая кончикъ языка.

Дымитъ прокуренный трактиръ — «Три Ягодки» — прѣлой вонью армяковъ, псиной, грязнымъ снѣгомъ, тяжелымъ духомъ сивухи — свинцомъ.

Лакей въ штопаномъ, синемъ фракѣ, кадычное горло въ три обхвата обвязано затасканнымъ краснымъ фуляромъ, голова какъ есть наголо брита, — тянется къ Алексѣю.

— Налей, братецъ, за упокой... Да слышь, братецъ, налей.

— Кто такой, голая голова? — кучеръ оправилъ треуголку. — Не давай ему, Митрофанычъ... Безъ него спразднуемъ.

— Налей во поминъ души... Музыканту, братецъ... Иззябъ.

— Цыцъ, ступай! — кучеръ прикрикнулъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Да ништо, дай ему, — тянетъ жалобно Алексѣй.

Музыкантъ въ синемъ фракѣ проглотилъ вино, пожевалъ запалыми губами, выказавъ въ черной дыркѣ рта одинъ коричневый зубъ. Ухмыльнулся:

— Поминайте барина... Оно, какъ говорится — добродѣтель и благодарственная слеза..... А у меня баринъ шалый былъ, вздорный. И поминать его нечего: прямой дуракъ. На ахтерокъ разорился. Подохъ... Бывало кликнетъ — Андрюшка, ѣдемъ... И ѣдемъ... Тридцать тысячъ верстъ, во всякія заграницы... Въ какъ его — Штутгартъ... Воли барской не ослушаешься... Царство ему небесное: хорошій баринъ былъ, обходительный. А померъ отъ вздору... Твоего какъ по имени—изотчеству?

— Александра Сергѣичъ.

— За упокой души раба Божьяго Александра. Аминь... Ишь, сука, ожгла. Цитварное сѣмя въ тотшнемъ трактирѣ мѣшаютъ: выжиги... Какую баринъ должность имѣлъ?

— А и-и-и-не знаю, — пьяно улыбнулся слуга. — Сочинитель.

И отъ этого слова улыбка расширилась, замигали мутные глаза, слуга потрясъ головой и, всхлипывая, заплакалъ.

— Сочинитель, Александра Сергѣичъ.

Музыкантъ хмуро нацѣдилъ вина, хмуро выпилъ.

— У тебя сочинитель, чиновникъ, полагать надобно, у меня корнетъ. Все одно — баре. Дворянство, какъ говорится, рассейское. Моего изъ Гродненскаго полка выгнали — карту на глазахъ начальства передернулъ... А когда въ заграницы ѣздили — Лондоны тамъ агромаднѣйшіе, Парижи... И въ томъ какъ его, — Штутгартѣ, — тамъ все чисто, всѣ тебѣ картузъ ломаютъ. Какая мам-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

зель или кто изъ тамошняго дворянства — каждый тебѣ: «здрасьте, мусью, прощайте, мусью». Вѣжливость. Тамъ всякому вольность положена и рабовъ нѣтъ. А ты — скотъ и я скотъ. Твои мордасы на что положены? Чтобы бить.. Баринъ подохъ, ну и подохъ. А ревешь. Сволочь ты, когда такъ... Мнѣ мой шушерникъ скажетъ: Андрюшка, хамская морда, ты есте человѣкъ, я есмь человѣкъ — вольность суть законъ естества, какъ помру, я тебѣ, подлецу, отпускную дамъ... Померъ, про отпускную забылъ. Заимодавцы мнѣ пашпортъ на оброкъ выдали... А на кларнетъ-а-пистонѣ я дуть не могу: грудь отшиблена. Сволочи.

— Ты чего лаешься, арестантъ? — посмотрѣлъ кучеръ на музыканта пьяными, строгими глазами.

— Я не арестантъ, — хмуро, безъ обиды отозвался тотъ. — Въ гошпиталѣ голову оголили, когда въ горячкѣ лежалъ: еще щетина не вылѣзла... Извѣстно, нѣмецкія штуки русскаго человѣка морочить.

— А я, братцы, покралъ — вдругъ широко, безсмысленно и лукаво улыбнулся Алексѣй. — Все покралъ: погребецъ евонный, бумаги тамошнія, треуголку, какъ есть... А и-и-покралъ, ей Богу, все, до остатняго, какъ ки-и-пеечку...

Въ домѣ княгини Волконской, въ полукруглыхъ окнахъ — дымитъ петербургская мгла. Изъ кабинета слышенъ грудной бабій голосъ заупокойной чтицы-монашки:

— Къ Тебѣ взываю, ибо Ты услышишь мя, Боже. Преклони ухо Твое ко мнѣ, услышь слова мои...

Жуковскій очень блѣдный, заплаканный, сидитъ въ креслахъ, въ столовой. Разбираетъ при свѣчѣ бумаги покойнаго.

Перстень, о которомъ не разъ говорилъ милый Пушкинъ — золотой тяжелый перстень съ желто-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ватымъ осмиграннымъ сердоликомъ — нашелся на столѣ.

Бѣдный Александръ, Сверчокъ, грустно шутилъ: «Въ немъ мой магическій кристалъ».

Старикъ поднялъ перстень къ свѣчѣ. Въ желтомъ камнѣ заскользили еврейскія буквы, легкіе крючки. Перстень пришелся на бѣлый, старчески пухлый, мизинецъ. Шевеля мягкими губами, Жуковскій пошепталъ молитву. Придвинулъ листки.

Черновики. Почеркъ безъ нажима, косой, — крылатыя буквы летятъ, исчерченныя строфы, волнистыя длинныя нитки переносовъ, и тутъ же профиль перомъ — головка гречанки въ густо зачерненныхъ букляхъ, скелетъ въ ботфортахъ, шпага и крестъ.

Прищурясь, Жуковскій поставилъ листъ къ свѣчѣ, отъ себя. Читалъ, шевеля губами:

А между тѣмъ за край одежды
Тихонько дергаютъ его
Глупцы —

Зачеркнуто до черна. И новая строфа:

Таковъ поэтъ: какъ Аквилонъ,
Что хочетъ, то уноситъ онъ:
Увядшій листъ, прахъ площадной
Иль куполъ...

Зачеркнуто. Перомъ нарисована нога арабскаго скакуна. Листъ съ краю оборванъ...

— Отъ людей рукою Твоею, Господи, отъ людей міра, которыхъ чрево Ты наполняешь отъ сокровищницъ Твоихъ...

Причитаетъ робкая чтица.

Жуковскій неслышно, въ мягкихъ, чуть скрипящихъ башмакахъ, идетъ къ окну. Теперь онъ похожъ на большого, сѣдого кота въ черномъ фракѣ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Дымитъ петербургская ночь, холодная бездна, пустыня...

Бѣдный Сверчокъ — бѣдная Наташа. Сегодня ея гибкое тѣло изогнулось судорогой отъ рыданій, точно у цирковой дѣвочки-акробатки.

Ее унесли. Александръ звалъ Наташу «Косой Мадонной». Бѣдная Косая Мадонна...

— Увядшій листъ, прахъ площадной... Прахъ площадной...

Еще намедни Пушкинъ пріѣзжалъ къ нему въ Царское Село. Сумрачный, смуглый, овябшій, сидѣлъ въ сторонѣ у камина и промолчалъ весь вечеръ, мѣшая пестомъ уголья за мѣдной рѣшеткой. Слушалъ метель...

— Александръ, Александръ, — бормочетъ Жуковскій, прижимая лицо къ ледяному стеклу.

— Что же безъ тебя будетъ съ нами, съ Россіей?.. Господи, свѣтъ погасъ... Тьма... Господи, исчезнетъ Россія.

— «Вошелъ во глубину водъ и быстрое теченіе ихъ увлекаетъ меня» — слышенъ псаломъ.

Жуковскій заплакалъ. Слезы бѣжали обильно, горячили рыхлую шею, осѣвшую на плоеную сорочку...

Въ ночь на 30 января хватило суровымъ вѣтромъ со Взморья и поднялась колючая метель.

Снѣгъ швырялъ копья въ запертыя ставни, въ заборы, въ полосатыя будки кордегардій. Погасли рѣдкіе фонари.

Слуга Алексѣй, господскій кучеръ и музыкантъ — втроемъ шли отъ Кукушкина моста впотьмахъ, противъ вѣтра. Скрежетало желѣзо на крышахъ.

Закручивало жгутомъ обмерзлыя полы фризовой шинели Алексѣя, кучеръ поддернулъ поддевку подъ кушакъ, музыкантъ во фрачишкѣ своемъ попрыгивалъ на одной ногѣ...

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Стой! А бариновъ картузъ куда подѣвался? — опомнился слуга. — Треуголку мнѣ подавай.

— А, картузъ... Митрофанычъ, бѣда... За картузъ отвѣчать будешь... На Съѣзжую... Найти надоть.

И оба сѣли въ сугробъ. Ползали на корячкахъ, дышали другъ на друга горячо, тошно, прокисшей сивухой.

— Митрофанычъ, — дико и ободряюще шепталъ кучеръ. — Сюды залазь... Поспособнѣе ежели въ сугробъ, Митрофанычъ, сюды... Безъ картуза никакъ невовможно: на Съѣзжую.

А музыкантъ размахивалъ руками и что-то кричалъ, захлебываясь студеными ударами вѣтра.

— Ты чего лаешься? — опираясь на руки, поднялся изъ сугроба кучеръ, огромный, черный медвѣдь.

Музыкантъ хлопалъ ладошами по бокамъ, какъ пѣтухъ, визжалъ. Слуга и кучеръ видѣли въ комъ снѣгу только морщинистую щеку музыканта. носъ крючкомъ, выкаченный его глазъ, мигающій отъ снѣжной крупы.

— Харя, харя — сипло вопилъ, перегибаясь отъ смѣха, музыкантъ. — Вотъ она треуголка... На мужикѣ... Мужикъ въ треуголкѣ.

— Ты чего прыгаешь? — Кучеръ передохнулъ, точно въ немъ сдвинулось что-то сиплое, темной громадой шагнулъ къ музыканту въ сугробъ. Размахнулся.

Музыкантъ застоналъ. Слуга ударилъ такъ же, какъ кучеръ, сипло передохнувъ.

Они били молча, какъ желѣзными балками, не видя кого бьютъ, и шатались отъ невидимыхъ ударовъ. Три темныхъ, громадныхъ звѣря дрались на сугробѣ, безъ звука, сами не вѣдая за что.

Музыкантъ осѣлъ. Слуга и кучеръ затоптались надъ нимъ, гакая и сопя, точно рубили дрова...

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Не замай, Митрофанычъ, — перевелъ духъ кучеръ. — Никакъ вовсе зашибли.

Въ сугробѣ молчало темное, распростертое. Кучеръ пошарилъ и наткнулся на холодный сапогъ.

— Зашибли какъ есть, Спасе Сусе, — сунулъ поддевку подъ кушакъ, шагнулъ черезъ сугробъ. Побѣжалъ.

Храпя, какъ дикія лошади, бѣжали они по набережной. И съ разбѣга оба шарахнулись у переѣзда на будочника, который, какъ разъ, грѣлъ надъ костромъ костлявыя ладони.

Со Съѣзжей въ домъ княгини Волконской заходилъ на другой день квартальный надзиратель оповѣстить ея свѣтлость, что на слугу покойнаго камеръ-юнкера господина Пушкина, дворового человѣка Алексѣя, надѣли колодку, а барская шкатулка отобрана у цѣловальника.

Треуголка исчезла. Затоптали, надо думать, треуголку покойнаго въ сугробъ, или съ набережной сдулъ ее вѣтеръ на льды Невы, понесъ въ метель...

А черезъ два дня на почтовомъ дворѣ подъ Петербургомъ трое жандармовъ суетилось у телѣги, гдѣ стоялъ чей-то гробъ подъ рогожами, въ мокрой соломѣ.

Жандармы торопливо перепрягали лошадей. Узлы намокшей шлеи не слушались пальцевъ.

У воротъ, въ сырыхъ армякахъ, толпились дорожные мужики. Жидкія бороды трепало по вѣтру, домотканные порты вздувало пузыремъ надъ черными, насосавшимися дождя и грязи, лаптями.

— Сказываютъ Пушинымъ барина звали, — говорилъ одинъ. — Не нашихъ мѣстовъ. Такихъ баръ въ нашихъ мѣстахъ не водилось.

— Точно былъ, бригадеръ, — шамкаетъ старикъ, — да ужо померши...

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Сказываютъ изъ ружжа убило. Какъ его сигануло, такъ и везутъ по начальству.

— Не его, онъ самый изъ ружжа стрѣлилъ. Убивецъ.

— Убивецъ, а — грѣхъ Господень... И видать что убивецъ... Вишь его и мчатъ на почтовыхъ въ рогожкѣ, прости Господи, словно собаку...

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

ПОВѢСТЬ
О ГОСПОЖѢ МАРІИ-АННѢ КОЛЛОТЪ.

Въ середу, на недѣлѣ Ангельскаго Собора, былъ я покликанъ отъ работы господиномъ Козловскимъ, благодѣтелемъ моимъ и скульпторомъ, Академію нынче скончающимъ. Столь высока прелесть его мастерства, что можетъ и нонѣ онъ Бунароттомъ россійскимъ почтиться.

Изволилъ о ту пору господинъ Козловскій могучее созданіе свое «Гераклъ, Антея душащій» лѣпить, а я, подмастерье ихній, формовалъ у особы Геракла ступни. И гораздо я былъ работой моей увлеченъ, на то лишь смотря, съ какой силой изображены славнымъ мастеромъ Геракловы икры и всякое на нихъ сухожиліе, для ради прыжка до крайности натуженное.

А мастеръ въ тотъ часъ, сверху, съ деревянныхъ мостковъ, меня и покликни:

— А не довольно ли тебѣ, Алексій, молоткомъ алебастръ мѣсить? Уже вечеряетъ.

— И точно, — отвѣтствовалъ я, расправляя согбенную спину.

А по мосточкамъ мой благодѣтель внизъ опускается, ножками быстро стучитъ.

— Поди, утомился, Алешка?

— Да нѣтъ, сударь... Мнѣ туто утомленія нѣтъ, и куды какъ люблю я работу скульпторную. Въ рабскомъ моемъ состояніи такое художество токмо за одно наслажденіе почтиться должно.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Усмѣхнулся мой мастеръ, Бунароттъ русской, тонкой рукой мраморную пыль съ халата сѣраго очищаетъ.

— Какой ты, Алеха, рабъ? И думать о томъ не посмѣй. Изъ смерднаго состоянія вышедши и нонѣ къ художествамъ сопричисленъ. А въ храмѣ художествъ рабовъ нѣтъ и въ поминѣ, а всѣ либо жрецы, либо вольныя птицы...

Смѣется благодѣтель, на меня глядя, каріе глаза блистаютъ. Вотъ мраморную пудру съ волосъ своихъ легко отряхнулъ... А я штожъ? Я молчу. Што мнѣ сказать, когда до тонкаго мастерства, по молодости лѣтъ, мнѣ далече, хотя, впрочемъ, и точно сіе, што отъ черни господской я милостью Божьей уже отдѣленъ.

Примѣчено было властителемъ моимъ, какъ я, сидючи еще казачкомъ въ барскихъ прихожихъ, на всякіихъ чистыхъ листахъ курчавыя головы чертилъ, а равно узоры и коней на-скоку — хвостъ трубой, грива по вѣтру, — и львовъ, кавалеровъ и кареты, и дамъ по всему ихъ наряду, какъ должно, въ фижмахъ, подобныхъ пуховымъ купецкимъ подушкамъ, коими бедра обкладены...

Сызначала и за вихры меня драли за сіе баловство и на конюшню я сосланъ бывалъ, какъ однажды расчертилъ рогатыми чертями, слонами индійскими и нашими журавлями заглавный листъ вѣдомости иностранной, «Пропилеями» именуемой.

Но въ концѣ, былъ я отчисленъ отъ казачковъ и въ литейное мастерство къ знаменитому заѣзжему зодчему, его сіятельству графу Растріелли на ученіе отданъ. Къ тому самому Растріелли, что нонѣ Дворъ Зимній ЕЯ ІМПЕРАТОРСКОМУ Величеству постройкой покончилъ, хотя тѣ дворовые корпуса, что багровымъ фронтономъ къ Невѣ, — въ неубранныхъ лѣсахъ и нынче оставлены.

Но у Растріелли-графа мнѣ токмо и было, что

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

семь годовъ, головенки не подымая, лавръ чугунный и листъ кипарисовый на рѣшеткахъ молоткомъ я клепилъ, и мѣдь въ печахъ плавилъ. А другого какого художества отъ графской милости неспозналъ.

Да вотъ, благодареніе Богу, отъ сего иностраннаго графа былъ я назначенъ во вновь учиненную ІМПЕРАТОРСКУЮ Академію Художествъ, а нонѣ и состою тутъ казеннокошнымъ воспитанникомъ, на Литейномъ Дворѣ, по фигурному классу, у благодѣтеля моего господина Козловскаго скульптора, въ подмастеріяхъ.

Быть-бы мнѣ крѣпостнымъ человѣкомъ, смердомъ и дворовой душой Его Высокографскаго Сіятельства, Дѣйствительнаго Камергера, Генералъ-Аншефа, Генералъ-Фельдмаршала и Оберъ-Егермейстера, обоихъ Россійскихъ ІМПЕРАТОРСКИХЪ орденовъ, такожъ польскаго Бѣлаго Орла и Святыя Анны кавалера, лейбъ-компаніи капитанъ поручика и лейбъ-гвардіи Коннаго полку господина полковника графа Разумовскаго, — да Богъ судилъ иначе. И нонѣ я безъ особливаго, окромя властей придержащихъ, надъ собою господства, въ художествахъ россійскихъ вольнымъ подмастеріемъ состою.

И коричневый кафтанъ нонѣ ношу, съ полнымъ бортищемъ перламутровыхъ пуговицъ, и парикъ сѣдой надѣваю, какъ прочіе господа. Опять же могу пышную брыжжу изъ раструба рукавнаго выпустить, не хуже дворянина любова.

Только што шпаги тонкой, дворянской, по табели мнѣ не положено, да черная треуголка моя безъ галуна, ограмантовъ и прочіихъ плюмажей. А што въ нихъ — въ ограмантахъ, да шпагахъ, въ чванствѣ да спѣси?

Какъ выйду подъ майскія каруселі, либо на гулянье Екатерингофское, въ персиковомъ кафта-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

нѣ моемъ, да въ камзолѣ, цвѣта нѣжнаго золота, зелеными саламандрами расшитомъ — самыя знатныя красавицы, какія лишь цугомъ съ форейторами по улицамъ петербургскіимъ ѣздіютъ, порхающія ножки свои, да серебряные башмачки токмо на вощеномъ паркетѣ трудя — а и тѣ улыбаются, личики сквозными платками прикрывъ, щеголихи наши заправскія.

— Вотъ, — думаютъ, — какой графъ иностранный, али негоціантъ аглицкой, корабельщикъ какой...

И вовсе никакой я не графъ, прелестницы вы мои, а вольной художникъ, одного скульптурного искуса сызмальства инокъ и рабъ вѣрный до гроба.

А на щетъ треуголки галунной я то полагаю, што въ зимнюю пору нашъ простонародной треухъ не въ примѣръ теплѣйше и краше, а што касательно шпаги, такъ, бывало, когда въ рестораціяхъ, въ табашномъ дыму, изъ-за кеглей споръ какой вышедши, — моя крѣпкая длань, безъ шпажныхъ остріевъ и пыряній, резолуцію кулакомъ однимъ порѣшала.

— И куды такимъ красавцемъ Богъ тебя уродилъ — скажетъ бывало мой благодѣтель. —Ты натурщикъ отмѣнный для самого Адониса. Вишь, и ростомъ высокъ, тѣломъ бѣлъ, да румянъ, и родинка есть надъ губой, бровь соболиная... Ай, молодецъ, смотри, не ходи стезей дворянина гишпанскаго Донъ-Жуана...

Благодѣтель мой еще распотѣшится, да еще подмигнетъ:

— Въ гвардею, Алешка, ступай, въ сержанты дворцовые. До генеральскихъ чиновъ, братъ, дойдешь, во звѣздахъ возсіяешь алмазныхъ.

Токмо смѣюсь я на то, фривольные намеки его вполнѣ разумѣя.

Мы и прекраснымъ художествомъ проживемъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Все прекрасное любитъ душа моя, все свѣтлое и веселое. А почему любитъ все веселое душа моя, самъ я сказать не умѣю.

Вотъ, въ сумеркахъ, на Литейномъ дворѣ, на ступенькахъ мастерской, сядутъ стаей, какъ птахи, академическіе ученики и запоютъ потѣшную, нѣжную пѣсенку о сизой горлинкѣ, либо духовное што, особливо «Кресту Твоему споклоняемся, Владыко», — а у меня сердце трепещетъ. И грустно и радостно мнѣ, а того болѣ грустно, — даже до слезъ, но о томъ я ниже слова не молвлю.

И на сіе не смотря, въ чехардѣ нашей, когда академическихъ гусей распужаемъ съ зеленаго выгона, прыганьемъ, рыканьемъ, да кликомъ звѣринымъ, — пожалуй, на ногу меня быстрѣе и бѣгуна нѣту. Тако-жъ и въ бабкахъ, а равно и въ лаптѣ.

О бабкахъ воспомянувъ, скажу, что задумалъ я фигуру особливую лѣпить: голый метальщикъ, колѣно одно преклонивъ, крѣпкой рукой на него опершися, другая-же согбена на локтѣ, и въ пальцахъ бабка зажата. Изгибъ тѣла, при положеніи семъ, отмѣнно красивъ, окромя того, што и сама игра отмѣченной быть достойна. Чѣмъ сіе метанье россійское ниже аттическаго метанія диска? И божественной красоты тѣла росскія подобны тѣламъ древнихъ боговъ.

Почасту въ день субботній хожу я въ торговыя бани, што у Тучкова Моста, на Невкѣ. А хаживаю туда не токмо што париться, но и голыми торсами простолюдиновъ любоваться.

Въ мыльномъ пару и туманѣ все галдитъ, все гогочетъ. Но приглядишься какъ въ сумракъ и тѣсноту жаркой парильни — ходятъ тамъ нагіе богини и боги, природные Персеи и Адонисты, а равно и Венеры россійскія, — съ лишкомъ, правда, грудастыя, тѣла бѣлыя, отъ баннаго накала румяны,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

въ блескѣ мокромъ. Галдятъ Адонисы и Венеры, изъ деревянныхъ шаекъ себя, съ головы до ногъ поливая...

Вотъ бы альбумъ рисовальный, свинцовый карандашъ. Да гдѣ тутъ, — ежели гоготъ, брызги да тискотня, — и все обольютъ, и пузырьемъ мыльнымъ обмызгаютъ, горящими вѣниками захлещутъ. Уноси Богъ ноги изъ сего жаркаго росскаго пекла, гдѣ простолюдье да разныя жонки солдатскія вмѣстяхъ парятся.

Выбѣжишь въ прохладный предбанникъ, што ошпаренный, окатишься холодной невской водой изъ лохани, смывая съ жаркаго, дымомъ пропахшаго тѣла, приставшій листъ банный...

Весьма любо сіе россійскому человѣку!

Все любо мнѣ. Не наглядѣлись бы очи мои на Божій свѣтъ...

И како зорю на гвардейскомъ караулѣ по синему утру въ орленые барабаны играютъ. И како надъ Невою закатъ тишайшимъ и огромаднымъ пожаромъ стоитъ.

Радостно мнѣ на все, и таково грустно.

По Невской ли прошпективѣ пройдусь, по Зеркальной, либо Парчевой линеи Гостинаго Двора, — всюду галуны, парча, страусовое перо, эстампы въ книжныхъ лавкахъ, французскихъ искусниковъ чудачества прелестныя. Брадатые разносчики ананасы и дыни съ лотковъ продаютъ, въ окнахъ барскихъ дворовъ попугая желтаго аль зеленаго въ иной часъ видѣть можно — какъ онъ золотое кольцо закорюкой клюва яростно зацѣпилъ, самъ качается, зеленое перо распустивъ.

Господи Боже мой, и въ винѣ себѣ не отказываю, и въ карты баталіи даю, особливо Фараона предпочитаю, — пирушка-ли тамъ, кегли, карусель, а то работа моя съ молоткомъ и рѣзцомъ надъ мра-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

моромъ сребристымъ — все я до-полна люблю, что очи мои видѣть могутъ.

Попугаевъ, левретокъ, закаты Невскіе, и гвардею въ букляхъ пудреныхъ, пирушки, пѣсню, лапту — все любитъ до-полна моя душа.

И пошто столь грустная радость во мнѣ, Господи Боже мой?

Шелъ я вечоръ Васильевскимъ Островомъ у Шляхетнаго Сухопутнаго корпуса, а на линеяхъ дерева шумятъ и золотой листъ по пыльнымъ мостовымъ кружитъ. «Осыпаются красные клены», думалъ я, идучи.

А на той узкой постилкѣ, што я въ чуланчикѣ, въ мастерской благодѣтеля моего, примостилъ, — не спится мнѣ по ночи, и ворочаюсь я съ боку на бокъ, до перваго свѣта иной разъ уснуть не могу.

Пугливая луна въ окно синее, полукруглое глянетъ, свѣтомъ пугливымъ въ мастерской засквозитъ. Лунныя тѣни ходятъ по мраморамъ, да по гипсамъ, въ пятнистыя барсовы шкуры ихъ обряжаютъ. А за окномъ темныхъ деревъ тягостный шумъ.

Господи Боже мой, о чемъ вы, дерева, шумите, кому панифиды поете? Али молодца вы жалѣете? Вотъ, не спитъ онъ, ворочается, всю-то ноченку напролетъ одинъ-одинешенекъ.

Дворянскаго званія персоны, пересмѣшницы-щеголихи, меня, художника бѣднаго, засмѣютъ... А тѣ дѣвки матросскія, что за полтину серебра въ трактирахъ у гулякъ на колѣняхъ визжатъ,—моему сердцу не любы.

Веселіе и смѣхъ и вино люблю я за честной пирушкой, а срамного попою, да паскудной, негожей гульбы не терпитъ душа моя.

***

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Такъ и стоялъ я въ середу, на недѣлѣ Ангельскаго Собора, предъ благодѣтелемъ моимъ, глаза опустивъ.

— Ты што, Алешка, какъ будто, прокисши?

— Тако сударь, не стоитъ сіе вниманія вашего.

Благодѣтель, сѣрый малахай снявши, полосатый камзолъ свой надѣлъ, и хлястикъ одернулъ, и пуговки на животѣ пальчикомъ защелкнулъ.

На голову меня ниже мой благодѣтель.

Сухонькой, тѣломъ подобранный и живой, ручки у него жилистыя и горячія, а самъ безъ парука презабавно вихрастъ, будто попугай въ хохолкахъ рыженькихъ. Носъ имѣетъ онъ вострый, птичій, а глаза каріе завсегда близоруко сощурены.

Весьма усмѣшливъ мой мастеръ, на языкъ отмѣнно остеръ и, хотя безъ злорѣчія всякаго, но съ довольной издѣвкой и шалостью.

— Алешка, сказывай прямо, амуры? — престрого на меня мастеръ глянулъ, когда помогъ я ему надѣть въ рукава синій кафтанъ и подалъ треуголку и трость.

— Никакихъ, сударь, амуровъ у меня нетути — потупился я, а самъ думаю: «Вотъ какъ стукнетъ набалдашникомъ по лбу, йшь какъ тростку въ сухонькомъ кулачишкѣ зажалъ». Грѣха не таю: бывало, и стукалъ меня благодѣтель.

— Завелись никакъ бабы, какъ блохи? Облошивѣлъ... Все сказывай.

И какъ за руку меня хватитъ, и ногтями защиплетъ, будто клювомъ пѣтухъ.

— Нѣту у меня бабы, ниже въ заводѣ, — вырываю я руку. — Одна тоска есть у меня, а пошто тоска, самъ не вѣдаю.

Вырвалъ я руку и къ окну мастерской отвернулся.

За аллеей кленовой пустую невскую набережную видать, сѣрый мостъ на ту сторону, на площадь

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Адмиралтействъ. По мосту темные пѣшеходы снуютъ, тяжелая карета четверней на сѣрые настилы въѣхала. Грохочетъ, поди, колесища у нея огромадныя. А за черной каретой качаются на запяткахъ двое форейторовъ въ красныхъ плащахъ. Воздухъ-то синій — по вечеру чистый, и, видать, у форейторовъ вѣтромъ плащи завиваетъ, косицы надъ треуголками закорючками прыгаютъ.

По мосту уже тусклыя плошки затеплили, но въ небесахъ еще пылаетъ конецъ Адмиралтейской иглы. Золоченый ангелъ пылаетъ тамъ румянымъ огнемъ, послѣднимъ блескомъ заревымъ.

И таково грустно мнѣ стало смотрѣть на румяную искру въ синемъ небѣ, што я лицо руками закрылъ.

— Алеха, да ты очумѣлъ... Пошто, дудора, въ слезы ударился? Аль обидѣлъ тебя?

А я того пуще.

— Нѣту, не обидѣли, и вовсе не огорченъ... Самъ не знаю пошто.

Сухонькими ручками онъ мои громадные пальцы отъ лица отгибаетъ, а я, подобно медвѣдю, либо ослу одичалому, — уперся и рукъ отъ лица не емлю.

— Да ты, обожди, дура, не голоси... Ты послушай меня. Я мыслилъ ты молодецъ-молодцомъ, а ты рева-баба... О дѣлѣ желалъ съ тобою сужденіе имѣть, а теперь не буду, уйду... Уйду, — наплевать... Реви тутъ, въ пустой мастерской, хоть ирмосами, хоть на все осьмигласіе.

А самъ не отходитъ, токмо тростью объ полъ грозно стучитъ, а я, хотя и бывши упрямый медвѣдь, но изъ-подъ пальцевъ голосъ ему подаю.

— О какомъ дѣлѣ, су-у-дарь?... Простите великодушно рыданіе мое, я болѣ не бу-у-у-ду...

— У-у-ду, — меня благодѣтель передразнилъ. — Ты харю свою спервоначала утри, всю слеза-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ми и гипсомъ измазалъ. Умойся люди. Испужалъ меня, дубъ.

Подъ рукомойникомъ, изъ горшка двурогаго, я на ликъ тотчасъ поплескалъ и, рушникомъ рожу начисто утеревъ, подошелъ къ благодѣтелю упокоенный.

А онъ тростью стучитъ, да командуетъ: —

— Балахонъ мигомъ долой. Бережно кафтанъ твой почисть, а то праздничный замѣстъ его вынь изъ шкапа... Праздничный краше, и чтобъ бланжевые чулки на икрахъ крѣпко держались. А то на Ѳеатрѣ, при зрителяхъ, чулки у мово медвѣдя сползутъ, волосищи на ногахъ обнажа... На камзолѣ всѣ пуговки есть?

— Чай, пуговокъ не грызу — отвѣтствовалъ я, обидясь на то, будто чулки у меня на нѣкоемъ Ѳеатрѣ сползутъ, а равно на то, будто въ волосищахъ ноги мои.

— Для надобностей носа платокъ захвати. Можешь мой взять, што валансовыхъ кружевъ, по угламъ флейты, лиры нашиты... Тамъ одна всего дырочка, непримѣтная вовсе... Парукъ не такъ надѣваешь, дубина, — косицу задралъ. Брыжжу оправь.

— Тотчасъ я, сударь, одѣнусь, не торопите.

Словомъ молвить, загонялъ меня мастеръ. Однако, оправился я, и сказываю ему, треуголку въ рукахъ содержа.

— Куды, сударь, изволите спосылать?

— Никуды, душа моя, а поѣдемъ вмѣстяхъ... Ты сіе видишь?

Такъ сказавъ, благодѣтель набалдашникомъ по стеклу постучалъ.

Смотрю, а въ полукругломъ окнѣ синяя мгла, въ сумракѣ, желтѣя едва, видны низкія строенія Адмиралтействъ на томъ берегу и моста крутая дорога въ огонькахъ плошекъ.

Померкъ румяный факелъ Адмиралтейской иг-

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

лы. Часъ прозрачный и тихій насталъ въ Санктпетербургѣ.

— Што мнѣ, сударь, смотрѣть?

— А костры на томъ берегу, видишь, пышутъ?

— То въ балаганахъ на Адмиралтействъ-площади. Тамъ огни, гдѣ монументъ Государю Петру иностранные мастера льютъ.

— А спрашивалъ меня славный господинъ Фальконетъ, тому монументу ваятель: есть ли де у меня на примѣтѣ мастеръ приличной, чтобъ ему, Фальконету, въ трудахъ его помогать. И сказывалъ я, што-де-есть. Не токмо приличной, но молодой, да свѣжій талантъ, въ мастерствѣ скульпторномъ искусный. А Фальконетъ меня спрашивалъ далѣ: «Но будетъ ли сей молодецъ въ обхожденіи своемъ кавалеръ, и нѣтъ ли ругательствъ или иного какого въ немъ непотребства? Поелику имѣю я у себя въ мастерской дѣвицу, помощницу мою, а ругательствъ, да еще росскихъ, слышать дѣвицѣ вовсе не надлежитъ». И вновь я отвѣтствовалъ: «Имѣю такова, вамъ подходящаго». — «А тогда привозите его на Ѳеатръ, что у Синяго Моста директоръ Лекапелли содержитъ. Тамъ мы съ нимъ спознакомимся и дѣло наше обладимъ».

Стукнулъ тростью мой благодѣтель и, треуголку нахлобучивъ, ступилъ отъ окна.

— Токмо понапрасну Фальконету я сказывалъ. Нѣту у меня молодого таланта и кавалера, а растетъ въ мастерской моей дубъ стоеросовый. Живо на Ѳеатръ, маршъ-маршемъ!

Отъ радости дрогнулъ я. То радостно мнѣ, што въ славномъ Фальконетовомъ дѣлѣ пожелалъ благодѣтель долю мастерству моему дать, и то радостно, што о дѣвицѣ невѣдомой сказано.

На лѣстницѣ я мастера подъ локоть содержу, штобы не оступился, а онъ по ступенькамъ прыгаетъ, какъ пѣтухъ, и локоть свой вырываетъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Ты куды за мною поплелся? Ты обратно ступай. Мнѣ ведмѣдей не надобно. Не въ Звѣринецъ, чай, ѣду, а на Ѳеатръ... Маршъ въ мастерскую!

— Да, сударь, не пеняйте вы на меня.

— Молодость въ тебѣ бродитъ, Алешка, подобно дрожжамъ. Талантъ, можетъ, ты и талантъ, но дурень ты явный.

— Не извольте гнѣваться, сударь.

— Слуга покорный на таково прыща гнѣвъ имѣть, не доросъ ты покудова... А вотъ, ежели правду сказать, за обхожденіе твое я весьма опасаюсь. Можешь ли дамѣ по кавалерски ты поклониться, и какъ сильно во французскомъ языкѣ обученъ?

— Мало-мальски я разумѣю, и по французски могу. Како въ академическихъ классахъ я обученъ, то по французски я експликирую, въ геометріи обучилъ я тригонометрію, въ исторіи универсальной покончилъ съ Россіей и Польшей, въ географіи атласъ Гиберовъ обучилъ. Мораль Вольтеровскую до главы третьей прошелъ, отмѣнно письма и орацій сочиняю...

— Впрямь петиметръ! А въ русскомъ языкѣ, поди, спотыкаясь, еле бредешь...

— Нимало... Русскимъ языкомъ и чистотой его склада не долженъ я никому, како есть самъ я русской, природной. И щастливѣе быть не чаю.

— Молодецъ, Алешка, хотя и болванъ, — молвилъ мнѣ благодѣтель и, на носки ставъ, щеку мою, по привычкѣ своей, двумя ногтями ущипнулъ, и пребольно, что дѣлывалъ онъ, когда бывалъ мною доволенъ.

— А ревѣть болѣ не будешь?

— Не намѣренъ, сударь, ей Богу.

*
**

Воздухъ синь и прозраченъ, на линеяхъ Василеостровскихъ вечеряя тишина.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Фонарщикъ мимо насъ съ лѣстницей пробѣгъ безъ малаго шума. Вдоль линей засвѣтились фонарные фитили рѣдкими огоньками.

Мастеръ мой, о спорахъ нашихъ забывъ, на руку мнѣ крѣпко оперся и ведетъ бесѣду горячую.

А идемъ мы вдоль фронтоновъ Академіи Художествъ, что на набережную выходятъ. Съ той поры, какъ ІМПЕРАТРИЦА Елисаветъ основаніе сей Академіи положила, строитель Кокориновъ славное зданіе почти довершилъ. Еще стоятъ правые флигеля во лѣсахъ, не достроены, но подъ главнымъ порталомъ, межъ колоннъ, уже поставлены нонѣ темныя фигуры Геракла и Флоры и мраморная доска въ стѣну влита, а къ доскѣ на вѣки вѣчныя мѣдныя буквы привинчены:

«Свободнымъ Художествамъ».

Мимо Россійской Академіи Наукъ мы идемъ къ перевозу. Сіе зданіе тоже лѣсами уставлено.

Причудливы лѣса, словно декораціи ѳеатральныя. Перекладины деревянныя, мачты, столбы, да покатыя лѣсенки замерли въ воздухѣ, а рабочаго люда не видно: стало-быть, пошабашилъ.

Чудное время... На улицахъ свѣжей сосной отъ лѣсовъ пахнетъ, повсюду пыль штукатурная, да известка... Нынче всякому ремеслу и всякому мастерству и художеству въ Санктпетербургѣ привольство.

Какой, къ примѣру, грозной Арсеналъ, Дворъ Литейный, росскіе мастера Баженовъ да Теребеневъ на спускѣ у Литейнаго моста воздвигли.

А то дворецъ князя Потемкина, Аничковъ въ просторѣчьи, что на Невской прошпективѣ стоитъ. Надобно быть у сего дворца въ праздничный день, когда по каналу, подъ красную дворцовую арку, гондолы, разубранныя цвѣтами и коврами шемахинскими, тихо плывутъ, а въ гондолахъ кавалеры въ пудрѣ, и госпожи въ робронахъ, и гребцы въ колпакахъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Сказываютъ, есть будто у князя Потемкина въ томъ дворцѣ золотой павлинъ. Заводная пружина столь хитро у павлина устроена, что каждаго гостя онъ хлопаньемъ крыльевъ встрѣчаетъ и, распустивъ пера червоннаго хвостъ, зрачками изумрудными сверканіе подаетъ.

Повсюду нонѣ чудесны дѣла... Вотъ, хотя бы и Академію Наукъ нашу взять. Я то разумѣю, што таково и во всемъ мірѣ не бывало, штобъ директоромъ наукъ и предсѣдателемъ профессорей учинилася особа полу женскаго, персона, бабью робу носящая. А межъ тѣмъ, извѣстно, Ея Сіятельство княкнягиня Дашкова во главѣ Академіи Россійской стоитъ и всѣми профессорями и секретарями похвально командуетъ. И како слышалъ я, повелѣніемъ сея госпожи, нынѣ выдается отъ Академіи въ свѣтъ россійскаго языка словарь, гдѣ Ея Сіятельство своеручно собрала реченія росскія подъ три титла: ц, ш, и щ.

А взять, къ примѣру, нонѣшніе журналы. Ежели Москва, подобно кокеткѣ престарѣлой, сатиръ на нравы свои читать не любительница, то Санктпетербургъ съ охотой выводитъ себя на правежъ сатирической.

Ходятъ тутъ въ кофейняхъ свободно по рукамъ чтецовъ «Всякая всячина» и «Трутень», и «Щепетильникъ Парнасскій», и «Мѣшанина Катоноскарроническая». Многія есть въ нихъ восточныя повѣсти, сатирическіе словари да лечебники, въ царствѣ мертвыхъ разговоры, адская почта, переписка бѣсовъ хромыхъ со кривыми.

Но, однако, на-короткѣ я скажу, што, хотя и любитель я чтенія и уважаю отмѣнно древнюю и римскую исторію, мнѣнія Цицероновы и равно «Похожденія Клевеландовы», а вздорности и бездѣлія сихъ журналовъ щепетильный вкусъ мой не терпитъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Въ сатирѣ нашей паренія нѣтъ, а одна тяжелая скука. Барскіе шуты, шпыни, балагуры словомъ печатнымъ изъясняться не могутъ, а пишутъ въ листкахъ однѣ скучныя Мареміаны, что безъ легкости плачутся и о всемъ мірѣ безъ спросу косо и криво пекутся. А отъ нихъ обыкновенно уже въ десять шаговъ слышенъ духъ скрытой зависти противу ближняго.

Нынче смѣлы всѣ на языкъ стали. А такая смѣлость не што есть иное, какъ дерзновеніе. Въ старыя времена послали бы такихъ смѣльчаковъ для пользы государственной потрудитися описаніемъ нравовъ каково ни на есть дальняго русскаго царства владѣнія, а нынче дали имъ волю писать и за такія сатиры не взыскиваютъ.

Токмо Мареміаны и сами прискучили. Сказывалъ мнѣ одинъ книгопродавецъ, што на университетскомъ дворѣ, подъ аркою коридорной, ларь свой раскинулъ: «Нонѣшняго году сатирическихъ листовъ не покупаютъ и въ десятую долю противу прежняго»...

Въ такихъ разныхъ мысляхъ и разговорахъ мы съ мастеромъ и до яличнаго перевоза дошли, откудова на Царицынъ Лугъ и къ Адмиралтейству ѣздіютъ.

Брадатый будочникъ, на алебарду свою опершись, у полосатой будки, подобно римскому воину дремлетъ.

Народу у перевоза не видать, тѣмко мы и есть. Парнишка-сбитеньщикъ, што тутъ, у дамбы, горячимъ сбитнемъ и сайками торговалъ, домой ушедши.

А мнѣ, признаться, отмѣнно хотѣлося брюхо сбитнемъ прополоскать предъ зрѣлищемъ ѳеатральнымъ.

Шесть уже пробило, какъ мы на дворцовую сторону съ Острова Наукъ и Художествъ на яликѣ переправились.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Проходя подъ сквозной аркой Адмиралтействъ, любовался мой мастеръ лѣпными фризами и работами, и я съ нимъ вмѣстяхъ. Туто маски гранитныя Нептуновъ и прочихъ чудищъ морскихъ нашимъ мастеромъ Щедринымъ надъ окнами выбиты. А трубящіе ангелы на капители, а крылатые геніи славы со знаменами, работы русака Теребенева...

Ежели математическія числа и линеи воображенія не питаютъ, то архитектурныя линеи музыкѣ застылой подобны. Како подумать, какія аванзалы и ротонды возводятъ, какія казармы и каланчи, да лѣпные цейхгаузы, и како рѣшетки чеканятъ, и вазы яшмовыя на невскихъ пристаняхъ поставляютъ, — воочію зришь: не бывать лучше городу во всѣхъ державахъ европейскихъ, чѣмъ Петрово созданіе на Невѣ.

Украшается наша столица будто красавица передъ зеркаломъ. Есть куды красавицѣ поглядѣться: со всѣхъ сторонъ зеркала, воды кругомъ, каналы, рѣки, да взморье. А кругомъ острова: Галерный, Елагинъ, Каменной, Золотой, и Канонерной, опять же и Лоцманской.

Межъ зеркалъ утвердилася наша столица.

Плетемся мы къ Синему мосту, а прошпективой кареты тяжко грохочутъ и мигаютъ масляные фонари.

Аглицкіе бичи во всю длину хлопаютъ, форейторы вопятъ: «Ожгу, берегись», шумъ, топотъ, и тѣни отъ каретныхъ огней по стѣнамъ домовъ пробѣгаютъ.

У деревяннаго Ѳеатра уже тѣспота и полицейскіе караулы стоятъ.

Господа спѣшатъ на подъѣздъ, за ними слуги локтями пихаются, содержа на рукахъ великіе ворохи епанчей, тростей, шпагъ, треуголокъ.

Сѣрая афиша подъ фонарями гласитъ, што бу-

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

детъ дано зрителямъ представленіе драмы слезной, али равно трагедіи «Семира», господина Сумарокова сочинителя, а въ трагедіи будутъ актеры россійскіе представлять: Шумской, Иконниковъ, братья Поповы, Дмитревскій.

Было уже часовъ семь, когда мы въ партеръ вошли, заплативъ по серебряному цѣлковому за входъ.

О сію пору и занавѣсъ надобно подымать, да музыканты еще изъ всѣхъ своихъ силъ въ трубы и литавры бряцали, а разсыльщики лишнихъ свѣчей не тушили. Сіяніе туто и теплый воздухъ воскового огня. Многіе зрители межъ креселъ стоятъ, свои разговоры ведя.

У меня въ глазахъ зарябило отъ большого собранія людей въ голубыхъ, зеленыхъ и красныхъ кафтанахъ и отъ множества дамъ прелестныхъ, какія въ боковыхъ ложахъ, въ букляхъ прегромадныхъ, подобно бабочкамъ бѣлокрылымъ трепещутся.

Наконецъ, и огромная музыка меня оглушила.

Портіеры въ вишневыхъ кафтанахъ съ золотымъ позументомъ межъ тѣсной толпы съ подносами скользятъ:

— Лимонадъ прохладительной... Яблоки, бомбоны.

Ежели-бы не подносы сіи, за царедворцевъ надменныхъ я сихъ портіеровъ почелъ-бы.

— Смотри, сочинитель Фонъ-Визинъ стоитъ... Благодѣтель мой споклонился. Я за нимъ за-одно, и учтиво весьма.

Господинъ Фонъ-Визинъ къ рѣшеткѣ оркестра спиной прислоняся, пухлыя бѣлыя ручки сложилъ на грудяхъ. Ростомъ невеликъ, тѣломъ мягокъ сочинитель Фонъ-Визинъ, а самъ въ синеаломъ кафтанѣ, и бѣлое жабо пышно пущено по груди. Лицо одутловато и сонно, узоръ губъ обритыхъ насмѣш-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ливъ. На одномъ глазу сочинителя есть бѣльмо, и посему голову онъ больше въ бокъ содержитъ.

Рядкомъ съ господиномъ Фонъ-Визиномъ, Ипполитъ Федоровичъ Богдановичъ стоитъ, тотъ самой, што позапрошлаго году на олтарь грацій россійскихъ прелестную свою «Душеньку» положилъ.

Съ нѣжнымъ пѣвцомъ Богдановичемъ скульпторъ мой знакомъ покороче. Живетъ сей шіита на томъ же Васильевскомъ острову, гдѣ и мы, и частенько мой благодѣтель тихій домикъ его навѣщаетъ.

При лицезрѣніи Богдановича взяла меня оторопь. На Парнассѣ Россійскомъ первый онъ заигралъ воображеніемъ въ легкихъ стихахъ, свирѣль буколическая, Горацій Василеостровскій.

— Како поживаете, сударь? — господинъ Козловскій ему руку пожалъ.

— Да што... Безъ прихотей, по-маленьку. Вотъ должность нынче принялъ: имѣть главное смотрѣніе въ изданіи Санктпетербургскихъ Вѣдомостей... Да на прошлой недѣлѣ табакеркой отъ Государыни пожалованъ.

Онѣмѣлый, и ротъ раскрывъ, я на трехъ славныхъ мастеровъ росскихъ смотрю. Весьма хорошо и опрятно одѣтъ господинъ Богдановичъ въ коричневый французскій кафтанъ и напудренъ щеголевато, съ кошелькомъ, и плоская тафтяная шляпа подъ мышкой.

— Но и нынче бѣдное рифмачество мое я выше всего на свѣтѣ почитаю, — господинъ Богдановичъ сказываетъ.

— И вполнѣ вы, сударь, правы, окромя всякой лести, — сочинитель Фонъ-Визинъ предобро усмѣхнулся. — А вотъ мнѣ предписалъ докторъ въ діетѣ аглицкаго пива отнюдь не пить и стиховъ не писать, ибо какъ то, такъ и другое — кровь заставляетъ бить вверхъ... Всѣ медики единогласно ут-

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

верждаютъ, что стихотворецъ паче всѣхъ людей на свѣтѣ долженъ апоплексіи опасаться.

На сіе мы учтиво и отъ души посмѣялись, а господинъ Фонъ-Визинъ съ грустью присовокупилъ:

— Бѣдная жизнь, тяжкая работа и скоропостижная смерть, вотъ чѣмъ піита отъ прочихъ тварей отличается...

Гасили канделябры на верхнихъ ярусахъ, и мы, въ тѣснотѣ толпы, къ мѣстамъ своимъ пробирались. Ненарокомъ кое-кого и толкали. А кругомъ смѣхъ, разговоры. Нѣкій щеголь гвардейской, тощія лядвеи разставивъ и на палашъ опираясь, новый свой анекдотъ передавалъ вслухъ сосѣду:

— Поставили въ Правительствующемъ Сенатѣ Нагую Истину, да генералъ-прокуроръ увидѣлъ и приказалъ Истину нѣсколько прикрыть, понеже и сей особѣ фиговый листъ подобаетъ...

Я заслушался сихъ двусмысленныхъ бредней, и тутъ господинъ Козловскій за локоть меня ущипнулъ:

— Фальконетъ.

Съ полнымъ галантомъ я славному скульптору поклонился, но при поклонѣ задомъ сосѣда крѣпко толкнулъ, да чужой башмакъ ступней придавилъ, и услышалъ, краснѣя, за спиной моей явственный шопотъ:

— Медвѣдь косолопой.

Впрочемъ, я полагаю, што Фальконетъ шопота сего не разслышалъ, ибо встрѣтилъ меня многими и весьма ласковыми, на языкѣ французскомъ, привѣтами.

Холодна морщинистая длань сего мастера, еле сжалась на рукѣ моей.

Былъ Фальконетъ въ бархатномъ черномъ кафтанѣ, въ шелковыхъ черныхъ чулкахъ, въ черное весь одѣтый, опричь пряжекъ серебряныхъ на плисовыхъ башмакахъ. Въ движеніяхъ неслышенъ и

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

вкрадчивъ, а ликъ блѣденъ, какъ снѣгъ, и въ бороздкахъ морщинъ. Бѣлые волосы надъ крутымъ лбомъ клоками развѣялись, подъ нависшею бровью глазъ не видать. Метнули на меня глаза Фальконетовы холодный, быстрый огонь и подъ бровями сокрылись.

Не знаю, какъ сіе сказывать, но стало мнѣ тягостно на черные бархаты мастера и на бѣлые пальцы его съ зелеными изумрудами перстней. И што мнѣ такое тутъ приключилось, но вспомянулся шумъ темныхъ деревъ на линеяхъ, панифиды отходныя...

— Госпожа Марія-Анна Коллотъ, господина Фальконета помощница, — пошепталъ надъ ухомъ моимъ благодѣтель.

Отпустилъ я поклонъ, а кому кланяюсь, самъ не вижу... Легкое нѣчто, словно стрекозовы крылья, въ блескахъ, прозрачно предъ лицомъ моимъ вѣетъ. А изъ воздушнаго сего облака головка ко мнѣ преклоняется. Убраны просто, безъ пудры, темные волосы, въ нихъ свѣжая роза.

Бархатныя очи сквозь опушку рѣсницъ блистаютъ усмѣшливо. Нѣженъ ротъ дѣвичій, румяный, въ правомъ уголку губъ коричневой мушки бархатинка:

— Bonsoir, mon seigneur...

— Се истинный Израиль, въ немъ же лести нѣтъ — киваетъ на меня головой благодѣль, Фальконету обо мнѣ говоря, а я, какъ присѣлъ на кресла рядомъ съ прекрасной госпожей, такъ болѣе ничего и не слышалъ.

Уронила она ласковое слово, бархатомъ по сердцу повела.

Знаю, што надобно ей въ отвѣтъ куплимантъ молвить, и силъ моихъ нѣтъ, и ротъ связанъ, и весь французской експликантъ изъ памяти разомъ вы-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

летѣлъ... Токмо смотрю, какъ золотистая роза, будто озябнувъ, къ бѣлому плечу стебелькомъ никнетъ. Сладостно и свѣжо пахнетъ подлѣ меня живая-ли роза, или сама ея прекрасная госпожа?

— Въ языкѣ росскомъ не опытна, — улыбаясь мнѣ, госпожа говоритъ. — Въ грѣшныхъ вашихъ падежахъ блуждаю и ошибковъ боюсь...

«Вотъ и погрѣшилъ ты, цвѣтокъ», — я думаю, а самому прелестенъ картавый говорокъ иноземки.

Господи, Боже мой, зябнетъ, поди, сей нѣжный цвѣтокъ въ снѣгахъ сѣверныхъ. Иззябнетъ въ конецъ подъ мерзлыми крылами Бореевъ. Вотъ и нонѣ токмо легкій румянецъ цвѣтетъ на блѣдномъ лицѣ, словно алыя розы въ снѣгу.

Набралъ я воздуху въ грудь, передохнулъ шумно и сей куплимантъ, али подобный сему, ей и вымолви... Откудова у Алешки храбрость взялась?

А госпожа моя улыбнулась, и отъ улыбки ямочка на нѣжномъ подбородкѣ означилась, въ родѣ звѣздинки. Персты на лапищу мою положила.

А тѣмъ временемъ свѣчи погашены были, и въ темнотѣ говорили актеры трагедію Сумарокову голосами мрачными и унылыми. Да ничего я не слышалъ, токмо украдкой цвѣткомъ любовался, што дышалъ подлѣ свѣжо. А въ концѣ драмы слезной, когда зрители кричали: «Фора, Фора!» — благодѣтель мой съ довольной шалостью пошутилъ:

— «Намедни Преображенскаго полку сержантъ Капнистъ-графъ читалъ мнѣ на наши дни сатиру:

Науки возрасли, художества цвѣтутъ.
Родятся авторы, а глупость тутъ, какъ тутъ...

Вотъ и тутъ героиня отъ акта до акта зѣло глупо чахла и, наконецъ, издохла».

Въ интермедіи представлены еще были «Арлекиновы проказы», и отмѣнно смѣялась на потѣш-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ные прыжки танцовщиковъ госпожа моя, а былъ ея смѣхъ, какъ разсыпанное серебро, алтынчики звонкіе.

Звѣзда-дѣвка. Прости меня, Господи.

***

Нонѣшняго году зима куда крѣпче, доселѣ на моей памяти бывшихъ.

Какъ по Невѣ изъ Академіи въ балаганы фальконетовы поспѣшаю, яро мой лобъ отъ мороза болитъ и треухъ не помога: индо слезы въ глазахъ.

Да и то сказать, хотя и туго я кушакомъ бѣличью шубку по брюху затягиваю — злой холодъ все одно между ногъ свищетъ, ажно чулки на икрахъ индевѣютъ.

Но сіе почитаю я нипочемъ. Спозаранку, лишь столица дымомъ морознымъ задымитъ, черезъ Неву бѣгу, мимо моста, прямками по-льду, гдѣ путь елками у сугробовъ означенъ. А то мужики на санкахъ зеленыхъ, съ креслами схожихъ, въ единъ мигъ за копѣйку домчатъ. Прехитро сіи зимніе ялишники вяжутъ къ валенкамъ своимъ коньки на дощечкахъ...

Намедни почали въ балаганахъ гранитную скалу гранить. Вѣдомо всѣмъ, что громадный сей камень блоками и машинами въ подгородной чухонской деревнѣ Лахтѣ выкопанъ былъ. Камень-Громъ — сѣрую громаду сію окрестъ называли. А влачили Камень-Громъ во столицу сотни двѣ лошадей и клали настилы и гати по болотамъ, а какъ камень съ блоковъ срывался, много мужиковъ и погонщиковъ передавлено было.

Тяжкое дѣло замыслилъ господинъ Фальконетъ: сей Камень-Громъ надъ Санктпетербургомъ утвердить, а на камнѣ возвысить конный статуй Великаго Государя Петра. Петръ есть камень.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Вотъ и гранятъ камень гранильщики день и ночь. Въ мастерскую госпожи Маріи-Анны Коллотъ проходя, почасту на глыбы отколотыя я натыкаюсь, не единажды и лбомъ стукался о гранитъ, ажно до звона.

Ступишь въ прихожую съ генварьской метели, въ глазахъ еще вьюги мельканія, съ шубенки снѣгъ отряхнешь, а въ мастерской воздухъ теплой и тихой: день и ночь топятъ печи. Отмѣнно зябокъ цвѣтокъ, госпожа Марія-Анна Коллотъ.

На канапе, въ мастерской зеленыя папки разложены, въ папкахъ сѣрые листы чертежей. До вечера, уже свѣчи подъ кенкетами оплывать станутъ, копируемъ мы съ госпожей гипсовыя руки да ноги, да торсы римскіе, што по дощатымъ стѣнамъ развѣшены.

Господинъ Фальконетъ ищетъ фигуру для Всадника своего, а сыскать не можетъ никакъ. Были даны для его чертежей копіи Бунароттовыхъ монументовъ и Донателло, мастера италійскаго, и преславнаго Леонарда Винческаго, а, какъ я наслышанъ, лика державнаго мастеръ не могъ обрѣсти въ твореніяхъ сихъ.

А сказывала мнѣ госпожа Марія, что конь для Всадника уже вылѣпленъ, да коня сего я не видѣлъ, поелику въ Фальконетову мастерскую не вхожъ.

По всѣ дни дверка въ ту мастерскую на запорѣ, а ежели и выйдетъ когда Фальконетъ, то столь перемѣнчивъ, и не узнать: одинъ-ли то человѣкъ, либо разные.

То онъ стариченкѣ подобенъ, гемороидами скорченному. Дряхлъ, согбенъ, серебряныя пуговки на камзолѣ разстегнулись неряшливо, а самъ капляетъ, и такъ мокротливъ, што часто не туды плюетъ, куды надлежитъ. Лицо безсмысленно, глаза мутны,

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

губы отвислы. Проходя, меня и госпожу Марію пеняетъ, брюзга дряхлая, да и все.

А Марія бровью чуть поведетъ, улыбнется мнѣ уголкомъ губъ, и я разумѣю, што нынче у Фальконета незадачливый день: ликъ Всадника тщился найти и въ баталіи сей на голову разбитъ.

А бываетъ: словно черная туча, Фальконетъ по мастерской мчится. Глаза пламенны, сіяютъ огнемъ и ликъ грозно сіяетъ, самъ словно черное копье. Въ такой день одержалъ, стало-быть, мастеръ викторію въ замыслахъ мастерства своего.

— Три раза maitre Морисъ хощетъ голову московской царь лѣпитъ, — сказывала мнѣ Марія, — и три раза модели молоткомъ бьетъ... «Вылѣпи ты, Марія», онъ говоритъ. А развѣ я можно?

Надъ альбомомъ госпожа Марія склонилась, свѣчи нѣжно ликъ ея озаряютъ. Темная прядь выбилась на високъ.

— Можно. Вамъ сіе можно, — говорю, за тѣмъ лишь слѣдя, какъ ея тонкіе пальцы вѣрно полагаютъ линеи на сѣромъ листѣ.

О всю зиму ходитъ Марія въ легкой шубкѣ апельсиннаго цвѣта, отороченной мѣхомъ бѣлой лисы.

Како завижу я шубку сію, сладостно сердце замретъ, а глянетъ мнѣ въ очи Марія, краснѣю, будто въ конфузѣ. Стыдно мнѣ, молодцу; што такъ сладостно сердце щекочетъ, о чемъ и сказать я не смѣю не токмо ей, ниже самому Господу Богу...

За нашими чертежами много мы разнаго говорили. Вотъ о мастерѣ Фальконетѣ, што онъ изъ Веве-города родомъ, во многихъ странахъ бывалъ, и науки тайныя и явныя ему вѣдомы, а такожъ, што онъ вольтеріянецъ, фармазонъ сущій. А до скульптурнаго мастерства Фальконетъ самоучкой дошелъ, стругая сызначала у рѣзчика деревянные болваны для паруковъ... Столь таинственна судьба масте-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ровъ... Вотъ и нонѣ славную работу его: «Пигмаліонъ и Амуръ, пальцемъ грозящій», самъ знаменитой Вольтеръ вѣнцомъ совершенства нарекъ, а како нарещи, когда монументъ Фальконтовъ надъ Санктпетербургомъ воздвигнется?

Равно и о себѣ госпожа Марія не мало повѣдала: о матушкѣ, во Франціи ее ожидающей, о томъ, какъ у насъ бюсты лѣпила Государынѣ нашей и Цесаревичу и заѣзжему въ нашу столицу философу парижскому Дидероту...

Во вторникъ, генваря восьмого, шестомъ часу ввечеру, копировалъ я въ альбомъ гипсовой торсъ въ латахъ римскаго императора, а Марія, насупротивъ сидящая, меня позвала:

— Mon ami! Mon ami! — Выше голову.... Выше. Еще выше, Алешь!

«Алешь» она меня прозывала, мѣняя по своему имя мое православное, для ради ласковости своей. Весьма ласкова была ко мнѣ во всѣ дни сія великодушная госпожа.

Я голову поднялъ, а очи ея на ликѣ блѣдномъ пылаютъ, и губы сжаты престрого. Величавъ и прекрасенъ былъ ликъ госпожи Маріи Коллотъ.

— Bien, bien, mon ami! Montrez-moi votre profil! Encore, encore! Très bien.

Я разумѣю, что писать она меня восхотѣла и готовъ былъ съ великой охотой натурщикомъ ей послужить.

— Tenez en l'air votre mains! Plus fort! Tenez, tenez!

Простеръ я правую руку по воздуху, ликъ закинулъ. Недвижно стою, какъ она повелѣла, не шелохнуся.

Свѣчи потрескиваютъ, въ печахъ жаркое уголье засвиститъ и обрушится. Летаетъ ея карандашъ по листу, постукиваетъ, шуршитъ, а какъ обломается,

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

воскликнетъ Марія: «О-ля-ля» и новый второпяхъ схватитъ...

Уже и рука простертая затекла, и въ ногахъ зудъ, и качаюсь, како она бросила листъ свой на канапу:

— Assez! j'ai trouvè... Алешь, всадника я отыскаль.

На листъ глянуть я не успѣлъ, какъ Марія вплотную ко мнѣ подошла, руки на плечи мнѣ опустила:

— Ce sera ce qu'il faut!

Отъ плечей огонь хлынулъ по всему тѣлу гулять и невѣсть што языкъ мой нещастный заплелъ:

— Не могу, отойди, душа-дѣвица... Силъ моихъ нѣту, жаркій цвѣтокъ... Полюбилъ.

А руки на плечахъ моихъ внезапно поникли, и блѣдное личико съ бархатной мушкой на грудь мою склонено, и губы близко потрепетали:

— Лі-у-блю, — пошептала Марія на свой манеръ сіе слово. — Я знаю, што означаетъ у россовъ люблю... Ты люблю меня, да?

И разсмѣялась, разсыпавъ алтынчики легкіе, кротко молвила, рукъ съ плечей моихъ не убиравъ.:

— Mon enfant, ты дрожишь? Развѣ холодно? А я желаль санную прогулку ѣхать, и вы. У меня санки есть, конь подаренъ, который натурой учителю быль, имя Маркизъ. Ви желаетъ ѣхать на Маркизъ?

Желалъ-ли я, Господи Боже мой!

***

Игреневый меринокъ, одно ухо прорвано для тавра, на лбу бѣлая звѣздинка и бѣлые чулочки на ногахъ, бодро потянулъ изъ рукъ ременную вожжу.

Закинулъ я впопыхахъ ножки Маріи медвѣжьей

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

полстью. Синій возокъ запѣлъ полозьями по снѣгамъ. Изъ-подъ гулкихъ копытъ снѣгъ намъ въ лица летитъ.

Маркизъ горячится, по передку лягаетъ копытами, я вожжу на кулакъ прикрутилъ.

Маріи и не узнать: заиндевѣлыя прядки по вѣтру бьютъ, словно легкое серебро, рѣсницы въ опушкѣ серебряной. Ручки госпожа въ муфтѣ собольей согрѣваетъ.

Зеленоватое небо, жемчугъ холодной, надъ низкими крышами стынетъ, прозрачное, да огромное.

Несутъ санки по Невскому, а на прошпективѣ молчаніе и безлюдіе, снѣга да синій дымъ надъ бѣлыми сугробами крышъ. Зеленоватый омутъ небесный намъ въ очи летитъ.

Темныя стаи воронъ воздымаются съ крышъ, ищутъ ночлега, шумятъ....

Хлестнулъ я Маркиза вдоль всей спины, пустилъ безъ удержу.

Снѣгъ въ очи свищетъ. Глотаю дыханіе Маріи, теплый станъ ея крѣпкой рукой обхватилъ. Серебряная прядка мнѣ губы щекочетъ.

На разлетахъ возокъ, словно корабликъ, въ снѣжныя волны ныряетъ. Духъ захватило.

— Эй, пади, берегись!

Чу, Маркизова селезенка заекала. То иноходью идетъ, то мелкой рысью, а то и въ притруску... Глянулъ, а мы — Боже мой! — куда санки загнали, подъ самыя лавры Александра-Князь-Невскаго. Опушены серебромъ своды вѣтвей, подъ пушистыми сими арками мы скользимъ, словно подъ вѣерами серебряными. Маркизъ шагомъ пошелъ.

А въ небѣ темень, ночь стала. Я вожжу изъ рукъ отпустилъ и госпожѣ говорю:

— Вызвѣздило, смотри.

— Да... Звѣзда упаль.

— Звѣзда падаетъ къ вѣтру — я тихо сказы-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ваю. — А то, ежели праведникъ преставился, святая душа, понимаешь?

— Понимаю.

На звѣзды мы смотримъ. Ярки сіи крещенскія звѣзды. Перелетаетъ надъ головами, ронтся частый огонь, потоки, фонтаны звѣздные. Тихо я сказывалъ ей, какое созвѣздіе по нащему Медвѣдицей прозывается, а какое Плеяды, а то Козерогъ.

— Руки твои, Алешь, безъ варешекъ и зазябли. Спрячь руки въ муфта моя, обогрѣй....

Пошарилъ я подъ теплыми соболями, нашелъ ладошку горячую и накрѣпко стиснулъ, и уста мои ея встрѣтили. Уста самыя, роза озябшая. Покатилися потоки звѣздные, вся крещенская ночь.

— Отстранись, Алешь, столица... На прошпективѣ огни зажжены... Варваръ мой, мушка отъ твой поцѣлуй оттаяла. Потерялъ бархатный мушка мой.

Сію мушку искали мы на полсти медвѣжіей и въ муфтѣ, и даже у башмачковъ, подлѣ ножекъ зазябшихъ.

Да сыщется развѣ?

***

Никто про ту звѣздную ночь не провѣдалъ-бы ежели-бъ не случай недавній.

Сказать надобно, што натурщикомъ я не даромъ госпожѣ моей послужилъ: чертежи мастеръ одобрилъ и наказалъ по тѣмъ чертежамъ голову Государя Петра ей лѣпить, чтобы такъ мощно была закинута голова и длань въ воздухъ простерта.

О февраль мѣсяцъ, 21-го дня, пришелъ я въ мастерскую подъ самыя сумерки. Снѣгъ въ дверяхъ отряхаю, осматриваюсь, а межъ деревянныхъ помостовъ высится громадная, глиняная голова. Кудри откинуты со лба, вихремъ бьются вкругъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

лика гнѣвнаго. Въ грозной силѣ страшно заведены ярыя очи, ликъ Петровъ чудесной и величавой.

И вижу я на помостѣ, у напругшей шеи Петровой, будто темная змѣйка вiется. Вотъ выглянула головка веселая, глиной измазана: госпожа моя, Марiя, на помостѣ.

— C'est mon Pierre! — кликнула и полетѣла по лѣсенкѣ внизъ, руки надъ головою воздынувъ, халатикъ, словно туника, взметенъ, вѣтромъ шумитъ.

Я госпожу на грудь принялъ, съ разбѣга.

А тутъ господинъ Фальконетъ и войди.

Я его не примѣтилъ, поелику была дверь за спиной моею, но уразумѣлъ — кто-то вошедши, понеже страхъ исказилъ лицо госпожи моей.

Мастеръ стоитъ у дверей. Въ черныхъ самъ бархатахъ, и черная треуголка въ рукахъ, съ треуголки плерезы бѣлой пѣной свисаютъ — собрался ѣхать на похороны куды, али съ погребальнымъ визитомъ. Подъ бровью высверкнулъ тусклый зрачокъ. Я головой поникъ, очищаю небрежно глину съ кафтана.

— Marie, qu'est ce que c'est? — на французскомъ нарѣчiи мастеръ ворчитъ.

Марiя улыбнулась, смутясь, и волосы на затылкѣ оправила.

— На мосткахъ оступилась, кавалеръ мнѣ помогъ...

— Кавалеръ, кавалеръ, — гнѣвно проворчалъ Фальконетъ, и плерезами свистнувъ, быстро голову треуголкой накрылъ.

Можетъ статься, понялъ што старый мастеръ, можетъ статься и нѣтъ, однако, въ тотъ день ушелъ я въ Академiю съ опасенiемъ, што случай сей можетъ пасть тѣнью на прелестную мою госпожу.

Душенька моя, царь-дѣвица, лебедушка.

***

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Сіяла снѣгами та звѣздная ночь.

Свѣтилося окно мастерской въ прозрачныхъ и пышныхъ узорахъ инейныхъ. Стояла ночь тихой, безтрепетной, оттепель чуть ее тронула.

Гипсы и мраморы луннымъ свѣтомъ свѣтили. Тутъ и Гераклъ, Антея душащій, и Прозерпина, и Кретонскій Милонъ, и мраморные львы, поголубѣвшіе въ звѣздномъ сіяніи. Тутъ созданія добраго мастерства, добрыя богини, да звѣри.

Подвигнулъ я къ сіявшему окну мой круглый трехногій станокъ для работы лѣпной.

Сребристые вѣера деревъ мнѣ повидились и ныряющій возокъ, звѣздъ фонтаны. И повидѣлось мнѣ, какъ она, душа-дѣвица, руки воздынувъ, съ мосточковъ летитъ, халатикъ взвивается, хитонъ нимфы бѣгущей.

На станкѣ подъ пальцами моими сталъ красный воскъ отчасу теплѣть.

И еще ночь вдохновенная не погасла, какъ возвысилась на лѣпномъ станкѣ маленькая богиня, нимфа бѣгущая. Надъ головой вознесены легкія руки съ тимпаномъ, взметены ризы.

— Просыпайся, Алеха, што дрыхнешь, куранты ужъ девять пропѣли?

Сѣлъ я на постилкѣ своей, глаза кулакомъ протираю.

На плитахъ солнце печатаетъ морозные квадраты. Протираю глаза, думаю — былъ ли сонъ, што богиню изъ краснаго воска лѣпилъ.

А благодѣтель надо мною склоняется, утреннимъ солнцемъ ликъ его свѣтитъ.

— Ты ли вылѣпилъ фигурку сію? — онъ меня тормошитъ.

— Вылѣпилъ я, а вы шумъ подымаете, словно пожаръ? — ворчу, отъ холода ежась. Я уснулъ въ башмакахъ, и за ночь весь кафтанъ перемялъ, посему и серчалъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Болванъ, да талантище въ тебѣ огромадный. Либо талантъ, либо любовь могли сію легкую нимфу создать... Каково имя богини: Психея ли, Мнемозина, аль Терпсихора сама?

— Не вѣдаю, сударь, — отвѣтствовалъ я, опустивъ на полъ ноги босыя. — Всѣ богини въ ней сочетались.

— Ишь, гордецъ, што замыслилъ... А все же, каково имя музы твоей?

— Марія Колоттъ имя ей, — тихо я вымолвилъ и ступилъ неспѣшно къ лѣпному станку и красную фигурку богини тряпицей прикрылъ.

— Не было печали, такъ на! — просвисталъ благодѣтель. — Пропалъ мой Алеха, хотя-бы и отходную пой.

***

А какъ стали надъ Санктпетербургомъ сребристыя и безгласыя бѣлыя ночи свѣтить, уже къ самому маію, былъ я сосланъ съ казенной бумагой отъ господина скульптора Фальконета на Монетный Дворъ, къ Кронверкамъ.

Для монумента намѣрены были мѣдь плавить и составлять, а для чистоты и крѣпости мѣдной смѣси надобно, што извѣстно, червонцевъ бросить туда въ извѣстную долю состава. Тѣ червонцы, въ мѣшечкѣ холщевомъ, — а сколько ихъ было, я не считалъ, — отъ пробирщиковъ на Монетномъ Дворѣ получа и въ карманъ камзола сунувъ — я къ Фальконетту понесъ.

Время было вечернее, и солнце за Невой опустилося, но свѣтелъ былъ воздухъ, словно не вечеръ стоитъ, а разсвѣтъ. И такой сумракъ разсвѣтной во всѣ бѣлыя ночи надъ Санктпетербургомъ странно и блѣдно разлитъ, щемя сердце.

Облобызалъ я десницу госпожѣ моей и, шляпу снявъ, говорю:

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Червонцы принесъ.

А она въ уголъ мастерской перстомъ указуетъ: «Што червонцы, туда посмотри, на модель монументную».

Въ сумракѣ сребристомъ и блѣдномъ, лѣсами подпертый, скачетъ бѣлый конь, бѣлый Всадникъ на немъ.

Закинуты на скаку согбенныя ноги коня, копыта въ пространство повисли. Всадникъ напрегъ назадъ удила, вотъ захрапитъ, вотъ опрокинется конь могучій.

Надъ вздыбленной гривой, Всадникъ правую руку въ пространство простеръ. Въ лавровомъ вѣнкѣ ликъ державный. Пряди хлещутъ назадъ отъ главы занесенной, и цезарскій плащъ, словно знамя, взметенъ. Бѣлый Цезарь Россійскій.

А какъ ближе къ помосту ступилъ, зрю, подъ задними копытами коня бѣлый змій вiется. На скаку конь на заднія копыта присѣлъ, вздутыя жилы на паху бьются, а подъ копыта змій тяжкой вползаетъ.

Скользкій змій на бѣлую скалу вползъ, и плоская его морда, словно копье, подъ конскимъ брюхомъ расщепленнымъ жаломъ вѣетъ. Копытомъ конь скользкаго змія на всемъ скаку придавилъ. Тутъ я и вымолвилъ:

— Соскользнетъ... Соскользнетъ, говорю, копыто со змія.

Госпожа моя дрогнула.

И мнѣ страшно стало. Сумерки блѣднымъ дымомъ дымятъ, въ дыму безмолвно скачетъ бѣлый Всадникъ.

— Соскользнетъ, — говорю, — Пошто тутъ змій, тутъ ошибка во скульпторномъ ращетѣ... Либо змій подъ брюхо коню подползетъ и пяту цареву ужалитъ, либо конь, копытомъ по скользкой чешуѣ скользнувъ, самъ завалится. Ненадобно змія.

Какъ кинется ко мнѣ госпожа, какъ вцѣпится

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

въ руки мои, зацарапала, очи горятъ, словно у кошки.

— Кто тебѣ о зміи сказалъ, сказывай, — кто?

— Да никто... Самъ дошелъ...

А самъ отъ страха, словно листъ, дрожу.

— Нѣтъ, нѣтъ... Ты тайну монумента позналъ, ты разгадалъ скрытый замыселъ Фальконетовъ... Онъ очами душевными за вѣка впередъ видитъ.

Словно пойманная птаха, зябликъ нѣжной, она тогда трепетала, и загадку всю Фальконетову мнѣ повѣдала.

Сей мастеръ, што черные бархаты носитъ, замыслилъ судьбу Державы Россійской своимъ монументомъ запечатлѣть. Скачетъ Цезарь, ликъ грозный закинувъ, а подъ копыта цезарскаго коня вотъ ужо позлетъ змій холодный.

Настанутъ времена на Росской Землѣ, когда не Всаднику, Змію русскіе люди поклонятся. Змій ужалитъ Всадника въ пяту.

И поскачетъ безъ Всадника конь. Змій прыгнетъ коню на спину, обовьетъ. Будетъ Змій скакать на конѣ, закинувъ гадючью морду свою.

— Не бывать сему, не бывать! — вскрикнулъ я дико и Марію отъ себя оттолкнулъ. Подъ Всадникомъ она наземь пала.

— Разбить злое твореніе сіе!

— Како разбить, да кто ты таковъ! — возгремѣлъ тогда надо мной грозный голосъ.

Почудилось мнѣ, что изъ блѣдныхъ дымовъ самъ Цезарь столь грозно воззвалъ. Но тотчасъ изъ темноты Фальконетъ-мастеръ выступилъ. Руки на грудяхъ тѣсно сжавъ, онъ гнѣвно ко мнѣ подступилъ:

— Како смѣешь ты, варваръ, на монументъ посягать?

— Смѣю! — я отъ страха оправился. — Ты кому монументъ учиняешь, Цезарю али Змію!

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Молчать! — Фальконетъ на меня ногами затопалъ.

— Нимало не замолчу!.. Змія замыслилъ утвердить надъ Россіей, самого Сатану... Разбить надобно мерзостный замыселъ твой!

— Вонъ отсюдова, вонъ! — съ великой фуріей Фальконетъ возопилъ.

Плюнулъ я и къ дверямъ повернулъ. Послышалъ тогда жалобной голосъ моей госпожи.

— Алешь, Алешь, погоди...

— Эхъ, Маша, поздно годить... — Поддалъ я въ гнѣвѣ ногой треуголку свою, сызнова обернулся въ дверяхъ, да какъ крикну —

— А будьте вы прокляты, окаянные...

И безъ шляпы, въ потерянныхъ чувствіяхъ, на Неву выбѣжалъ...

***

Ночь не ночь, разсвѣтъ не разсвѣтъ .

Тѣни ничто не даетъ, все безмолвно, все сребристо, Нева, словно смутное зеркало, за рѣшеткою зыбится. Будто весь Санкпетербургъ въ погасшемъ зеркалѣ потонулъ, и не даетъ то зеркало ни отблеска ни тѣни.

Гвардейскій караулъ навстрѣчу попался. Капралы выкидываютъ разомъ обутыя въ сѣрыя гамаши ноги, держутъ торчмя короткіе мушкеты на согнутыхъ локтяхъ. Синѣютъ кафтаны гвардейцевъ, съ бѣлыми ремнями патронташей крестъ-на-крестъ, а орленыя гранадерки въ блѣдной мглѣ блещутъ, словно кокошники, изъ червоннаго золота отлиты.

— Разъ-разъ, — командуетъ сержантъ.

Посмотрѣлъ я на румяныя лица капраловъ, на бѣлыя букли ихъ паруковъ, снѣгу подобныхъ. Вотъ, думаю, идетъ Лейбъ-Компанія въ караулы на Съѣз-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

жую, а то ко Дворцу, все, какъ обычно, и набережная, и рѣшетки и низкіе домы съ погашенными окнами. А сердце колотится въ груди, ужасомъ сжатое: «Змій, Змій!».

Видимо, разстроенъ и блѣденъ былъ ликъ мой, и блуждали, словно у пьянаго, очи мои, ибо благодѣтель, едва я въ мастерскую ввалился, на меня съ явнымъ изумленіемъ посвисталъ.

— Накачался, Алеха, пропойца.

— Нѣтъ, — я отвѣтствовалъ, а самъ дышу хрипло. — Нѣтъ, ни капли не пьянъ, о неистовомъ дѣлѣ узналъ...

И спотыкаясь въ словахъ, наспѣхъ, все благодѣтелю моему разсказалъ: и какъ на Литейный Дворъ сосланъ былъ, и какъ модель узрѣлъ Цезаря, и какъ Змій бѣлымъ копытомъ придавленъ, и што сіе означаетъ.

Повѣсти сей благодѣтель нимало не внялъ, токмо то разумѣя, што Фальконетъ-мастеръ изгналъ меня прочь.

— Съ бабой шашни завелъ, подѣломъ тебѣ, блуда окаянная... А мнѣ позоръ, а мнѣ стыдъ. Безстыжая твоя харя.

— Да вы въ то разумѣнье войдите, што тамъ Змій — я мастеру говорю, а онъ горячится, стенаетъ:

— Засмѣютъ насъ обоихъ за варварскую породу твою, въ потѣхѣ натѣшатся... Што ты содѣлалъ, Алеха? Пропала твоя голова.

— А коли такъ, коли и вы резоновъ моихъ не пріемлите, — пропади же все пропадомъ — воскликнулъ я въ горькой обидѣ, ступилъ шагъ къ моему лѣпному станку, тряпку мокрую сдернулъ.

Въ очахъ мелькнула на мигъ красная моя богиня, я застоналъ, да какъ кулакомъ съ розмаху-то шмякну, — мягкій воскъ разомъ въ комъ подъ кулакомъ смялся, осѣлъ.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Алексій! — рыдающимъ голосомъ благодѣтель воззвалъ. — Што свершилъ, съ ума спятилъ.

— Все пропадомъ пропадай, коли такъ — губы до крови прокусивъ, я вонъ изъ мастерской кинулся.

— Алешка, червонцы, червонцы оставь! — сверху мастеръ мой кличетъ. — Запьешь... Разгуляешь въ запоѣ чужіе червонцы... Алешка...

— Эхъ, пропадай, коли такъ, вся душа моя, — а на зовъ благодѣтельскій я даже не оглянулся.

***

Въ тѣ поры въ Санктпетербургѣ стоялъ прибылой изъ господской деревни попъ Анкудинъ, мнѣ по піянственному дѣлу знакомецъ.

Стояло духовное сіе лицо въ двухъ коморкахъ у Самсонія, что на Выборгской сторонѣ, а въ столицу прибыло по жалобному дѣлу: Анкудина съ прихода благочинный согналъ, и на гонителя сего привезъ попъ петицію во Святѣйшій Синодъ.

А за што Анкудина съ мѣста согнали, мнѣ вѣдомо не было, но то разумѣю, — либо за дерзостный языкъ, либо за піянственное житіе, ибо пилъ попъ въ столицѣ въ запой, и по сему зеленому дѣлу, на Троицынъ день, на веселой пирушкѣ студентовъ академическихъ, и я съ нимъ спознался.

Занывно могъ Анкудинъ вѣчную память упившимся возглашать, а равно многолѣтія, гласомъ потрясающимъ и свирѣпымъ, на языкъ же былъ золъ и ругателенъ, изъ себя неказистъ, тѣломъ тощъ, волосомъ рыжъ и гривастъ непомѣрно, имѣя ликъ мрачной; ежели-бъ подрясникъ свой затрапезный онъ не донашивалъ, былъ бы съ виду сей попъ обыкновенной ерыжкой, пьянюгой кабацкой.

Ужъ и не знаю, какая сила меня надоумила къ

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

нему кинуться утѣшенія искать, но токмо на Выборгскую я тогда бѣгомъ поспѣшалъ, и безъ шляпы.

Темень въ поповой коморкѣ, и духъ квашеной капусты. Надъ столомъ лампадка красная тлѣетъ, а попъ щеки кулаками напрудивъ, таково мрачно акафистъ Пресвятыя Богородицы на гласъ осьмой выводитъ. Тужитъ, одинъ одинешенекъ сидючи въ темени, и словно-бы во хмелю.

— Анкудинъ, я горе повѣдать пришелъ, — рядомъ я съ нимъ на скамью деревянную бухнулъ.

— Нынче всякой душѣ горькое горе.

— Нѣтъ, ты послушай, про дѣло говорю.

И о неистовомъ Фальконетовомъ дѣлѣ я ему все на-чистоту.

— Змій? — мой попъ усмѣхнулся. — Занятно сіе, ежели часомъ ты пьянъ не былъ, у штатуя толкаясь... А о зміи — въ Писаніи тайна. Сказано: «Се жено сотретъ главу змію», а когда сіе сбудется, нигдѣ не прописано... Токмо въ книгахъ Блаженнаго Косьмы Пресвитера намекъ данъ, что Змій сей отъ папежнаго Рима возстанетъ, а не отъ нашея сѣверныя Державы.

— Да ты не о томъ, не въ Римѣ тутъ суть. Въ искусствѣ охуждаемъ нашъ государь, чудовищемъ явнымъ изображенъ.

— Не понять мнѣ сего... Выпить, братъ, надобно, штобъ умишко прочистить.

— Выпьемъ, пожалуй.

Зеленую скляницу тутъ на столъ онъ поставилъ. Пошелъ у насъ разговоръ поскладнѣе. Можетъ статься, я захмелѣлъ, но токмо попа убѣждаю:

— Тому не бывать, штобъ сугубоглавый орелъ былъ Зміемъ ужаленъ... Не погибнетъ во-вѣки преславный клейнодъ россійской!

— А можетъ, погибнетъ. — Дерзостный попъ мнѣ перечитъ. — Шатается, слышь, Держава. Пи-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

теромъ окаяннымъ черный народъ подавленъ, одному барству, дворянству жисть!

— Ты, попъ, мятежными рѣчами не блюй!

— А ты, гомоза, погоди егозить... Истинно говорю, народъ въ темень согбенъ, подъ ярмы-кнуты, и неправда въ судилищахъ, и нестояніе въ древнихъ отеческихъ церквахъ. Ужо Рассея, какъ конь твой, завалится!..

— Попъ, попъ, — дадеся тебѣ языкъ, пакостникъ сатанинъ. Какой ты попъ, ты раскольникъ Аввакумъ протопопъ. —

— Анъ я попъ.

— Хулитъ твой дюжій языкъ.

— Анъ не хулитъ...

Поднялись мы въ семъ спорѣ изъ-за стола. Попъ на меня рыжей, мокрой брадою трясетъ, кулакомъ по грудямъ моимъ тычетъ. Я зажмурился, видѣніе странное вижу...

Будто бѣлыя волны снѣговъ, а по волнамъ, вихрь взметая, мерзлый конь скачетъ. Уши въ страхѣ прижаты, ноздрями храпитъ. А на конской спинѣ, обовьясь кольцами, Змій скользкій трепещетъ. Изогнулся темной стрѣлой надъ конской головой, вьюгамъ свиститъ. —

— Змій, змій! — я возрыдалъ... Рыдая, на улицу съ попомъ выбѣжалъ.

Идемъ въ обнимку, посередь мостовой, попъ меня утѣшаетъ:

— Залей виномъ лютый страхъ, въ винѣ потопи...

Винище проклятое, оно меня закачало, словно дите малое въ зыбкѣ. Оно, зелье, тогда меня понесло, и ногъ я не слышалъ, шатаюсь, бѣгу — ляжки въ упряжкѣ, самъ коренникъ. Тутъ-то, посередь мостовой, нащупалъ я тогда подъ камзоломъ холщевую кису съ червонцами. Тутъ-то я вспомнилъ про нихъ, да какъ крикну. —

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Распахнись, душа, въ мошнѣ деньги бренчатъ! И, лютый страхъ свой забывъ, въ пляску пустился, а попикъ, подрясникъ закинувъ, — за мной.

Пляшемъ мы, топочемъ, а вдоль улицы никого не видать, и блѣдное небо намъ въ очи глядитъ, тягостное безмолвіе въ воздухѣ разлито.

Сіе помню я смутно: на день ли первый попою, аль на день седьмый, но токмо ножницами я рыжіе волосья попу отстригалъ, а онъ, вино и слезы мѣшая, головой въ горести трясъ. —

— Все порѣшилось, Алеха, стриги меня, разстригай.... Аллилуйя... Загудѣли наши головушки, другъ ты мой закадышный.

И впрямь загудѣли...

Уже послѣдній червонецъ въ дрожащемъ кулакѣ зажимая, испитой, винищемъ пропахшій, грязной да жалкой, въ ресторацію я забрелъ подгогородную.

А тамъ дымъ коромысломъ, не то сержанты гвардейскіе кутятъ, не то сенатскіе приказные...

Стопкой вина пришелъ я горящіе угли въ груди затушить, а въ дыму слышу смѣхъ, голоса, — веселье идетъ, не то хвастаютъ, не то спорятъ.

— Я, сударь, съ титломъ секретаря должность несу, а вы, хоть и гвардея, но задирать носъ не смѣете.

— Я самъ черезъ чинъ произведенъ прямо въ фурьеры... А што вы сукно на билліардѣ кіемъ прорвали, тому свидѣтели всѣ.

Къ трактирщику я пробираюсь, штобы винца испросить, а вдругъ меня за грудь кто-то хвать.

— Мужиковъ сюда не пущаютъ... Поди вонъ, борода.

Понялъ я, што въ запоѣ моемъ и бородой оснаститься успѣлъ. А што за грудь взять — зло меня разобрало. И, главное, стариченка нѣкій изъ

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

дыма на меня тычется, морщинистой да слюнявой, сивый паричокъ отъ пота, водки, раскисъ.

— Ишь, какъ слюна вожжею течетъ — я его со зломъ отъ себя оттолкнулъ.

И вышелъ тутъ шумъ. Стариченка кричитъ: «Я въ титлѣ секретаря и толкать себя не позволю», кто въ смѣхъ смѣется, а кто толкаетъ меня.

— Поди вонъ, поди, мужикъ не мужикъ, а съ виду воръ и пропойца.

Понялъ я тутъ, что въ честную компанію больше мнѣ ходу нѣтъ.

Такъ и загудѣли наши головушки.

За піянство попа Анкудина съ квартиры согнали, а я, душа ранещастная, червонцы казенные пропивъ-прогулявъ, въ ничтожество впалъ.

До конца лѣта, ежели правду сказать, мы съ тѣмъ бѣглымъ попомъ подъ штабелями досокъ на Галерномъ островѣ ночевали, въ стружкахъ, на самой сырости, гдѣ не передохнуть отъ сосновыхъ опилокъ. Попъ, о сенатской петиціи позабывъ — спился, а я съ нимъ. Все лѣто попъ, рыжей копной тряся, въ лютой тоскѣ меня звалъ.

— Уйдемъ отселева, Алеха. Строятъ столицу, камень, кирпичъ, мѣдь и чугунъ на болота кладутъ, а подъ ними — болото.... Пойдемъ, братъ, въ вольныя степи къ окраиннымъ казакамъ, а то въ Лавры Святыя, на югъ, въ пустыни прекрасныя.

Слушалъ я Анкудина и пойти соглашался: мнѣ выбора нѣтъ, потеряна моя голова, за казною одолжена. А уйти не могу. Не могу...

Багровые костры темной ночью горятъ за Невой, пышутъ глазищами красными.

Воздвигаютъ монументъ въ балаганахъ дощатыхъ, пожалуй, и мѣдь въ формы льютъ... Тамъ

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

она, Марія Прекрасная. И какъ воспомяну я родинку у губъ, воспомяну я шубку легкую, цвѣта жаркаго, въ оторочкѣ лисичьей, — никуды, никуды изъ города сего не уйти, тако мнѣ и пропадать на островѣ, на Галерномъ, подъ стружками, штабелями....

А въ тѣ дни, какъ запою начаться, купилъ я на Ситномъ рынкѣ, у Кронверковъ, молоть желѣзной въ рядахъ, гдѣ ржавымъ ломомъ торгуютъ. Купить я купилъ, а самъ не знаю, на што. Однако, молоть желѣзной въ карманѣ моемъ по всѣ дни я держалъ.

И токмо воспомню я Змія, какъ въ кулакѣ молоть сожму.

— Разобью... Не попущу Змія.

А у самого руки отъ винища дрожатъ.

Токмо помню, осенней порой, ввечеру, набережной на Васильевскомъ Острову я пробирался.

Дождило, вѣтеръ со взморья мой скудный плащишко трепалъ. Полагалъ я въ Академію Художествъ пойти, благодѣтелю въ ноги пасть, прощенья просить, да трепетало сердце мое, ибо попъ утромъ принесъ подъ барки свѣжія «Санктпетербургскія Вѣдомости». А въ «Вѣдомостяхъ» объявленіе пропечатано было:

«Разыскиваютъ отпускного дворового Боженова Алексія, ІМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ казеннокоштнаго воспитаника. Ростомъ Боженовъ высокъ, собою виденъ, лицомъ бѣлъ и румянъ, глаза каріе и родинка надъ губой, а пашпорта при себѣ не имѣетъ. Помянутаго Алексія Боженова приказано подъ караулъ взять и на Академическій Дворъ абитуріенту Академіи и скульптору тожъ, Козловскому, въ классы скульптурные, на мѣстожительство и для дальнѣйшаго о семъ бѣгломъ рабѣ слѣдствія доставить»...

Крадучись, въ плащишко кутаясь, я мимо тем-

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ныхъ корпусовъ Академіи шелъ, словно заяцъ, трясясь. Вотъ-бы, ступить мнѣ въ ворота, да смѣлости нѣтъ, ногу, руки дрожатъ. Погибла головушка.

Крѣпостная пушка на Кронверкахъ ударила. Вѣтрище ярится, косой дождь по лицу хлещетъ, а како запалила пушка, я бѣгомъ побѣжалъ.

По набережной бѣгу, на деревянной мостовой скользко, подъ ступней лужи въ темнотѣ плещутъ.

Сызнова пушка ударила, за Невой, на шпилѣ Адмиралтейскомъ, засвѣтились четыре красныхъ фонаря: наводненіе во столицѣ... А за дождемъ, на той сторонѣ, косты багровые пышутъ... Я огъ гнѣва затрясся, молотокъ стиснулъ, кричу въ ночь-ли, въ дождь.

— Ялика, ялика!

У перевоза, откудова на Царицынъ Лугъ ѣздіютъ, подъ мокрыми ступеньками, надъ темной водой, ялишный желтый фонарь прыгаетъ по волнамъ. Я въ яликъ скочилъ, закачался....

— Къ Адмиралтейству, скорѣе...

— Экій ты, скорой, — брадатый перевозчикъ ворчитъ. Въ плащъ кутаюсь, зубъ на зубъ не попадаетъ.

— Скорѣй, дѣдъ, скорѣй...

Словно въ багровомъ пожарѣ дощатые балаганы. Влѣво-ли, вправо пойти, все равно путь одинъ. Перекрестился, молотокъ въ рукѣ стиснулъ, и по темному проходу въ балаганъ бѣгомъ кинулся.

Смутно, гулъ, топотъ. Люди столпились въ дыму, словно тѣни, лязгаютъ цѣпи.

Въ багровый дымъ глянулъ, а въ багровомъ дымѣ Мѣдный Всадникъ коня мѣднаго на-скаку вздыбилъ. Блещетъ огненно ярая мѣдь. Ликъ Цезаря въ молоньяхъ жаркихъ.

Пальцы разжались мои, и молотокъ выпалъ. Въ ужасѣ я попятился отъ Мѣднаго Всадника.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

И услышалъ тутъ вопль тонкой.

— Алешь...

Надорвала мое сердце, лебедь-нѣжная, на всѣ дни моей жизни земной надорвала она мое горькое сердце, прекрасная моя госпожа, цвѣтокъ иноземной...

***

Августа, седьмого дня 1782 года, мы столицу съ бѣглымъ попомъ покидали. А было въ тотъ день въ Санктпетербургѣ великое торжество.

Съ утра-то было дождливо, а къ полудню прояснѣло. На Адмиралтействъ - площади, на высокихъ мачтахъ флаги веселые біются, на галерахъ разукрашенныхъ огромная музыка играетъ. А на площади, темныя толпы стоятъ. Передъ толпами, выстроились кордоны драгунскіе. Драгунъ я узналъ по мохнатымъ шапкамъ съ красной кистью, да по синимъ кафтанамъ; кафтаны синіе, а рукава красные, въ серебряную полоску, оплечья красно-бѣлыя тожъ. А на золоченыхъ пороховницахъ круглыя солнца выбиты, и въ волнистыхъ лучахъ солнешныхъ литеры: «За Вѣру и Вѣрность».

Многія тысячи войскъ на площади собрались: конногвардія тутъ, кирасиры, драгуны, опять же пѣхота мушкетная. А парадомъ командовалъ, какъ было слышно въ толпѣ, самъ фельдмаршалъ Голицынъ-князь. Токмо фельдмаршала я не видѣлъ.

Пальба на Невѣ, флаговъ трепетанье.... А посередь площади, гдѣ ранѣ балаганы стояли, воздынулась нонѣ ограда полотняная, подобно на ѳеатрѣ декорація — саженъ не менѣе пяти высотой, съ прехитрымъ изображеніемъ многихъ скалъ, водопадовъ и горъ.

Мы съ попомъ стороной съ котомками пробирались, вточь странники сирые, послушники Божіи, людъ хожалой, смиренной.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Анкудинъ, хотя-бы меня поторапливалъ, а не утерпѣлъ я на то поглядѣть, какъ парадныя шлюпки къ пристанямъ Адмиралтейскимъ птицами прилетали, и застывали гребцы, бросивъ въ воздухъ два ряда желтыхъ веселъ блистающихъ.

Государыня, такожъ на шлюпкѣ прибыла, а съ Ней кавалергардовъ отрядъ. На площади видѣлъ я коляску, въ которой Государынѣ съ торжества отбывать надлежало. Сказывали мнѣ, что на дверцахъ коляски живопись французскаго нѣжнаго мастера, Буше именемъ, да не разглядѣть — куды тамъ, когда народъ сталъ въ воздухъ треуголки, шляпы, колпаки, поярки бросать, и вся площадь отъ «ура» затряслась, загудѣла, и пальбой потрясаетъ Неву.

А была Государыня въ робронѣ серебряной, голубая лента черезъ плечо. На походку Государыня легка и плавна, хотя и на янтарную трость опирается. Свѣтло лицо ея круглое, сребристыя букли солнцемъ сквозили, когда она на балконадѣ Сенатской стояла и гражданству кланялась...

Туто изъ толпы вышелъ одинъ человѣкъ, по синему кафтану, купецъ, а фамиліей, слышно, Голиковъ, на колѣни палъ и просилъ у Государыни въ банкрутствѣ прощенія.

А какъ Она милостиво ему споклонилась, тутъ же побожился сей Голиковъ посвятить жизнь свою на описаніе подвиговъ и славы Государя Петра.

Вотъ бы и мнѣ при всемъ народѣ, на площади, предъ Государыней на колѣни припасть и покаяться въ казенномъ дѣлѣ съ червонцами, да бѣглый попъ за рукавъ меня теребитъ: «Пойдемъ-де, пропавшая голова».

Барабаны забили. Затихло на площади, и вдали, надъ головами, сѣрое полотнище, скалами водопадами зашуршавъ, поползло... Мѣдный Всадникъ, блистая, надъ площадью руку простеръ. Мѣдный

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

всадникъ и Змій на скалѣ, а подъ Всадникомъ — камень. Петръ есть камень. Ахнулъ я въ ужасѣ и въ толпу кинулся.

Но токмо и нонѣ, и до конца дней земныхъ, помнить я буду, што на сѣрой скалѣ были сіи литеры латинскія отлиты, а равно и цифирь:

PETRO PRIMO
CATHARINA SECONDA
MDCCLXXXII

А справедливую повѣсть сію о великодушной и прекрасной госпожѣ Маріи-Аннѣ Коллотъ, ниже исторію о мастерѣ скульптурномъ господинѣ Морисъ Фальконетѣ, о Мѣдномъ Всадникѣ и Мѣдномъ Зміѣ и прочія быстротекущія записи о дняхъ жизни земной, писалъ своеручно инокъ Обители Честныхъ Животворящихъ Даровъ, манатейный монахъ, келарь Ѳалалей, именемъ въ міру Алексій. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
Дворцовые гренадеры	5
A quoi pense l'empereur	15
Куранты	21
Портретъ	31
Поликсена	39
Тихая зоря	49
Не вечерняя	55
Дурной арапченокъ	71
Треуголка	79
Повѣсть о госпожѣ Маріи--Аннѣ Коллотъ	91

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins. Paris XIII.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

389

71 111 AA A 30

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 06568 8031

Digitized by Google
Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN